

ПРОФЕССОРА А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

ВИСЛОУЛОГИЧЕСКІЙ ОПЫТЪ

О

ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

ВВЕДЕНІЕ.

1-0-1

ДРЕВНЯЯ РУССКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ.

ОПЫТЪ

**ЭВЮЛОГИЧЕСКАГО ИЗЛОЖЕНІЯ
ИСТОРИИ ЕЯ ИЗУЧЕНІЯ.**

Проф. А. Котляревскаго.

I

**Общее историческое обозрѣніе.
Исторія наученія древне-славянскаго и
древне-русскаго языковъ и письма.**

ВОРОНЕЖЪ,

1881.

Slav 600.29

✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
COOLIDGE FUND

April 29, 1938

Оттиснуто изъ „Филологическихъ Записокъ“
1879—1880 г.

въ числѣ 66 экземпляровъ.

33 на вѣленовой бумагѣ нумерованы

№

Дозволено Цензурой. Москва, 12 Ноября 1880 года.

Воронежъ. Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

ОБЪ ИЗУЧЕНІИ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ПИСЬМЕН- НОСТИ.

I

Историческое Обзорѣніе

Въ 1877—8 г.—по особымъ обстоятельствамъ — мною читанъ былъ въ Университетѣ св. Владимира библіологическій курсъ „Исторіи изученія древней русской письменности“.

Курсъ распадался на двѣ неравныя половины: первая, краткая—заключала въ себѣ—„общее обзорѣніе исторіи изученія“ нашей письменной старины; вторая—подробная представляла „исторію изученія ея въ систематическомъ порядкѣ“, по отдѣламъ. Представляя нынѣ, на общее пользование, и извлеченіе изъ первой части курса, считаю необходимымъ дать мѣсто одному библіографическому объясненію. Внимательный читатель замѣтитъ, что нѣкоторыя упоминаемыя мною изданія, сочиненія и статьи приводятся со всею библіографическою обстоятельностью и полнотою, другія—не столь подробно и обстоятельно... Обстоятельно и подробно называются въ этомъ отдѣлѣ лишь тѣ труды, о которыхъ или вовсе не упоминается во второй части курса, или же упоминается въ общихъ словахъ; наоборотъ—то, о чемъ во второмъ отдѣленіи будетъ рѣчь подробная и обстоятельная—въ первомъ упоминается лишь кратко, или же и вовсе не упоминается. Обѣ части моего курса, тк. обр., взаимно другъ друга пополняютъ и отвѣчаютъ требованіямъ библіографической обстоятельности—

лишь въ своей совокупности... Короче—требованія о б щ е й
библіографической точности соблюдены мною вездѣ, библіографическая же обстоятельность—
только на своемъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ—по моему плану
—ей быть надлежало.

---

1 Произведенія древней русской письменности изучались съ давняго времени, но только съ прошлаго вѣка они начали быть изучаемы, какъ предметъ историко-филологической науки. Древняя Русь не знала науки въ собственномъ смыслѣ, она знала лишь науку вѣры, потому и изучала произведенія письменности только такія, которыя могли служить дѣлу вѣры, дѣлу спасенія души, дѣлу христіанской морали т. е. съ цѣлями религіозно-практическими. Правда, были стремленія или попытки изученія произведеній письменности съ цѣлями удовлетворенія исторической и литературной любознательности, но или онѣ были слабы, или и здѣсь преобладало религіозно-практическое, назидательное направленіе: польза ума, идея образованности совершенно заслонялась идеєю пользы души т. е. ея спасеніемъ. ¹⁾

¹⁾ О характерѣ „книжнаго почитанія“ въ древней Руси см. ст. (Порфирьева): „О чтеніи книгъ въ древнія времена Россіи“ Православ. Собесѣд. 1858, ч. II, стр. 173 sq. и 443 sq.; Шевырева „Исторія русской словесности“ ч. I, М. 1859, стр. XXV sq.; ср. также ст. „О способахъ духовнаго просвѣщенія древней Россіи—въ училищъ“, Правосл. Собесѣдн. 1858, ч. I, стр. 87 sq., 262 sq.

2. При такомъ взглядѣ—естественно—гдѣ было средоточіе религіозной жизни, тамъ было и средоточіе литературной дѣятельности; письменности. Письменные памятники религіознаго характера собирались и хранились у насъ при монастыряхъ, соборахъ, епископскихъ кааедрахъ, цер-

квахъ, училищахъ ²⁾), памятники же дѣловне—въ мѣстахъ государственнаго правленія; на Государевомъ Верху, въ посольскомъ Приказѣ и въ Приказахъ иныхъ.

²⁾ Перечень книжныхъ собраній древней Руси до XV в. въ трудѣ И. И. Срезневскаго: „Древніе памятники русскаго языка и письма“. Спб. 1863, см. Указатель, подъ словомъ „Книги“.

3. Библіотеки составлялись какъ чрезъ нарочитое списываніе книгъ при монастыряхъ, Соборахъ; такъ и владами и приношеніями лицъ благочестивыхъ или же по правамъ наслѣдованія.

Замѣчательнѣйшія изъ нихъ, дошедшія до нашего времени были:

а) Новгородская Софійская. Исторія ея— у Купріянова: „Историческій Очеркъ Софійской библіотеки“ въ Извѣстіяхъ II отд. Акад. Наукъ V, 1857, ст. 367—71. Здѣсь же, т. VI, стр. 34—66, 276—320. Книга издана и отдѣльно: „Обозрѣніе пергаменныхъ ркп. Новгородской Софійской библіотеки“ Спб. 1857. X+113. 8. (Смирнова): „Описаніе рукописныхъ сборниковъ Новгородской Софійской библіотеки“ въ Лѣтописяхъ занятій археограф. Комисіи, 1864, III, Спб. 1865, От. III, стр. 1—106.

б) Новгородскихъ церквей и монастырей. Ст. арх. Макарія: „Обозрѣніе древнихъ рукописей и книгъ церковныхъ въ Новгородѣ и его окрестностяхъ“ въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и древностей 1861, кн. 2, Мат. Ст. 1—40, см. также Купріянова: „Указанія на нѣкоторыя рукописи Новгородскихъ церквей и монастырей“. Ж. М. Нар. Пр. 1853, № 12, стр. 122—130.

в) Московская патриаршая (нынѣ синодальная). Исторія образованія ея изложена въ книгѣ арх. Саввы: „Указатель для обозрѣнія московской патриаршей (нынѣ синодальной) ризницы и библіотеки, М. 1858,

II, стр. 1—40; здѣсь же, стр. 41 sq. Алфавитный указатель рукописей, славянская часть котораго издана и отдѣльно, М. 1858, 8^о, стр. 128.

Ст. И. М. Снегирева объ этой библиотекѣ помѣщена въ (плюшаровскомъ) Энциклопедич. Лексиконѣ т. V, стр. 515—18; а также и въ „Памятникахъ Московской древности“, 1842—1845, стр. 177—192.

Рукописи этой библиотеки описывали: Калайдовичъ: описаль № 101, напечатан. въ неизданномъ Архивѣ кн. М. А. Оболенскаго ч. I, св. VП, стр. 1—62; Ундольскій: часть описанія издана въ „Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др.“ 1867, кн. 2, Мат. Слов. 1—56; Горскій и Невоструевъ: Описание славянскихъ рукописей патриаршей, нынѣ синодальной библиотеки; т. 1. М. 1855; т. 2—ib. 1858; т. 3 ib. 1859; т. 4—ib. 1862; т. 5, ib. 1869; см. также старую опись: „Роспись книгъ, которые обрѣтаются въ патриаршей ризнице... 1718, изд. Полуденскимъ въ приложеніяхъ къ Русскому Архиву 1864 г. № 3—4.

г) Успенскаго Собора. Извѣстіе о ней въ кн. Снегирева: „Памятники Московской Древности“ М. 1842—45, стр. 42—49.

д) Чудова монастыря. Извѣстіе о ней въ кн. Снегирева: „Памятники Моск. Древн.“ стр. 145—148.

е) Типографская, принадлежащая синодальной типографіи въ Москвѣ. Исторія ея (не вполне трезвая) изложена г. Безсоновымъ въ статьѣ: „Типографская библиотека въ Москвѣ,“ Русская Бесѣда 1859, к. V, стр. 39—105 и отдѣльно, 1859. 8^о стр. 66; см. также ст. Викторова: „Библиотека и историческая дѣятельность Московской синодальной типографіи“. Москов. Вѣдомости 1859, № 285, 288, 291 и газета „Наше Время“ 1860, № 5, 8, 10 и 12; свѣдѣнія о книгахъ типографской библиотеки на основаніи Реестра 1727 см. въ ст. Артемьева: „Каталоги библиотеки Московской синодальной типо-

графія“. Временникъ Общ. Ис. и Др. 1851, к. XI, Смѣсь, стр. 1—13.

ж) Троицко-Сергіевой Лавры: извѣстіе о ней въ книгѣ (Горскаго) „Историческое описаніе Свято-Троицкія Сергіевы Лавры“, М. 1865, стр. 151—165, и въ Чтеніяхъ въ Общ. Ис. и древн. 1878, в. IV, 165—174, cf. С. П. Шевырева: „Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь“ ч. I, М. 1850, стр. 18—20. Недавно изданъ (въ Чтеніяхъ въ Общ. Ис. и Древн. 1878, ч. 2, 4, 1879, ч. 2 и отдѣльно 3 ч. М. 1879) трудъ іер. Иларія и Арсенія, перечневое полное „Описаніе Славянскихъ рукописей бібліотеки Свято-троицкой Сергіевской Лавры“. М. 1878—9. Впереди предпослана краткая исторія книгохранилища.

з) Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Свѣдѣнія о ней въ книгѣ С. Шевырева: „Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь“ М. 1850, ч. II, стр. 14—51; старый (18 в.) каталогъ рукописямъ бібліотеки по списку Румянцевскаго Музея напечатанъ И. П. Сахаровымъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1842, № 11—12, стр. 1—40; см. также трудъ арх. Варлаама: Обзорніе рукописей собственной бібліотеки пр. Кирилла Бѣлозерскаго. М. 1860, и въ Чтеніяхъ въ Общ. Исторіи 1860 кн. 2-я, Мат. Слов. стр. 1—69.

и) Соловецкой обители. Извѣстіе о ней: въ книгѣ „Истина св. Соловецкой обители пр. Игнатія“ Спб. 1847, стр. 203—268; въ ст. (Лилова) „Библіотека Соловецкаго монастыря“ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1859, I, стр. 24—39, 199—221; II, стр. 67—85. Съ 1877 года начато систематическое ея описаніе (пр. Порфирьевымъ): оно печатается въ Православномъ Собесѣдникѣ; описанію предпосланъ краткій очеркъ исторіи бібліотеки.

к) Іосифа Волоколамскаго монастыря. Свѣдѣнія о ней и рукописяхъ см. въ извлеченіи Анастасевича

изъ обстоятельнаго описанія ркп. П. М. Строева, въ Отечественныхъ Запискахъ 1823, ч. XIII, № 33, 35, ч. XV, № 39, стр. 123—139, 400—413, 102—114; см. также К. И. Невоструева: Разсмотрѣніе соч. Хрущева: Іосифъ Волоцкій, въ „Отчетъ о XII присужденіи наградъ гр. Уварова“, Спб. 1870, стр. 168—186, ст. „Библіотека Іосифова Волоколамскаго монастыря времени самого препод. Іосифа“. Въ отдѣльномъ оттискѣ стр. 85—103. См. описъ книгъ Іосифо-Волоколамскаго монастыря 1573 г. въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. 1847, № 7, стр. 1—16 Смѣси.

л) Воскресенскаго или Новоіерусалимскаго монастыря. Описаніе ркпс.—въ книгѣ архим. Амфилохія: „Описаніе Воскресенской Новоіерусалимской библіотеки“ М. 1875. 4/^о, также арх. Леонида: „Описаніе Славяно-русскихъ рукописей“ книгохранилища Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ имен. монастыря въ „Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древн. 1871, к. I, с. стр. 1—71, и отдѣльно. Трудъ о. Леонида—во многомъ представляетъ дополненіе къ предыдущему. Въ началѣ помѣщена исторія библіотеки. Въ книгѣ И. П. Сахарова: „Русскіе древніе памятники.“ Вып. I (Спб. 1842), стр. 4+13, помѣщено: „Описаніе Славяно-русскихъ рукописей, находящихся въ библіотекѣ Воскресенскаго Ново-Іерусалимскаго монастыря. Описаніе сіе составлено на основаніи предшествовавшаго рукописнаго труда П. М. Строева, см. Барсукова: „Жизнь и труды Строева“, Спб. 1878, стр. 38. Многія книги изъ библіотеки Воскресенскаго монастыря „исправленія ради книгъ“ были взяты въ Москву, въ патриаршую ризную казну, см. „Описъ книгамъ“, поступившимъ въ патриаршую ризную казну. М. 1847, и въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др. 1847, № 5, смѣсь, стр. 1—20; брались книги отсюда въ Москву и позднѣе, въ 18 и 19 в. см. вышеуказанное Описаніе арх. Леонида.

Кромѣ этого, почти при каждомъ монастырѣ въ древней Руси существовали болѣе или менѣе значительныя биб-

ліотеки: въ составленной при патріархѣ Никонѣ „Описи книгамъ въ степенныхъ монастыряхъ находящимся (издана въ Чтеніяхъ общ. Ист. и Др. 1848, № 6 стр. 1—44 и отдѣльно), такихъ монастырскихъ библіотекъ поименовано 39; ихъ, конечно, — было гораздо болѣе. ³⁾

³⁾ См. ст. Бередникова: „О нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ монастырскихъ и другихъ библіотекахъ“, въ Журн. М. Нар. Пр. 1853 № 6; стр. 85—111.

Извѣстны собранія рукописей слѣдующихъ монастырей:

а) Тихвинскаго монастыря, см. ст. Бередникова: „Описаніе четырехъ рукописей, хранящихся въ библи. Тихвинскаго усупскаго монастыря“, Ж. Мин. Нар. Пр. 1847, № 9, стр. 201—226.

б) Спасскаго монастыря въ Ярославѣ. Свѣдѣнія о рукоп. монаст. представлены А. Ѳ. Бычковымъ въ Лѣтописяхъ занятій археогр. Ком., вып. V, Спб. 1871, прот стр. 21—29 и въ „Сборникѣ“ II отд. Академіи Наукъ т. II, Спб. 1868 — прот. с. VIII—XII.

в) Суздальскаго Спасо-евфимьевскаго монастыря, старая „опись“ книгамъ его во Временникѣ Общ. Ист. и Др. т. V, 1850, см. стр. 43—51.

г) Калужскихъ монастырей, городскихъ и сельскихъ церквей. Обзорніе ихъ, составлен. арх. Леонидомъ въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и др. 1865 кн. IV, см. стр. 1—115 и отдѣльно.

д) Звенигородскаго Саввина монастыря, описана П. М. Строевымъ, описаніе не издано, см. „Рукописи Царскаго“ М. 1848.

№ 197. Рукописей въ 1818 г. было только 17.

е) Пафнутія Боровскаго монастыря, описана Строевымъ; описаніе не издано, см. *ibidem*; всѣхъ рукописей было въ 1820 числомъ 60.

ж) Иверскаго Святозерскаго монастыря: остатки книгохранилища XVII в. перечислены о. арх. Леонидомъ въ Русской Исторической библіотекѣ, т. V, Спб. 1878, стр. 50—62.

Исчисленіе всѣхъ монастырскихъ, соборныхъ и церковныхъ библіотекъ, откуда Археографическая коммиссія черпала свои матерьялы, см. въ книгѣ „Отчеты о занятіяхъ и изданіяхъ Археограф. Коммисія за 25 лѣтъ“, Спб. 1860, стр. 20—21, cf. Ундольскаго: Библиографическія разысканія. М. 1846, с. 4—9.

4. Были библіотеки, о которыхъ сохранились только извѣстія, такъ. напр. библіотека Св. Софіи въ Кіевѣ: нынѣшній запасъ книгъ ея (о немъ см. митр. Евгенія: Описаніе Кіево-соф. Собора, Кіевъ, книга 1825, стр. 54) происхожденія не очень давняго.

Были библіотеки принадлежавшія правительственнымъ учрежденіямъ, великимъ князьямъ, патріархамъ, митрополитамъ и друг. духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ. ⁴⁾

⁴⁾ а) Архивъ при мастерской оружейной палатѣ, описаніе рукописей и книгъ его, сост. г. Зубаревымъ, см. Вѣстникъ Европы 1827, № 14, стр. 81—102; № 15, с. 161—184, № 16, с. 241—264.

б) Архивы дворцовыхъ приказовъ: первый томъ описанія ихъ изданъ г. Викторевымъ, подъ заглавіемъ: „Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ 1584—1725,“ I, М. 1877, 8⁰, стр. 376.

Свѣдѣнія о московскихъ и иныхъ архивахъ можно найти: въ ст. П. Иванова „Государственные архивы въ Москвѣ“, Москвитянинъ 1841 № 3, стр. 254—259, (подробнѣе)—въ особой книгѣ П. Иванова: „путеводитель по г. Архивамъ“, состоящимъ при Правит. Сенатѣ въ Москвѣ“, М. 1845, VI+58 с. 8^о; въ ст. „Архивы въ Россіи“, помѣщен. въ Энциклопедическомъ Словарѣ 1863, т. V, с. 539—547; cf. ст. Н. В. Калачова: „Архивы“ въ кн. „Труды перваго археологич. съезда“, М. 1871, I, с. 207—218; наконецъ для исторіи московскихъ архивовъ важны и замѣчанія П. М. Строева въ книгѣ Барсукова: „Жизнь и труды П. М. Строева“ Спб. 1878, с. 338—340.

в) Библіотеки вел. князей Василія IV Ивановича и Ивана IV Васильевича, о нихъ ст. проф. Клоссіуса въ *Dopdater Jahrbücher d. Literatur* 1834, т. III № 4 с. 289—304 и Журн. М. Нар. Пр. 1834, № 6, 397—419.

г) Старинныя описи царскихъ библіотекъ напечатаны въ сочиненіи И. Е. Забѣлина: „Домашній бытъ Русскихъ царей“, стат. 7-ая, „Отечественныя Записки“ 1854, № 12, с. 122—136.

д) Библіотека Павла митр. сарскаго и подонскаго, реестръ ея во Временникѣ въ *Общ. Истор. и Др.* V, 1850, стр. 65—73.

е) Библіотека Патр. Филарета Никитича, „Роспись“ ея во Временникѣ *Общ. Ист. и Др.*, кн. XII, 1852, см. стр. 1—9, и въ „Описаніи Государственнаго Архива старыхъ дѣлъ, сост. Ивановымъ, М. 1850, с. 287

—295 и въ Вѣстникѣ Общества древне-русскаго искусства за 1875 М. 4^о, отд. матерьялы, стр. 24—29.

ж) Библіотека патріарха Никона; перечень книгъ ея помѣщенъ въ ст. „Переписная книга домової казны Патр. Никона, составленная въ 7166 г. по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича“, во Временникѣ Общ. ист. Древ. 1852, кн. 15, стр. 8—15.

з) Библіотека іер. Евфимія; опись ея въ „Лѣтописяхъ русской литературы“ изд. Н. С. Тихонравовымъ, т. V, с. 50—56. Здѣсь же, стр. 56—74, помѣщена и опись библіотеки гр. Матвѣева.

и) Библіотека Дмитрія (Гушталенка) Ростовскаго, опись ея въ Москвитинѣ 1855, № 21—2, стр. 79—86.

5. Одною изъ замѣчательнѣйшихъ библіотекъ была библіотека Сеньки (въ монаш. Сильвестра) Медвѣдева, который и составилъ подробную опись ея, первый русскій подробный библіографическій трудъ, подъ названіемъ: „Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ“ издано Ундольскимъ въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древ. 1846, № 3, смѣсь, стр. I—XXX, 90 и отдѣльно. М. 1846 XXX+90. Цѣль составленія „оглавленія“ была, вѣроятно, та, чтобы узнать „кто которую книгу сложилъ и написал“. Цѣль—практическая: для ученыхъ занятій, для переводовъ Отцовъ Церкви и изданія ихъ необходимо было прежде знать, что было сочинено и переведено, что напечатано и что нѣтъ, чтобы не трудиться напрасну надъ переводомъ и изданіемъ. Библіографія согласно съ характеромъ древне-русскаго образованія служила цѣлямъ религіозно-церковнымъ.

Таже цѣль „великой душевной пользы“ руководила и гигантскимъ предпріятіемъ митроп. Макарія—собрать во

едино „всѣ книги чтимыя, которыя въ русской землѣ обрѣтаются“. Это тѣ. наз. его Великія Чети—Минеи.

6. Библиотеки въ древней Руси служили дѣлу и ученію вѣры,—въ новой имъ предстояла иная миссія, миссія науки.

Съ реформою Петра на Руси возникаетъ идея науки въ высшемъ значеніи этого слова. Правда, эта идея имѣетъ практически-утилитарный характеръ, но она не затрудняетъ уже, какъ прежде, свободы изслѣдованія и критическаго изученія. Памятники старинной отечественной письменности отыскиваются, собираются и разбираются съ цѣлями историко-научными. Еще въ 1722 г. Петръ издалъ указъ, чтобы, изъ всѣхъ епархій и монастырей, гдѣ о чемъ по описямъ курьезныя т. е. древнихъ лѣтъ рукописныя, на хартіяхъ и на бумагахъ, церковныя и гражданскія лѣтописцы, степенныя, хронографы и прочія симъ подобныя, что гдѣ таковыхъ обрѣтается, взять въ Москву въ Синодъ и для извѣстія оныя описать и тѣ списки оставить въ библиотекѣ... ⁵⁾

⁵⁾ См. Чтенія въ Общ. Ист. и Древ. 1847, № 2, Смѣсь, стр. 29.

Воспитанникъ Петровской школы В. Н. Татищевъ, отдавшій изученію отечественной географіи и исторіи— „неуспыннымъ трудомъ“ отовсюду собираетъ манускрипты: лѣтописныя сборники, церковныя степенныя хронографы, царственныя книги, Четья Минеи, прологи и т. д., сводитъ и сличаетъ ихъ извѣстія, наконецъ самъ открываетъ и толкуетъ „Русскую Правду и Судебникъ.“ ⁶⁾

⁶⁾ Н. Поповъ: В. Н. Татищевъ и его время, М. 1861, стр. 431 sq. особ. 450 sq.

7. Академія наукъ, задачей которой по мысли Петра было „науки производить и свершать“—съ самаго своего

основанія обратила серьезное вниманіе на изученіе рукописныхъ историческихъ источниковъ. Хотя при Академіи и не существовало особаго класса „русской исторіи“, тѣмъ не менѣе академики общаго „историческаго класса“ усердно занялись изученіемъ отечественныхъ древностей между прочимъ—и произведеній старинной русской письменности. Такъ:

І. П. Коль, приглашенный въ Академію профессоромъ краснорѣчія и церковной исторіи въ одномъ изъ академическихъ засѣданій представилъ статью: „de manuscriptis bibliothecae mosquensis; а по возвращеніи на родину, въ 1729 г. издалъ цѣлую книгу „Введенія въ исторію и литературу славянъ, преимущественно церковную или критическую исторію славянскихъ замѣчательнѣйшихъ переводовъ, именно Священнаго писанія и Ефрема Сирина⁷⁾ и т. д. При разсмотрѣніи судебъ славянскаго перевода Св. Пис. Коль пользовался и нѣкоторыми рукописными источниками. Описаніе славянскаго перевода Ефрема Сирина (стр. 300—366) очень замѣчательное. Въ концѣ книги изданы латинской транскрипціей славянскій переводъ двухъ гомилій Ефрема Сирина, неизвѣстныхъ ни въ греческомъ, ни въ латинскомъ текстахъ. (Латинскій переводъ сихъ гомилій сдѣланъ самимъ авторомъ съ славянскаго). Тѣ. обр. уже тогда опредѣлилось вѣрное значеніе произведеній славяно-русской письменности для исторіи общей литературы и церкви, т. е. для возвращенія утраченныхъ памятниковъ ихъ.

Г. Ф. Миллеръ неутомимо, болѣе полустолѣтія трудившійся надъ отысканіемъ и собираніемъ всякаго рода историческихъ отечественныхъ матерьяловъ. Масса ихъ приведена имъ въ извѣстность въ его сборникахъ: нѣмецкомъ — „Sammlung Russischer Geschichte Spb 1732—64, 9 т. и русскомъ — Ежемѣсячныя сочиненія (къ пользѣ и увеселенію служащія), Спб. 1755—1764, 20 т. Миллеру принадлежатъ изданія: „Степенная книга“ (митр. Кипріяна и

Макарія) М. 1775, 2 в.; „Исторія Россійская Татищева“ М. 1768,—74. 3 в. „Судебникъ государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича“ и нѣкоторые сего государя и ближнихъ его пріемниковъ указы, собранныя и примѣчаніями изъясненныя В. Н. Татищевымъ, М. 1768. *) Не мало рукописныхъ матерьяловъ Миллеръ сообщалъ, какъ увидимъ, и другимъ лицамъ.

А. Л. Шлецеръ. Еще до пріѣзда въ Россію (1761 г.) Шлецеръ составилъ себѣ высокое понятіе о русскихъ лѣтописяхъ и въ Россіи усердно занялся изученіемъ ихъ, сличалъ различные списки, подводилъ варианты въ древнѣйшимъ, особенно съ той поры, какъ изданіе Кенигсбергскаго списка Таубертомъ было выполнено безъ соблюденія правилъ строгой филологической критики. *) Плодомъ занятій Шлецера памятниками древне-русской письменности были: „Правда Русская“, данная въ XI в. отъ вел. князей, Ярослава Вл. и сына его Изяслава Яр., изданіе Августа Шлецера, Спб. 1767. „Русская лѣтопись по Никонову списку“ ч. I, Спб. 1667 съ предисловіемъ Шлецера: „Probe russischer Annalen v. A. L. Schlözer. Вг. u. G. 1768. Послѣдній трудъ—программа и первообразъ того, что впоследствии въ широкихъ размѣрахъ выполнено Шлецеромъ въ его „Несторѣ“. „Probe“ излагаетъ сначала жизнь Нестора, его сочиненія (Лѣтопись и Патерикъ (?)) и его продолжателей, далѣе, по общему историко-этнографическому введенію, предлагается обзоръ источниковъ русской исторіи: степенныхъ книгъ, хронографовъ, родословныхъ и разрядныхъ книгъ, Четихъ Миней, Прологовъ, Патериковъ, грамотъ и наконецъ списковъ лѣтописей. Послѣднія обзрѣваются кратко, но по правиламъ ученой палеографіи того времени, именно въ отношеніи матерьяла письма, формата, способа записанія, языка; далѣе разсматриваются вопросы о вариантахъ, ошибкахъ переписчиковъ, о существенныхъ отличіяхъ въ текстѣ различныхъ списковъ и т. д. сжато, но съ замѣчательнымъ по времени знаніемъ дѣла.

Кромѣ Кенигсбергскаго списка и Никонова сборника (т. 8) Академія напечатала еще нѣсколько лѣтописныхъ списковъ ¹⁰⁾. Въ 1778 указомъ импер. Екатерины „для пользы общества и къ споспѣшествованію Россійской исторіи повелѣно было приступить къ напечатанію рукописныхъ книгъ, „касающихся до Россійской Исторіи достойныхъ примѣчаній лѣтописцевъ“. Вслѣдствіе этого въ 1768—90 г. и Свят. Синодомъ было (подъ смотрѣніемъ митр. Платона) напечатано также нѣсколько лѣтописныхъ списковъ.

⁷⁾ I. P. Kohlii *Introductio in historiam et rem literariam Slavorum imprimis sacram sive historia critica versionum slavonicarum maxime insignium, nimirum codicis sacri et Ephremi Syri, duobus libris absoluta. Accedunt duo sermones Ephremi Syri nondum editi de sacra coena...* Alton. 1729, 16° стр. 418. О дѣятельности Коля см. Пекарскаго „Исторія Импер. Академіи Наукъ“, I, Спб. 1870, стр. 77—81.

⁸⁾ О трудахъ Миллера см.: ст. Соловьева: „Г. Ф. Миллеръ“ въ *Современникѣ* 1854, № 10, стр. 115—150; Пекарскаго: *Исторія Акад. Наукъ*, I, стр. 308—430; его же; Редакторъ, сотрудникъ и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 г., Спб. 1867. Полный перечень статей помѣщ. въ „Ежемесячныхъ сочиненіяхъ“ см. у Неустроева: *Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1862 г.* Спб. 1875, стр. 46—67; обзорѣніе историко-литерат. матерьяла „Ежем. Сочин.“ въ ст. В. Милютина „Очерки русской журналистики,“ *Современникѣ* 1851, № 1, 2 и 3.

Объ археографическихъ заслугахъ Миллера

прекрасно говоритъ Строевъ въ своей рѣчи „О средствахъ къ открытію памятниковъ“ и т. д. см. Барсукова: „Жизнь и труды П. М. Строева“ Спб. 1878, стр. 69.

⁹⁾ Кенигсбергскій списокъ изданъ въ I т. изданія: „Библіотека Россійская историческая, содержащая древніе лѣтописи“ и т. д. Спб. 1767, 4°, с. 33+XII+301+50. Объ этомъ изданіи см. въ ученой автобіографіи Шлецера „Общественная и частная жизнь А. Л. Шлецера“ въ Сборникѣ II отдѣл. Академіи наукъ т. XIII, 1875, с. 45 и сл., а также въ его Несторѣ. *Russische Annalen*, 1. р. 95—6. О Шлецерѣ писано у насъ не мало, но всѣ писавшіе разсматривали болѣе его общее вліяніе на русскую исторіографію, чѣмъ его археографическую дѣятельность.

¹⁰⁾ Библиографическое обозрѣніе ихъ въ ст. Д. В. Полѣнова: „Библиографическое обозрѣніе русскихъ лѣтописей“ въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1849, № 10 и 11; а также Schlözer's: Несторъ. *Russische Annalen*. I, 1802, стр. 104—5 и въ ст. А. Θ. Бычкова въ кн. Отчеты о занятіяхъ археогр. Комм. Спб. 1860, с. 61—66, и ст. „О лѣтописяхъ, издан. отъ Св. Синода“. Записки Ак. Наукъ. т. IV, 1864, с. 174—202; Полѣновъ ib. Schlözer's Несторъ ib. р. 105—6. и ст. Бычкова: loco cit.

8. Н. И. Новиковъ, помимо обширной литературной дѣятельности, какъ журналистъ, сатирикъ и публицистъ—извѣстенъ и какъ издатель многихъ памятниковъ древней Русской письменности. Слѣды изученія ихъ видны уже въ его „Опытъ историческаго Словаря о Россійскихъ писателяхъ“ Спб. 1772. Здѣсь онъ неоднократно касается писателей до-петровскаго времени и указываетъ

на ркп. материалы Императорской библиотеки, но съ 1773 онъ выступаетъ съ періодическими изданиями и сборниками, почти всецѣло посвященными обнародованію памятниковъ до-петровской письменности, таковы: а) „Древняя Россійская Вивліоекка, или собраніе разныхъ древнихъ сочиненій“ и т. д. Спб. 1773—5, 10 т.; второе издание, въ 20 частяхъ—болѣе чѣмъ вдвое увеличенное и упорядоченное въ хронол. систему, вышло въ 1788—91 г.; б) „Повѣствователь древностей Россійскихъ или собраніе разныхъ достопамятныхъ записокъ, служащихъ къ пользѣ Исторіи и Географіи Россійской“, 1776, ч. I, 1 №; в) Санктпетербургскія ученныя Вѣдомости на 1777 г. т. 1. ¹¹⁾ До изданій румянцевской и археографической комиссій „Вивліоекка“ Новикова была единственнымъ въ своемъ родѣ сборникомъ. Она необходима каждому изслѣдователю русской древности и нынѣ, потому что матеріалъ ея далеко не исчерпанъ другими изданиями. Нельзя забыть также и другаго изданія Новикова, именно „Древняя руссійская гидрографія“ Спб. 1773—это вторая редакція знаменитой „Книги большому Чертежу“, составленная въ 1680 г. Предпріятіе Новикова нашло продолжателей въ членахъ Академіи Наукъ, которые при нособіи Штриттера—съ 1786 по 1801 издавали „Продолженіе древней Россійской Вивліоекки“, 11 частей, гдѣ за исключеніемъ трехъ списковъ „Русской Правды“ — „Судебника“ и „Новгородскаго лѣтописца“ — все занято грамотами и актами юридическими и историческими ¹²⁾.

¹¹⁾ Точное библиограф. описаніе и оглавленіе этихъ изданій см. въ кн. Неустроева: „Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданияхъ и сборникахъ за 1703—1802 г.“ Спб. 1875. Стр. 181—201, 494—521, 222—230.

¹²⁾ См. описаніе и оглавленіе у Неустроева: Историческое розысканіе, стр. 397—402.

9. Принявъ во вниманіе пробудившіяся интересъ къ изученію русской письменной (рукописной) древности ¹³⁾ и указанныя предварительныя работы въ этомъ отношеніи, можно объяснить себѣ появленіе такихъ трудовъ, какъ Исторія кн. Щербатова и критическія сочиненія Болтина ¹⁴⁾. Были даже попытки свести въ одно плоды этого изученія. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ принадлежатъ Т. Бакмейстеру и Баузе. Въ своемъ „Опытѣ о библіотекѣ“ ¹⁵⁾ Бакмейстеръ предварительно обзрѣваетъ судьбу русскаго книжнаго просвѣщенія и дѣлаетъ при этомъ такія замѣчанія, которыя не только обнаруживаютъ близкое знакомство съ рукописной русской письменностью, но и могли бы быть повторены въ настоящее время. Таково напр. о существованіи лѣтописцевъ до Нестора (24 с.)... Баузе въ своей рѣчи о состояніи просвѣщенія въ Россіи до XVIII в. ¹⁶⁾ раздѣляетъ исторію просвѣщенія въ Россіи до XVIII в. на три періода. Въ первомъ (до Ярослава) знаменательны, между прочимъ, заведеніе Владиміромъ школъ и переводы церковныхъ книгъ съ греческаго на славянскій; во второмъ (до Іоанна III)—заботы Ярослава о наукахъ, заведеніе имъ въ Новгородѣ школы для 300 дѣтей высшаго и духовнаго сословія по Русской Правдѣ, основаніе Анною, дочерью Всеволода I, училища въ Кіевѣ для дѣвицъ, гражданское законодательство Владимира Мономаха, лѣтопись Нестора въ эпоху, когда прочія страны Европы не имѣли своихъ историковъ; третій періодъ обнимаетъ время до Петра... Баузе извѣстенъ еще и тѣмъ, что собралъ замѣчательную библіотеку русскихъ рукописей, въ которой были въ своемъ родѣ единственныя. Она погибла въ 1812 г. ¹⁷⁾.

¹³⁾ Даже и специалисты-естествоиспытатели не оставались, какъ нынѣ—чужды этому интересу, такъ напр. Лепехинъ не только обращаетъ вниманіе и пользуется старыми рукописями въ своихъ „Дневныхъ Запискахъ о путешествіи“, но и цѣликомъ издаетъ нѣкоторыя изъ нихъ, напр.

„Законы, данныя великимъ Ярославомъ“ т. е. Уставъ Ярослава по списку, найденному близъ Архангельска. См. Дневныя Записки; ч. III, стр. 351, 346, 366.

¹⁴⁾ Щ е р б а т о в ъ, кн. Исторія Россійская оуь древнѣйшихъ временъ. VII т. въ 15 частяхъ, 1770—91; Болтинъ: Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи Леклерка, Спб. 1788, 2 т. его же: Критическія примѣчанія на I т. Исторія кн. Щербатова 1793—94, 2 в. Спб. и др. полезныя сочиненія тѣхъ же лицъ.

¹⁵⁾ I. V a s m e i s t e r: Essai sur la Bibliothèque de l'Académie des sciences, Spb. 1776, переводъ на рус. яз. Костыгова „Опытъ о библиотекѣ“. 1779.

¹⁶⁾ Oratio de Russia ante hoc saeculum non proprus inculta, nec parum adeo de litteris earumque studiis merita... Mosq. 1796. 4° 45 стр.; русскій переводъ или вѣрнѣе изложеніе съ нѣмецкаго въ „Вѣстникѣ Европы“ 1806, ч. 25, № 1, стр. 3—20; № 2, стр. 81—96.

¹⁷⁾ О знаменитой библиотекѣ Баузе можно составить нѣкоторое понятіе по книгѣ К а л а й д о в и ч а: „Извѣстіе о древностяхъ Славяно-Русскихъ и объ И. Θ. Θεραπονтовѣ“ М. 1811; перечневый каталогъ, сост. В. Н. Каразиннымъ, напечатанъ въ „Чтеніяхъ въ Общ. Ис. и Др. 1862, № 2 смѣсь, с. 45—79. Въ (бывшей) Чертковской библиотекѣ хранится болѣе исправный подлинникъ этого каталога.

Нельзя позабыть также и библиотеки П. Г. Демидова, которая заключала въ себѣ не мало рѣдкихъ русскихъ рукописей, см. Чтенія въ Об. Ис. и Др. 1846, № 2. Смѣсь стр. 1—35.

10. Тогда же началъ собирать свою библіотеку древнихъ русскихъ рукописей графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ. Изъ рукописей имъ приобретенныхъ онъ издалъ „Русскую Правду“ 1799 и (вмѣстѣ съ Болтиннымъ) „Духовную В. кн. Владиміра Всеволодовича Мономаха дѣтямъ своимъ“, 1795. Въ 1795 г. Мусинъ-Пушкинъ открылъ въ одномъ сборникѣ и знаменитое „Слово о Полку Игоревѣ“. ¹⁸⁾

Девятнадцатый вѣкъ для древней русской письменности счастливо открывается изданіемъ ¹⁹⁾ сего въ своемъ родѣ единственнаго произведенія древне-русской поэзіи.

Въ то же время А. Л. Шлецеръ издаетъ своего „Нестора“ ²⁰⁾ съ обширнымъ историко-критическимъ введеніемъ, представляющимъ какъ бы сводъ и пересмотръ всего, что дотолѣ сдѣлано было по разбору и обнародованію старинныхъ русскихъ историческихъ памятниковъ.

¹⁸⁾ См. К а л а й д о в и ч а: „Записки для біографіи гр. А. М. Мусина-Пушкина“, въ Вѣстникѣ Европы, 1873, № 21, с. 76—89, и подробнѣе въ „Запискахъ о Трудахъ Общ. Ист. и Др.“ ч II, М. 1824, с. 1—48.

¹⁹⁾ Историческая пѣснь о походѣ на Половецъ кн. Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII в. М. 1800.

²⁰⁾ S c h l ö z e r: Несторъ. Russische Annalen in ihrer slavonischen Ursprache verglichen übersetzt und erklärt. Gött. 1812—9. 5 г.; русский переводъ Д. Языкова, Спб. 1809—1819, 3 кн.

11. Съ 1804 г. начинаются обширные труды Карамзина. Предъ нимъ открылись дотолѣ нетронутыя богатства библіотеки и архивовъ. Ему приходилось совмѣщать тяжелую работу антиквара, отыскивателя-коллектора и из-

слѣдователя. Не смотря на это — онъ умѣлъ обогатить науку древне-русской словесности такимъ огромнымъ запасомъ новыхъ данныхъ, впервые имъ найденныхъ памятниковъ, новыхъ соображеній, изслѣдованій и замѣчаній, что, можно сказать, составилъ въ этомъ отношеніи эпоху. „Изъ примѣчаній“ къ Исторіи Государства Россійскаго можно — по словамъ г. Срезневскаго — выдѣлить большую книгу записокъ о древнихъ памятникахъ русской письменности; а ея одной было бы достаточно для ученой дѣятельности и славы другаго писателя не только того, но и нашего времени“.. ²¹⁾ „Громадна — говоритъ другой почтенный ученый — масса памятниковъ, которые онъ въ первый разъ нашелъ, или которыми онъ впервые воспользовался. Сюда принадлежатъ: Хлѣбниковскій списокъ, Лаврентьевскій, Троицкій, Ростовскій, нѣкоторыя изъ Новгородскихъ лѣтописей и едва ли не обѣ Псковскія, потомъ — Даниилъ Паломникъ, Иларіонова похвала Владиміру, множество житій святыхъ, множество грамотъ, сказаній... и все это онъ изучилъ, провѣрилъ, изъ всего выписалъ самое любопытное и нигдѣ не спутался.. Каждый памятникъ онъ подвергаетъ критикѣ и критикѣ всегда удачной. Такъ, превосходно разобрано житіе Константина Муромскаго, Дѣяніе собора на Мартина Армянина“. Въ лѣтописяхъ онъ также нерѣдко указываетъ на ихъ составныя части: такъ въ „Повѣсти Временныхъ лѣтъ“ онъ очень основательно подмѣтилъ одно чисто Новгородское сказаніе; помощью приписки на Остромировомъ Евангеліи возстановилъ одинъ годъ въ лѣтописи; указываетъ въ Кіевской лѣтописи одно извѣстіе, записанное, вѣроятно, въ Черниговѣ и т. д. Не довольствуясь нашими бібліотеками и архивами, ищетъ возможности получить нужные для себя документы и изъ архивовъ заграничныхъ“... ²²⁾ Вообще — „если обо многомъ въ „Примѣчаніяхъ“ Карамзина надобно справляться и теперь, то можно себѣ представить, какое значеніе было за нимъ въ началѣ вѣка“...

²¹⁾ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1867, т. СХХХШ. № 1, стр. 86.

²²⁾ Слова К. Н. Бестужева—Рюмина въ его статьѣ: „Карамзинъ какъ историкъ“ Журн. Мин. Нар. Пр. 1867, т. СХХХШ, № 1 стр. 17—19. Заслуги Карамзина въ отношеніи указанія и объясненія памятниковъ исторіи русскаго права см. въ ст. Н. В. Калачова, помѣщ. въ книгѣ: „Рѣчи, произнесенныя въ собраніи Московскаго Университета въ день Карамзинскаго юбилея“ М. 1867, стр. 34—9 и въ Читеніяхъ въ Общ. любителей Россійской Словесности, I, М. 1867, стр. 2, слѣд.

12. Знакомство съ памятниками древней русской письменности было уже таково, что въ 1806 становится возможенъ классическій палеографическій трудъ А. Н. Оленина, т. е. его „Письмо о камнѣ Тмутараканскомъ“. Спб. 1^о, 1806, гдѣ главнымъ образомъ важно и рѣшеніе частнаго вопроса, и установка образца и общихъ приемовъ этого рода изслѣдованій, и разъясненіе важности ихъ для науки древней письменности.

13. Старыя рукописи собираются или въ общественныя книгохранилища или въ библіотеки частныхъ лицъ— гдѣ онѣ становятся болѣе или менѣе доступны изслѣдователямъ, таковы: библіотека Академіи Наукъ, Императорская Публичная библіотека, библіотеки Ѳ. А. гр. Толстова, гр. Н. П. Румянцева, Московскаго Общества Исторіи и Древностей... ²³⁾

²³⁾ Библіотека Академіи наукъ— до сихъ поръ не имѣетъ своей исторіи; краткая исторія Импер. публичной библіотеки изложена въ книгѣ „Путеводитель по Императорской публичной библіотекѣ“. Спб. 1852, с. 2—53; о библіотекѣ гр. Ѳ. А. Толстова (поступившей въ Пуб-

личную), см. ст. К. К а л а й д о в и ч а: „Библиографическія поправки“ Вѣстникъ Европы 1820, № 11, стр. 195—204. Упомянемъ здѣсь о любопытной книгѣ Radziszewskiego: „Wiadomosc hist. stat. o znakomitszych bibliotekach i Archiwach... w krajach dawną Polską skladających... Кг. 1875. Свѣдѣнія краткія, но иногда очень интересныя для исторіи бібліотекъ юго-западной и западной Руси..

14. Время первой четверти текущаго столѣтія — по отношенію къ занятіямъ русской стариной — справедливо можетъ быть названо эпохой графа Н. П. Румянцова; вокругъ его сосредоточились и къ нему примкнули всѣ тогдашніе ученые, хотя нѣкоторые и начали свои занятія нѣсколько ранѣе.

Гр. Румянцевъ — по словамъ одного свидѣтеля ²⁴⁾ — былъ истинный, искренній любитель и знатокъ русской исторіи и вообще русской старины; въ знаніи частныхъ онъ не уступалъ никакому ученому специалисту. Пристрастился онъ къ русской исторіи, важется, въ десятихъ годахъ; по крайней мѣрѣ первымъ свидѣтельствомъ его любви былъ докладъ (1811 г.) на Высочайшее имя объ учрежденіи особой комисіи ²⁵⁾ для изданія государственныхъ Грамотъ и Договоровъ при Московскомъ архивѣ (Иностранныхъ Дѣлъ). Первый томъ Грамотъ вышелъ въ 1813 г. Все древнее, старинное возбуждало любопытство гр. Румянцева; онъ читалъ постоянно все относящееся къ русской исторіи, отыскивалъ вездѣ ея любителей, привлекалъ къ занятіямъ, искалъ случаевъ начинать историческія работы, задавалъ вопросы, указывалъ источники, снабжалъ книгами, поручалъ изслѣдованія, употреблялъ всѣ зависѣвшія отъ него средства для содѣйствія всякому предпріятію. Всякое открытіе принималось имъ къ сердцу; онъ повѣщалъ прочихъ своихъ сотрудниковъ, славилъ въ обществѣ

и, возбуждая соревнованіе, помогать деньгами, ходатайствовалъ, покупалъ, печаталъ, издавалъ, и — около него составилось цѣлое общество ревностныхъ, трудолюбивыхъ талантливыхъ дѣятелей, имъ найденныхъ, взысканныхъ, ободренныхъ, воспитанныхъ, которые старались наперерывъ другъ передъ другомъ угождать своему покровителю исполненіемъ его порученій, и сами вызывались на новыя труды. Во всѣхъ архивахъ снимались копіи, во всѣхъ библіотекахъ дѣлались извлеченія, во всѣхъ древнихъ городахъ производились поиски по порученію гр. Румянцева. Изданія слѣдовали одно за другимъ. Важнѣйшія изъ нихъ по отношенію къ древней русской письменности слѣдующія: ²⁶⁾

1) Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ 1813—28, 4 ч. М. f^o съ 4 таб. снимковъ.

2) Древнія Россійскія стихотворенія, собран. Киршекъ Даниловичемъ. изд. К. Калайдовичъ, М. 1818, 4° (второе изд., безъ перемѣнъ, М. 1878, 8°).

3) Законы Вел. кн. Іоанна Васильевича и Судебникъ царя и Вел. кн. Іоанна Васильевича, изд. К. Калайдовичемъ и П. Строевымъ. М. 1819, 4', съ 1 л. снимк. (второе изд. безъ перемѣнъ, М. 1877. 8°).

4) Софійскій Временникъ, или русская лѣтопись съ 862 по 1534, издалъ П. Строевъ, 2 ч. М. 1820—1—4° съ 3 снимками.

5) Памятники Россійской Словесности XII в. изд. К. Калайдовичемъ. М. 1821, 4°, съ листовъ снимковъ.

6) Бѣлорусскій архивъ древнихъ грамотъ. М. 1824, 4".

7) Іоаннъ Екзархъ Болгарскій. Исслѣдованіе, объясняющее исторію словенскаго языка и литературы IX, X стол., напис. Калайдовичемъ, М. 1824, 2" съ 7 таб. снимковъ.

8) Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина, (соч. архіеп. Евгенія). Спб. 1818, 2 ч. Второе изд. Спб. 1827, 2 ч.

²¹⁾ М. П. Погодина, въ ст. его: „Судьбы ар-

хеологіи въ Россіи“, въ Трудахъ Перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ“ М. 1871, ч. I, стр. 7, см. также статью: Старчевскаго: „О заслугахъ Румянцова, оказанныхъ отечественной исторіи“, Жур. Мин. Нар. Пр. 1846, № 1, с. 1—50; Е. В. Барсова: „Государственный канцлеръ, графъ Н. П. Румянцевъ“ въ жур. „Древняя и новая Россія“ 1877, № 5, с. 5—22; А. В. Терещенки — въ книгѣ: „Опытъ обзорѣнія жизни сановниковъ въ Россіи,“ Спб. 1837, II, с. 246—267. Нѣкоторыя стороны ученой дѣятельности гр. Румянцова обстоятельно изложены А. А. Куникомъ въ предисловіи къ изданію Круговыхъ „Forschungen in der älteren Geschichte Russlands“ Spb. 1848 I, стр. CLXI—CCX, ст. Krug's Verhältniss zum kanz. Rumänzow“, а также и въ книгѣ г. Барсукова: „Жизнь и труды П. М. Строева, Спб. 1878, с. 17—56. Брошюра Иванова: „Государственный канцлеръ, гр. Н. П. Румянцевъ. Спб. 1871—плохая компиляція.

²⁵⁾ Краткія, сухія казенныя — „Историческія свѣдѣнія“ (И. О. Аммона) о дѣятельности сей „Коммиссіи“ до 1856 г. находятся въ потѣшной книгѣ: „Очеркъ дѣятельности коммисіи печатанія грамотъ и договоровъ, состоящей при Москов. главноѣ Архивѣ Минис. Иностр. Дѣлъ“. М. 1877; стр. 1—43.

²⁶⁾ Подробное оглавленіе этихъ изданій см. въ „Указателѣ изданіямъ, принадлежащимъ коммисіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ главноѣ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ.. М. 1856, с. 1—8.

15. Въ 1804 г. по волѣ Императора Александра — составилось въ Москвѣ „Общество Исторіи и Древностей

Россійскихъ“. Въ теченіе 7 лѣтъ оно имѣло нѣсколько засѣданій, прилагало стараніе объ отысканіи древнихъ лѣтописей и хронографовъ, хранящихся въ разныхъ мѣстахъ Государства, и напечатало нѣсколько листовъ Несторовой лѣтописи по Лаврентьевскому списку. Не имѣя же устава которымъ бы оно могло всегда руководствоваться, не могло имѣть ни порядочнымъ образомъ установленныхъ засѣданій, ни съ точностью опредѣленныхъ упражненій ²⁷⁾.

Такой Уставъ былъ данъ въ 1811 г. и съ той поры начинается настоящая „дѣятельность“ Общества. Оно издало:

1) Записки и Труды (а съ 4 т. Труды и Лѣтописи) 1815—38—10 част.

2) Русскія Достопамятности т. I М. 1815.

3) Лѣтопись Несторова по древнѣйшему списку мниха Лаврентія, изданіе профессора Р. Тимковскаго. М. 1824. Тимковскому принадлежатъ кромѣ того заслуга изданія нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ старинной русской письменности (въ „Русскихъ Достопамятностяхъ“), изданій замѣчательныхъ и по критическимъ приемамъ обработки текстовъ и по объясненіямъ. ²⁸⁾.

4) Обзорѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ, соч. бар. Розенкампа. М. 1829, 8°, со многими выдержками изъ рукописей. ²⁹⁾. Въ 1811 г. основалось Общество любителей Россійской Словесности и весьма бодро продолжало свою дѣятельность до 1818. Оно издало 20 томовъ „Трудовъ“ и 10 т. Сочиненій въ прозѣ и стихахъ, какъ продолженіе Трудовъ. Разработка Древней русской письменности входила въ занятіе Общества гораздо менѣе, чѣмъ разработка теоріи Словесности, новой русской литературы и въ особенности русской грамматики и словаря. Есть, впрочемъ, какъ въ „Трудахъ“, такъ и въ „Сочиненіяхъ“ Общ. Люб. Рос. Словесности многое, прямо касающееся древней русской письменности, таково знаменитое разсужденіе Востокова о Славянскомъ языкѣ, разсужденія Калайдовича, Каченовскаго и др. Большая часть „дѣйствительныхъ“

членовъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей, а равно и Общ. любителей Рос. Словесности принадлежали —

²⁷⁾ Записки и Труды Общества Исторіи и Древностей, т. I М. 1815, стр. XXXVII.

²⁸⁾ см. ст. К. Калайдовича: „О трудахъ проф. Тимковскаго по части русской исторіи“ въ Вѣстникѣ Европы, 1820. № 6, стр. 128—132.

²⁹⁾ Живой рассказъ очевидца-участника (П. М. Строева) о дѣятельности Общества Исторіи и Древностей до 1845, см. въ книгѣ Барсукова: „Жизнь и труды П. М. Строева, Спб. 1878, с. 418—430.

16. времени гр. Румянцева и были его слутниками и сотрудиниками, таковы:

а) Евгеній Болховитиновъ, впоследствии Митр. Кіевскій, по счастливому выраженію Погодина — „русскій неутомимый бенедиктинецъ: гдѣ судьба его ни водворяла, онъ тотчасъ начиналъ свои разысканія, собранія, описанія“. Труды м. Евгенія по наукѣ русской письменности начались въ 1805—6 г. сочиненіемъ „Новаго Опыта историческаго словаря о российскіихъ писателяхъ“; отдѣлъ его до буквы К напечатанъ въ журналѣ „Другъ Просвѣщенія“ 1805—6 г. Впоследствии Евгеній отдѣлилъ писателей духовныхъ отъ свѣтскихъ и издалъ при пособіи гр. Румянцова. Словарь первыхъ уже въ полномъ видѣ, въ 1818 г. въ 2 ч. Сравнительно съ „Опытомъ“ Новикова древняя русская письменность занимаетъ здѣсь уже гораздо болѣе мѣста, о ней предлагаются многія новыя свѣдѣнія „бывшіе послѣднимъ словомъ науки того времени“. Въ новомъ, исправнѣйшемъ изданіи „Словарь писателей духовнаго чина“ появился въ Спб. въ 1827 г. ³⁰⁾ Съ 1812 г. въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ (Вѣстникѣ Европы, въ Запискахъ, Трудяхъ и лѣтописяхъ Общ. Исторіи и Древностей, Сынѣ Отечества) и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ (Исторія

Россійской Герархіи, арх. Амвросія (? т. 7, 1807—15, Исторія княжества Псковскаго, К. 1831, 4 в; Описание Кіево-Софійскаго Собора К. 1825; Описание Кіево-Софійской Лавры 1825. К. и т. д.) м. Евгеній напечаталъ множество новыхъ памятниковъ старинной русской письменности, разысканій, изслѣдованій и замѣчаній о нихъ ³¹⁾. По мысли и подъ руководствомъ Евгенія — воспитанниками вологодской семинаріи было передано по-русски сочиненіе Селлія „каталогъ писателей сочиненіями своими объяснявшихъ гражданскую и церковную Россійскую исторію“, М. 1815. ³²⁾ Сочиненіе и тогда уже опоздалое.

³⁰⁾ „Словарь“ митр. Евгенія въ первомъ изданіи былъ встрѣченъ признательною критикою извѣстнаго Д о б р о в с к а г о въ „Jahrbücher der Literatur 1824, т. XXVII, с. 25—54 и Ф. Ш т р а л е м ъ былъ переданъ (и съ добавленіями и въ иномъ, хронологическомъ, порядкѣ) по-нѣмцки подъ заглавіемъ „Das gelehrte Russland, L. 1828, с. XX+514, 8/0. Рецензія книги Штраля и послѣдняго изданія, 1827, нап. К о п и т а р о в ъ, см. въ Jahrbücher der Literatur, 1829 Bd. XLV, с. 129—141. О Словарѣ Евгенія см. Сборникъ статей П Отд. Ав. Н. т. V, 1868, с. 8 sq. и ст. А. Θ. Бычкова *ibid.* стр. 217 sq.

³¹⁾ О жизни и трудахъ м. Евгенія—существуетъ уже литература. Упомянемъ важнѣйшее: „Чтенія (Срезневскаго, Грота, Бычкова) въ память митр. Кіевскаго Евгенія съ приложеніями“ въ Сборникѣ статей, читанъ въ П Отд. Акад. Наукъ т. V, вып. I, 1868, стр. 292+36; П о н с м а р е в ъ: „Матерьялы для біографіи митр. Евгенія,“ въ трудахъ Кіевск. Дух. Акад. 1867, № 8, стр. 195—253.

отличная библиографія сочиненій Евгенія; „Переписка митр. Евгенія съ гр. И. П. Румянцевымъ, съ 1813—1825. Воронежъ 1868—71, 3 вып. 4/0; (Ивановскаго) Евгеньевскій Сборникъ, вып. I. Спб. 1871. 4/0.

²²⁾ Подлинника заглавіе: Schediasma liturgium de scriptoribus, qui Historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt. Rev. 1736, 8/0. Для исторіи русскаго изданія Селіева каталога см. Безсонова: В. О. Калайдовичъ, М. 1862, с. 104—7.

17. б) А. Х. Востоковъ своимъ извѣстнымъ „Разсужденіемъ о славянскомъ языкѣ“⁴ положилъ прочныя основы палеографической и филологической критикѣ памятниковъ письменности и исторіи церковнаго языка. Онъ представилъ описаніе нѣкоторыхъ старославянскихъ рукописей и по приглашенію Румянцева занялся описаніемъ его богатой рукописной библіотеки. Оно, какъ увидимъ, вышло поздне. Богатство знаній и основательнѣйшее знакомство съ произведеніями древней письменности обнаруживается въ его обширной „перепискѣ“²³⁾.

²³⁾ См. ст. Срезневскаго: „Обозрѣніе Научныхъ Трудовъ А. Х. Востокова“, между прочимъ и неизданныхъ. Спб. 1865, 4/0 (а также впереди книги: „Филологическія Наблюденія“ А. Х. Востокова. Спб. 1865; за сими „Переписка“ А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ съ объяснительными прииѣчаніями И. И. Срезневскаго, Спб. 1873, XL+504 (а также какъ V т. 2 от. Сборника II отд. Акад. Наукъ).

18. в) В. О. Калайдовичъ, по свидѣтельству Погодина, близко его знавшаго—былъ любителемъ, знаткомъ искателемъ частныхъ: рукопись, книга, камень, крестъ, образъ, монета—одинаково привлекали къ себѣ его вни-

маніе и подавали поводъ къ самымъ тщательнымъ и подробнымъ изслѣдованіямъ. Онъ живяи жилъ въ бібліотекахъ, рылся въ рукописяхъ съ утра до вечера..., справлялся, записывалъ, изслѣдовалъ, читалъ, работалъ безъ усталы, въ непрерывномъ движеніи, и открытія слѣдовали у него одно за другимъ: Слоза Кирилла Туровскаго, Святославовъ Сборникъ 1073 г. съ драгоценнымъ изображеніемъ его семейства, характерная рукопись Іоанна Ексарха, которая на первыхъ радостяхъ показалаь принадлежашю къ X в.... О всѣхъ открытіяхъ онъ сообщалъ съ торжествомъ своему государственному Канцлеру, представляя подробности донесенія... Такимъ образомъ имъ вмѣстѣ съ Строевымъ были изданы два тома „Государственныхъ“ грамотъ, ...законы в. кн. Іоанна Васильевича“, вновь найденныя, „Древнія Россійскія Стихотворенія“, „Памятники Россійской словесности XII в.“..., наконецъ — изслѣдованіе объ Іоаннѣ Ексархѣ Болгарскомъ“, сочиненіе въ которомъ оглашено множество важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ свѣдѣній о древней письменности и какъ бы открывался цѣлый новый міръ“. ³⁴⁾

Вмѣстѣ съ Строевымъ Калайдовичъ издалъ „Обстоятельное описаніе Славяно-россійскихъ рукописей, прин. бібліотекѣ гр. Ѳ. А. Толстова, М. 1825, 8 LXVIII + 811 и 6 стр. и атл. 5 гравированныхъ свимковъ ³⁵⁾ и приготовилъ начало такого же описанія рукописей Синодальной бібліотеки ³⁶⁾. Перечневья, инвентарныя описанія рукописныхъ матеріаловъ нашихъ бібліотекъ были приготовляемы и до этого ³⁷⁾, но трудъ Калайдовича и Строева былъ самымъ важнымъ въ то время и самымъ обстоятельнымъ, потому что дѣйствительно давалъ понятіе о составѣ рукописей. Достоинство его возвышалось и отъ того, что самому описанію предшествовало обширное „предисловіе“, въ которомъ сдѣлана попытка систематически распределить и обозрѣть весь матеріалъ Славяно-русской письменности, заключающійся въ собраніи гр. Толстова.

Кромѣ этихъ обширныхъ трудовъ Калайдовичу принадлежатъ много частныхъ важныхъ изслѣдованій, замѣчаній и разысканій: они въ обилии наполняютъ страницы „Вѣстника Европы“, „Записокъ и Трудовъ Общества Исторіи и Древностей“; „Трудовъ Общества любителей Россійской Словесности“, „Сѣвернаго Архива“ и др. ³⁴⁾

³⁴⁾ Труды перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ. М. 1871, ч. I, стр. 11. О жизни Калайдовича см. соч. Безсонова: Кон. Ѳ. Калайдовичъ, библиографическій очеркъ т. I. М. 1861 (и въ журн. Русская Бесѣда 1860, кн. 2); томъ второй этого труда, заключающій въ себѣ любопытные и важные матерьялы переписки, помѣщенъ въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др. 1862, кн. III, и отдѣльно М. 1862, 8/о 208 стр.

³⁵⁾ Важнѣйшія рецензіи этого труда принадлежатъ: Кеппену въ „Библиографическихъ листахъ“, 1825, № 19, стр. 261—276 и Даниловичу въ Dziennik Warszawski, 1825, № 7, стр. 367—391; 1826 № 18, стр. 136—151 и тамъ же, 1826, № 19 стр. 211—241 Dodatek Лелевеля.

³⁶⁾ Въ неоконченномъ и невыпущенномъ въ свѣтъ изданіи кн. М. А. Оболенскаго „Архивъ разнородныхъ и преимущ. историческихъ свѣдѣній“ ч. I, связ. VП, с. 1—62. Ср. также „Отчетъ о первомъ присужденіи Ломоносовской преміи“. Спб. 1868, с. 30—1.

³⁷⁾ Кромѣ перечневыхъ описей библиотекъ, составл. въ XVII—XVIII в., слѣдуетъ упомянуть о трудахъ по описанію рукописей академическихъ П. И. Соколова. Знаменитый „Опытъ Россійской библиографіи“ В. Сопи-

кова (1813—1821 5 вв.) можетъ быть названъ здѣсь на столько, на сколько первый его томъ касается старопечатныхъ книгъ и исторіи книгопечатанія въ Россіи (сост. К. Калайдовичемъ). Подробный перечень всѣхъ сихъ библиографическихъ трудовъ въ книгѣ Ундольскаго „Библиографическія Разысканія“, М. 1846, с. 1—18. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что по порученію гр. Румянцова В. Халыковъ составилъ статью: „о рукописяхъ, относящихся до русской исторіи, хранящихся въ Дрезденской Королевской библіотекѣ“, Труды Россійской Академіи, Спб. 1840, ч. III, с. 207—227. Кромѣ перечня здѣсь есть любопытныя выписки и 2 снимка.

³⁸⁾ Почти полное, обстоятельное перечисленіе сихъ статей у Безсонова: „К. О. Калайдовичъ“ М. 1862, с. 11—90.

19. г) П. М. Строевъ. ³⁹⁾ Еще будучи студентомъ, на университетской скамьѣ—Строевъ обратилъ на себя вниманіе гр. Румянцова двумя историческими статьями, помѣщенными въ Сынѣ Отечества, ⁴⁰⁾ и Румянцевъ далъ ему мѣсто въ комиссіи печатанья государственныхъ грамотъ и договоровъ. Въ слѣдующемъ 1817 г. гр. Румянцевъ поручилъ ему (и Калайдовичу) осмотрѣть и описать рукописи монастырскихъ библіотекъ; такъ были имъ описаны рукописи Волоколамскаго Іосифа монастыря, мнѣря Воскресенскаго - Новаго Іерусалима, Звенигородскаго Саввина мнѣря, Пафнутія Боровскаго... ⁴¹⁾ При пособіи „Общества Исторіи“ Строевъ въ 1823 осмотрѣлъ библіотеку Новгородскаго Софійскаго Собора и составилъ записку о ней. Плодомъ этихъ первыхъ археографическихъ путешествій Строева и Калайдовича были—открытіе Святославова Сборника 1073 г., законовъ в. вв. Іоанна

Васильевича, сочиненій туровскаго епископа Кирилла, труда царевича Иоанна Иоанновича, постановленій Московскихъ Соборовъ 1503, 1547, 1554 и множество разныхъ актовъ. Крожъ 2-го и 3-го т. „Собранія Государственныхъ Грамотъ“ Строевъ—вмѣстѣ съ Калайдовичемъ, какъ выше упомянуто, издалъ „Судебники Иоанна III и IV“ и „Обстоятельное описаніе славяно-россійскихъ рукописей гр. Толстова“. Два прибавленія къ этому „описанію“ изданы уже однимъ Строевымъ. ⁴²⁾ Самое важное изъ румянцевскихъ изданій Строева—„Софійскій временникъ“, М. 1820—2, 2 ч. 4 " съ обширнымъ предисловіемъ, въ которомъ впервые—по слѣдамъ Каченовскаго—проводится свѣтлая мысль о сборномъ характерѣ русскихъ лѣтописей. Строевъ былъ дѣятельнымъ членомъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей; въ „Трудахъ“ этого Общества впервые появились его статьи „о византійскомъ источникѣ Нестора (т. е. о лѣтописи Георгія Амартола)“ объ изданіи извлеченій изъ „Хронографовъ“, и о снаряженіи экспедиціи путешествія по Россіи для отысканія древнихъ рукописей и другихъ памятниковъ. ⁴³⁾ Мысль—которая осуществилась только 5—6 лѣтъ спустя и принесла такіе обильные плоды. Къ румянцевскому періоду дѣятельности Строева слѣдуетъ также отнести и „Обстоятельное описаніе старопечатныхъ книгъ Славянскихъ и Россійскихъ, хранящихся въ библиотекѣ гр. О. А. Толстова. XXIV+592, 8° М. 1829 съ 24 гравир. изображеніями шрифтовъ“.

⁴²⁾ Записки Академіи Наукъ т. VI, 1864, с. 112—123 ст. И. И. Срезневскаго: „Труды П. М. Строева“, а также въ Сборникѣ П-го отд. т. XVII 1877, ст. Срезневскаго „Воспоминаніе о П. М. Строевѣ“, стр. LX—LXXIX. Многотрудная и многополезная дѣятельность Строева недавно послужила предметомъ особой обшир-

ной, добросовѣстности и тщательно составленной монографіи г. Барсукова: „Жизнь и Труды П. М. Строева“, Спб. 1878, с. 668.

⁴⁰⁾ „О родословіи владѣтельныхъ князей русскихъ“ и „родословный чертежъ поколѣній влад. князей“, Сынъ Отечества 1814, к. 26, 1815, № 51 и 52.

⁴¹⁾ Строевъ: Рукописи славянскія и Россійскія, принадл. Царскому, М. 1848, с. 162—3, № 197, Ундольскаго Библиографическія Разысканія, М. 1846, с. 14—15. Изъ описаній Строева напечатано было (и то только начало и только въ извлеченіи) Анастасевичемъ „Описание рукописей Волоколамскихъ“ въ Отечест. Зап. 1823, № 33, 35, 39.

⁴²⁾ „Первое прибавленіе къ описанію“ etc. М. 1825, с. 18; „Второе прибавленіе“... М. 1827, IX+100.

⁴³⁾ „О средствахъ удобнѣйшихъ къ открытію памятниковъ отечественной исторіи, и объ успѣшнѣйшемъ способѣ обработывать оныя“.. См.

„Труды и лѣтописи Общ. Ист. и Др.“ ч. IV, кн. I. М. 1828, с. 277—301. Румянцовскій періодъ дѣятельности П. М. Строева весьма обстоятельно изложенъ въ вышеназванной книгѣ г. Барсукова „Жизнь etc“... стр. 19—64. Тамъ же помѣщена (стр. 65—74) и названная Рѣчь. Не могу не замѣтить, однако, что изложеніе г. Барсукова не вездѣ удовлетворяетъ требованіямъ полноты библиографическаго исчисленія трудовъ нашего археографа.

20. д) П. И. К е п п е н ь ⁴⁴⁾ началъ свою ученую дѣятельность трудами по палеографіи, исторіи и библиографіи письменности: еще въ 1819 г. онъ издалъ замѣча-

чательное „Обозрѣніе источниковъ для составленія исторіи Россійской Словесности“⁴⁵⁾, т. е. библиографическій перечень русскихъ и иноземныхъ сочиненій и изданій, прямо или косвенно касающихся предмета съ 1665. Въ 1822 г. Кеппенъ выступаетъ съ болѣе систематическимъ и болѣе важнымъ трудомъ; это: „Списокъ русскимъ памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи художествъ и отечественной палеографіи“ М. 1821⁴⁶⁾. Трудъ напечатанъ иждивеніемъ гр. Ѳ. А. Толстова—подъ присмотромъ Калайдовича. Это—повременный объяснительный текстъ къ невышедшимъ палеографическимъ снимкамъ. Впрочемъ, и независимо отъ послѣднихъ трудъ Кеппена имѣетъ свою цѣну, какъ полный (для своего времени) перечень памятниковъ древне-русской письменности со всевозможными библиографическими и историко-литературными поясненіями. Кеппену принадлежитъ классическое изданіе „Библиографическихъ листовъ“ 4°, 1825—6 г.⁴⁷⁾, полныхъ всякаго рода описаніями, замѣтками по древней русской письменности; здѣсь между прочимъ находится точная „Хронологическая роспись первопечатнымъ словенскимъ книгамъ“ по 1600 (№№ 1, 6, 11, 16, 21, 26, 31, 39), составленная самимъ издателемъ.

⁴⁴⁾ О жизни и трудахъ Кеппена см. Юбилей Петра Ив. Кеппена, Спб. 1860, f°. Здѣсь автобіографическая записка, а также брош. А. А. Буника: „Литературные труды П. И. Кеппена“. Спб. 1868.

⁴⁵⁾ Образуетъ I кв. сборн. „Матерьялы для исторіи просвѣщенія въ Россіи“, Спб. 1819 (оттискъ изъ жур. Соревнователь просвѣщенія 1819. V).

⁴⁶⁾ М. 1822, в+VIII+119. Какъ общее обозрѣніе содержанія этого труда можно указать на брош.: *Über Alterthum und Kunst in Russland*, W. 1822, отд. отт. изъ вѣнскихъ „Jahrg.“

bücher des Literatur, Anz. Bl. № XX, Bd XX, pag. 1—27.

⁴⁷⁾ Образуетъ II т. сборника „Матерьялы для исторіи просвѣщенія въ Россіи“ Слб. 4°, 725 столб.

21. Кромѣ этихъ, важнѣйшихъ дѣятелей Румянцевской эпохи въ исторіи русской науки, къ ней принадлежали ⁴⁸⁾ и другіе: Малиновскій, Ермолаевъ, Анастасевичъ, Языковъ, о. Григоровичъ, Берхъ, также стоявшіе въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ гр. Румянцеву, собиравшіеся вокругъ него. „То былъ кружокъ людей науки на Руси первый по времени, или по крайней мѣрѣ по значенію и связности. Преданные наукѣ и отечеству, безпристрастно уважающіе труды другъ друга, разсѣянные по разнымъ мѣстностямъ широкой Руси, очень различные по общественному положенію и возрасту, они тѣсно были связаны направленіемъ мыслей и перепиской другъ съ другомъ.. Отрывать и изслѣдовать древніе памятники языка, словесности и быта русскаго народа—такова была задача кружка“ ⁴⁹⁾. И она выполнена ими болѣе, чѣмъ можно было ожидать.. Въ наукѣ исторіи русской словесности сталъ возможенъ древній періодъ ⁵⁰⁾.

⁴⁸⁾ Труды А. Θ. Малиновскаго на пользу древней русской словесности заключались, кажется—болѣе въ активной помощи другимъ изслѣдователямъ, чѣмъ въ личныхъ изслѣдованіяхъ. Библиографическаго перечня его самостоятельныхъ ученыхъ трудовъ—доселѣ нѣтъ. Важнѣйшіе изъ нихъ помѣщены въ Запискахъ и Трудахъ Общ. Ист. и Древн. ч. VI—VII. О трудахъ Ермолаева (неизданныхъ) см. замѣтку И. И. Срезневскаго въ кн. „Переписка Востокова“ Слб. 1873 с. 403—4; объ Анастасевичѣ ст. Пекарскаго въ Энциклопед. Слова-

рѣ, IV, 249; о трудахъ Языкова въ „Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли“ Бантыша Каменскаго, ч. III, Спб. стр. 574—603; о дѣятельности о. І. Григоровича въ „Извѣстіяхъ Акад. Наукъ“ по II от. II т. стр. 296—7. Переписка его съ гр. Румянцевымъ и митр. Евгеніемъ въ „Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древ.“ 1864, к. 2, стр. 1—92; „Письма гр Румянцева къ В. Н. Берху“ изданы г. Семеновскимъ въ VI т. „Лѣтописей занятій археографич. Комиссіи“ и отдѣльно, Спб. 1876.

⁴⁹⁾ Слова И. И. Срезневскаго въ книгѣ „Переписка А. Х. Востокова“ Спб. 1873, предисл.

⁵⁰⁾ Здѣсь мѣсто, — хотя въ выносѣхъ, коснуться первой по времени полной исторіи русской словесности, именно книги Н. И. Греча: „Опытъ краткой исторіи русской литературы“, Спб. 1822, 8^о. Древній періодъ ея скуденъ, потому что писанъ до открытій Калайдовича и Строева, но новый — заслуживаетъ полной признательности: эта часть, не смотря на свою сухость — не бесполезна даже и теперь. Извѣстный польско-нѣмецкій ученый С. Б. Линде перевелъ книгу Греча на языкъ польскій и издалъ съ введеніемъ, со многими добавленіями (dodatkami) въ Warsz. 1823. 8^о стр. 575.

22. Неожиданность многихъ открытій въ области древне-русской письменности и неизбежное увлеченіе вызвали нѣкотораго рода противовѣсъ, подозрительную осторожность, скоро перешедшую въ сомнѣніе. Каченовскій и его ближайшіе ученики оспаривали древность русской Лѣтописи, договоровъ съ Греками, Русской Правды, произведеній Кирилла Туровскаго, Іоанна Ексарха болгарскаго ⁵¹⁾... И это „скентическое“ направленіе въ изученіи русской

старинны—принесло несомнѣнную пользу: оно вызывало новые поиски, новыя изслѣдованія, сдерживало преждевременныя обобщенія..

⁵¹⁾ Труды М. Т. Каченовскаго (важнѣйшіе только) пересмотрѣны въ „Биографическомъ Словарѣ профессоровъ и преподавателей Москов. Университета“. М. 1855, I, 383—403.

23. Эпоха гр. Румянцева была по преимуществу временемъ увлекательныхъ открытій въ древне-русской письменности и временемъ начальныхъ предварительныхъ изысканій по этому дѣлу: опредѣлялся (и иногда очень правильно) вѣкъ рукописей и время самаго памятника, подыскивались историческія и біографическія данныя для объясненія его, рукопись или памятники описывались бібліографически, а иногда и цѣликомъ издавались.. Приемы изданія, за немногими исключениями (какъ напр. Тимковскаго изданіе Лаврентьевскаго списка), не могли отвѣчать требованіямъ точной филологической науки, потому что самыя эти требованія стали извѣстны—позднѣ. Попытокъ филологической критики текстовъ—почти не существовало ⁵²⁾. Еще менѣе сознавалась необходимость историко-литературныхъ изысканій источниковъ: объ отношеніи памятниковъ русской письменности къ византійскимъ прототипамъ—думали очень немногіе: Каченовскій, Строевъ и Востоковъ.. Вообще—основанія для зданія были заложены, собралось не мало и матерьяла, кое-гдѣ по частямъ обработаннаго, но о постройкѣ—нечего было еще и думать.

⁵²⁾ Критическимъ изданіемъ можно признать только вышеназванный трудъ Тимковскаго. Заслуживаетъ также упоминанія и попытка Грамматина исправить неправильныя—по его понятію—мѣста „Слова о Полку Игоревѣ“ (въ его изданіи), она заслуживаетъ вниманія—впрочемъ только по мысли, но никакъ не по исполненію..

24. Выше было уже упомянуто, что еще в 1823 году Строевъ развивалъ мысль о необходимости снаряженія Археографической Экспедиціи по всей Россіи. Мысль поднята была позднѣе президентомъ Академіи Наукъ, Уваровымъ, и Академія Наукъ снарядила Экспедицію въ обширныхъ размѣрахъ съ цѣлью „обстоятельнаго познанія всѣхъ (буде возможно) письменныхъ памятниковъ отечественной Исторіи, Дипломатики, Законовѣдѣнія и пр., скрывающихся въ старинныхъ книгохранилищахъ и архивахъ“.. Главнымъ дѣятелемъ Экспедиціи былъ Строевъ, помощникомъ его — Березниковъ. Синодъ и нѣкоторые министерства предписали—по своимъ вѣдомствамъ—о допущеніи Экспедиціи въ бібліотеки и архивы. Путешествіе продолжалось съ 1829 по 1834 г. Археографы осмотрѣли болѣе 200, болѣе или менѣе примѣчательныхъ архивовъ и бібліотекъ. Богаче всѣхъ оказались архивы духовнаго вѣдомства, именно: бібліотеки—Московская синодальная, Новгородская Софійская, Троицко-Сергіевой Лавры; монастырей: Соловецкаго, Кирилла Бѣлозерскаго и Іосифа Волоколамскаго. Немало актовъ извлечено изъ архивовъ Псковскаго и Нижегородскаго губернскихъ правленій, Бѣлозерскаго и Соликамскаго уѣздныхъ судовъ. Самые древніе акты: уцѣлѣли единственно въ монастыряхъ, между тѣмъ—какъ въ гражданскихъ архивахъ Экспедиція почти не нашла бумагъ древнѣе XVII ст.

Въ продолженіе путешествія Экспедиція собрала списки до трехъ тысячъ актовъ историко-юридическихъ (съ 1340—1700). Списывались лишь акты наиболѣе важные въ историческомъ и историко-юридическомъ отношеніяхъ, и при списываніи строго сохранялись древнія формы языка. Къ списываемымъ актамъ присовокуплялись палеографическія ихъ описанія. Кромѣ актовъ Экспедиція приготовила „каталоги рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ, хранящимся въ монастырскихъ бібліотекахъ, расположенные по алфавиту съ выписками и рецензіями рукопи-

сей подъ названіемъ „Матерьялы для исторіи Славяно-русской литературы“⁵³⁾. Ст. „Матерьялы“ Строевъ имѣлъ въ виду обработать въ „Библиографическій Словарь славяно-русской литературы до XVIII в.“, но не успѣлъ довести до конца своего предпріятія, можно сказать—остановился на началѣ, но тогда же, по окончаніи дѣйствій Археографической Экспедиціи—онъ напечаталъ общій обзоръ или очеркъ своихъ работъ, программу будущаго труда—подъ заглавіемъ „Хронологическое указаніе матерьяловъ отечественной исторіи, литературы, правовѣдѣнія до начала XVIII в.“⁵⁴⁾. Перечень—небольшой по объему, но заключавшій въ себѣ плоды обширныхъ занятій предметомъ и исполненный съ критическимъ, даже, можетъ быть, съ гиперкритическимъ отношеніемъ къ дѣлу....

Все, добытое Экспедиціей, поступило въ Академію Наукъ. Президентъ Академіи С. С. Уваровъ видѣлъ, что изданіе въ свѣтъ такого важнаго собранія актовъ не можетъ быть поручено одному какому ученому, и что успѣшнѣе оно можетъ быть исполнено соединенными силами нѣсколькихъ лицъ, извѣстныхъ своими познаніями въ русской исторіи. Такъ образовалась сначала „Коммиссія для изданія собранныхъ Археографическою Экспедиціей актовъ“; когда же она окончила свои главныя занятія, то въ 1837 г. была организована въ „Коммиссію археографическую“. Въ главную заботу „Коммиссіи“ вѣтнено было изданіе источниковъ отечественной исторіи, именно —а) сочиненій, составляющихъ славяно-русскую литературу, собственно историческаго содержанія: лѣтописей, хронографовъ, степенныхъ книгъ, сказаній и другихъ рукописей, въ непосредственной связи съ исторіей стоящихъ, б) актовъ государственно-юридическихъ, грамотъ, уставовъ, наказовъ, судныхъ дѣлъ, розысковъ и т. п. документовъ, объясняющихъ законодательство, управление и судопроизводство, до начала XVIII в..⁵⁵⁾.

Кромѣ весьма дѣятельныхъ трудовъ по разысканію матерьяловъ старой письменности, осмотру и описанію архивовъ и библіотекъ, отечественныхъ и иноземныхъ — „Археографическія Коммиссіи“ (старая до 1837 и новая — съ этого времени) до настоящаго времени, въ отношеніи русской письменной старины, издали: десять томовъ „Полнаго Собранія лѣтописей“ съ указателемъ, три тома изданія отдѣльныхъ лѣтописныхъ списковъ и три фотолитографическихкихъ противней съ нихъ; тридцать четыре тома „Актвъ историческихкихъ“ съ тремя указателями; пять томовъ „Актвъ юридическихкихъ“ съ указателемъ; древнѣйшихъ русско-ливонскихихъ „грамотъ“ — два изданія; писцовыхъ книгъ — три тома; 1 томъ писемъ Русскихихъ Государей; Макарьевскихихъ Четивъ Миневъ — четыре тома; „Паломникъ“ Игумена Даниила; сочиненіе подъячаго Котошихина о Россіи XVII в.; пять томовъ — „Русской Исторической библіотеки“ и шесть томовъ „Лѣтописей занятіи“ Археографической Коммиссіи — оба сборника заключаютъ много важныхъ памятниковъ русской письменности, изслѣдованія о нихъ, описанія рукописей и актовъ и т. д. ³⁶⁾ Главными дѣятелями Археографической Коммиссіи были: Березниковъ, о. Григоровичъ, Коркуновъ, а позднѣе А. О. Бычцовъ, А. А. Куникъ, Н. В. Калачовъ и П. И. Савваитовъ.

³³⁾ См. Отчеты о занятіяхъ и изданіяхъ Археографической Коммиссіи за двадцатилѣтіе. Спб. 1860, стр. 5—9 (а также въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1859, № 12), Строева „Отчетъ за археографическую экспедицію“ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1835, № 1, стр. 95—99, а также и Recueil des Actes des séances de l'Académie, 1834, стр. 109—115. Исторія возникновенія и дѣйствій Археографической Экспедиціи подробно, по документамъ, изложена

въ книгѣ г. Барсукова: „Жизнь и труды П. М. Строева. Спб. 1878, с. 149—280.

⁵⁴⁾ Въ Журн. Минист. Народн. Пр. 1834, № 2, стр. 152—188.

⁵⁵⁾ См. Отчеты о занятіяхъ Археогр. Комм. Спб. 1860, с. 8—10.

⁵⁶⁾ Отчеты о занятіяхъ и т. д. с. 24—40. Обстоятельный, перечневый „Каталогъ изданій Археографической Коммиссіи, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1836—1870 г.“ Спб. 1870. Содержаніе и библиографическое описаніе изданій коммиссіи указывается и мною ниже въ разныхъ отдѣлахъ, каждое въ своемъ мѣстѣ. Для исторіи возникновенія и дѣйствій Археографической Коммиссіи много важныхъ матерьяловъ находится въ книгѣ г. Барсукова: „Жизнь и труды Строева“; и не только тѣхъ, которые стоятъ въ связи съ лицомъ и дѣятельностію Строева, а и вообще.

25. Пока слагалась и вступала въ дѣйствіе Археографическая Коммиссія, тихо, но непрерывно подвигались работы и единичныхъ ученыхъ: одни издавали отрываемые памятники (таковы изданія Снегирева „Сказаній о побоищѣ Дмитрія Донскаго“, Дубенскаго „Памятниковъ древняго русскаго права“, Погодина „Псковской лѣтописи“, кн. Оболенскаго—„Сборника“), другіе подвергали ихъ исторической или литературной критикѣ (таковы разборъ Слова о Полку Игоревѣ М. А. Максимовича; тк. наз. Несторовой лѣтописи—М. П. Погодина, ея же и Кіевскаго Патерика—А. М. Кубарева и др.), третьи—описывали рукописи и старопечатныя книги ⁵⁷⁾. Были замѣчательныя попытки общихъ изложеній судебъ русской литературы. Въ 1838 г. Шевыревъ открылъ въ Московскомъ университетѣ въ первый разъ курсъ исторіи рус-

ской Словесности: вступительная лекція его представляла общее обозрѣніе развитія русской Словесности по наличному матеріалу ⁵⁸). Около того же времени Максимовичъ издалъ первую (и послѣднюю) книгу „Исторіи древней русской Словесности“ Кіевъ, 1839 ⁵⁹). Она представляетъ перечень произведеній русской письменности до конца XII (главнымъ же образомъ по „Словарю“ митр. Евгенія) и изслѣдованія, во многомъ самостоятельныя и новыя, о русскомъ народномъ языкѣ и его отношеніяхъ къ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ и языкамъ иноземнымъ, о языкѣ церковно-славянскомъ, его образователяхъ и его письменномъ употребленіи въ древней Руси... По тщательной обработкѣ филологической части, „Исторія“ Максимовича была въ свое время важнымъ и выдающимся явленіемъ.

57) а) Востокъ: „Описаніе рукописныхъ книгъ славянскихъ, принадлежащихъ г. Норву, въ Журн. М. Нар. Пр. 1836, № 9, стр. 529—551 и отдѣльно, 1836, 23 с., перепечатано въ „Филологическихъ Наблюденіяхъ“ Востокова, стр. 172—187.

б) (Строевъ): Каталогъ Славяно-россійскихъ рукописей, принадлежащихъ Царскому, М. 1836, с. III+78, 8°.

в) Шевыревъ: ст. „О Славянскихъ рукописяхъ Ватиканской бібліотеки“ Ж. Мин. Нар. Пр. 1837 № 5, с. 103—120.

г) Сахаровъ: Славяно-русскія рукописи, От. I, Спб. 1839, V+32, 8°.

д) (Перевощикова. В. М.): Роспись книгъ и рукописямъ Императ. Россійской Академіи. Спб. 1840, 160 с. 8°.

е) Строевъ С.: Описаніе памятниковъ Славяно-русской литературы, хранящихся въ публич. бібліотекахъ Германіи и Франціи, М. 1841, 8° X+175 и V снимковъ. Объ этой книгѣ

см. статью Бередникова: „О Славянскихъ рукописяхъ, хранящихся въ германскихъ и французскихъ библіотекахъ“ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1844, т. XLII, № 5, с. 73—91. Трудъ С. Строева замѣчательнъ въ томъ отношеніи, что представляетъ первую попытку выйти изъ рамокъ „Каталога“ въ область изслѣдованій историко-литературнаго характера.

ж) Сахаровъ: Русскіе древніе памятники, вып. I, Спб. 1842, 4°, 28+16 (неперемѣч. г.) +13, съ 8 снимками,

з) Реестръ старопечатныхъ славянск. книгъ, находящихся въ библіотекѣ Ширяева. М. 1833, 162+34+2 снимка.

и) Строевъ П.: Описаніе старопечатныхъ книгъ Славянскихъ И. Н. Царскаго, М. 1836, VIII+454+12 грав. изобр

к) Строевъ П.: Описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ, служащее дополненіемъ къ описаніямъ библ. гр. Толстова, и Царскаго, М. 1841, VIII+276,+2 рисунка.

³⁸⁾ Напечатана въ Москов. Вѣдомост. 1838, № 9. Есть отдѣльный оттискъ. Нѣкоторую попытку обобщенія исторіи древней русской словесности представляютъ статьи проф. Московскаго Университета И. И. Давыдова: „Составныя начала и направленія древней и средней отечественной Словесности“, помѣщ. въ Ученыхъ запискахъ Москов. Универс. 1834, ч. III, № VIII, с. 251—207; № IX, с. 490—519. Ни чѣмъ инымъ, кромѣ возбужденнаго вниманія къ предмету—нельзя объяснить, что эти вполне безсодержательныя статьи произвели своего рода впечатлѣніе на ученыхъ: на нихъ ссылались, какъ на произведенія съ авторитетомъ!

59) 8°, стр. 226. Книга Максимовича была довольно неодобрительно встрѣчена критикой (М. Н. Каткова) въ Отеч. Запискахъ 1840, т. IX, № 4, с. 37—72. Отвѣтъ Максимовича былъ напечатанъ въ Сѣверной Пчелѣ 1840, № 125. См. также Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. III, Кіевъ, 1880, с. 472—479.

26. Выше было уже упомянуто, что гр. Румянцевъ поручилъ Востокову описаніе своего богатаго рукописнаго собранія. Въ 1836 году огромный трудъ былъ готовъ и представленъ въ рукописи Археографической Комиссіи. Въ свѣтъ „Описаніе русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцевскаго Музеума“ - вышло только въ 1842 году. Востоковъ усвоилъ себѣ иные приемы описанія рукописей, чѣмъ тѣ, которыя существовали дотолѣ: „каждая рукопись заняла его сама по себѣ, какъ будто бы она одна и должна быть осмотрѣна и описана, а другія нужны были, какъ пособіе. Въ каждой замѣтилъ онъ все важное въ отношеніи палеографическомъ, археологическомъ, литературномъ, и по каждой дѣлалъ изслѣдованія. Ни одна отдѣльная статья ни въ одной книгѣ не опущена изъ виду; очень многія отмѣчены особо, какъ болѣе важныя по содержанию или по языку. Очень многія изъ сочиненій, переведенныхъ съ Греческаго, сличены были съ подлинникомъ, и главные выводы этого сличенія внесены въ Описаніе. Выводамъ историческихъ и литературныхъ соображеній также дано должное мѣсто, равно какъ и необходимымъ выпискамъ. Выписки дѣланы были всегда съ буквальною точностью... Послѣдствія изданія въ свѣтъ этого Описанія не могли быть маловажны. Съ этого только времени можно было начать ученую разработку древней литературы русской и вообще русскихъ древностей⁶⁰⁾. „Описаніе“ Востокова открыло не только новыя произведенія, но и дѣлало новыя роды произведеній древней русской письмен-

ности. Не смотря на то, что Востоковъ какъ бы намѣренно устранялся отъ изслѣдованій общаго характера о самихъ произведеніяхъ, его трудъ положилъ прочныя основанія критическому и историко-литературному разсмотрѣнію ихъ ⁶¹⁾.

Въ 1843 году вышелъ въ свѣтъ другой монументальный трудъ Востокова, знаменитое Остромирово Евангеліе.

⁶⁰⁾ И. И. Срезневскаго: „Обозрѣніе научныхъ трудовъ Востокова, Спб. 1865, стр. 25—6.

⁶¹⁾ Замѣчательно, что Бердниковъ встрѣтилъ трудъ Востокова, въ особенности филологическіе—археологическіе приемы, его (—самые неопровержимые) съ нѣкоторою холодною недоувѣрчивостью, см. его ст. „Описаніе рукописей Румян. Музеума. Донесеніе въ Археограф. Комиссію“. Журн. М. Нар. Пр. 1837, томъ XIV, стр. 415—426. Гораздо важнѣе рецензіи (А. В. Горскаго) въ Москвитинѣ 1843, № 4, с. 500—516, и А. О. Бычкова, там же: 1843, № 4, стр. 516—524; № 5, стр. 195—217. Прекрасный сводъ наблюденій Востокова о рукописяхъ—сдѣланъ А. Н. Пыпинъ въ Учен. Зап. П Отд. Ак. Н. т. II, 2, с. 1—58; и „Филологич. Наблюд.“ Востокова, с. 77—134.

7. Труды сподвижниковъ Румянцева, Археографической Экспедиціи и Комиссіи, Общества Истории и Древностей и другихъ ученыхъ, критико-библиографическія разнѣсканія Востокова, Строева, Ундольскаго, ⁶²⁾ отчасти—Сахарова достаточно объясняютъ смѣлую попытку профессора С. П. Шевырева написать полную „Исторію русской Словесности, преимущественно древней. Еще въ 1844 году онъ напечаталъ „Введеніе, въ исторію русской Словесности“, пять чтеній, въ общемъ очеркѣ обнимаю-

щихъ: судьбы Свящ. Писанія, богослужебныхъ книгъ, переводовъ писаній отеческихъ въ древней Руси, литературу поучительную—проповѣди и посланія, произведенія богословскія и апокрифическія, наконецъ—житіи святыхъ ⁶³). Въ 1846 г. появились и первые два тома большаго труда „Исторіи русской Словесности преимущественно древней“ ⁶⁴), заключающіе, кромѣ многихъ вводныхъ статей—обозрѣніе произведеній русской письменности до вторженія Татаръ. Трудъ Шевырева представлялъ собою добросовѣстный сводъ всего, что сдѣлано было по предмету до 1845 г. Здѣсь нѣтъ новыхъ изслѣдованій и разысканій, но старое, извѣстное приведено въ стройный порядокъ и снабжено ученымъ, критико-библиографическимъ аппаратомъ. Такого рода сводъ необходимъ былъ для дальнѣйшихъ успѣховъ науки, и онъ принесть свою пользу, хотя далеко не въ той степени, въ какой могъ бы принести, еслибы не страдалъ односторонностью мистическаго направленія и недостаткомъ критики. Историко-литературная и филологическая стороны книги—слабы: Шевыревъ остался чуждъ сравнительному направленію, внесенному въ науку народной словесности—братьями Гриммами, для разысканія же письменныхъ чужеземныхъ источниковъ нашей письменности—у него не доставало средствъ; въ отношеніи результатовъ сравнительнаго языкознанія онъ нерѣдко не различаетъ дѣйствительно важнаго отъ ни къ чему негодныхъ фантазій досужныхъ мечтателей — языковѣдцевъ. Вообще, возбуждая интересъ къ предмету—книга Шевырева во многихъ частяхъ не давала никакихъ средствъ удовлетворить его и даже отчасти затрудняла его удовлетвореніе отсутствіемъ критическаго отношенія къ дѣлу; тѣмъ не менѣе—она имѣла важное значеніе, какъ первый опытъ обширной исторической постройки древней русской Словесности ⁶⁵). Въ этомъ—главная заслуга ея.

Въ 1858—60 гг. Шевыревъ переиздалъ первыя двѣ части своего труда и къ нимъ прибавилъ двѣ новыхъ,

заключавшихъ въ себѣ XIII, XIV, XV и начало XVI столѣтія. Направленіе и приемы изслѣдованія остались тѣ же, даже болѣе: мистическая односторонность ихъ выступила еще рѣзче (какъ напр. при разсмотрѣніи „Житій Святыхъ“), но въ отношеніи содержанія—первыя двѣ части значительно умножены, между прочимъ—и обширнымъ „Введеніемъ“ и „Дополненіемъ“ библиографически—палеографическаго характера,—сообразно съ успѣхами науки; другія же, 3-я и 4-я, хотя и заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя важныя пробѣлы, но имѣютъ ту же цѣну „свода“ что и первыя. Если здѣсь исторіею не могъ представить библиографическихъ подробностей, какъ прежде, то слѣдуетъ вспомнить крайнюю неразработанность этихъ вѣковъ русской словесности ⁶⁶⁾.

⁶²⁾ Строевъ: бібліотека московскаго Общества Исторіи и Древностей: М. 1845, VII+354, 8° съ однимъ литографич. снимкомъ. По поводу выхода въ свѣтъ этого труда Строева, В. М. Ундольскій напечаталъ свои „Библиографическія разысканія“ въ Москвит. 1846, № 2, стр. 138—162; № 3, стр. 147—175, № 11—12, с. 181—230 и отдѣльно въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. М. 1846, 8°, стр. 105. Это—съ одной стороны—рецензія труда Строева, съ другой—рядъ самостоятельныхъ разысканій о памятникахъ древне-русской письменности, [преим. житіяхъ] переводныхъ и своихъ. Обширное знакомство Ундольскаго съ греческими источниками помогло ему разъяснить многое, дать не мало новаго. Трудъ—классическій и незамѣнимый и понынѣ.

⁶³⁾ Москвитянинъ 1844, № 1, с. 219—240; № 2, с. 534—559; № 3, с. 118—139; № 4, с. 305—324, № 8, 285—317.

⁶⁴⁾ XXXIII публич. лекціи томъ I, ч. I, с. 11+261, т. М. 1846, 8°, и I ч. 2, с. 349. Критика встрѣтила весьма неодобрительно трудъ Шевырева, но, кажется, — болѣе за „мистическое направленіе“, чѣмъ за дѣло. Впрочемъ — всѣ „критики“ — малозначительны. Только въ Сынѣ Отечества 1847, № 1, стр. 11—39, было сдѣлано [Вышнеградскимъ] нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній. Шевыревъ отвѣтилъ на эту критику пространно въ Москвитинѣ, 1848, № 1, стр. 95—142. Впоследствии онъ самъ принялъ нѣкоторыя замѣчанія критика „Сына Отеч.“, какъ напр. замѣчаніе о церковной пѣснѣ, какъ источникѣ проповѣданія Кирилла Туровскаго.

⁶⁵⁾ Нѣсколько ранѣе книги Шевырева — появился въ свѣтъ „Опытъ Исторіи русской литературы“ пр. Нибитенко, кн. I, Введеніе, Спб. 1845. Книга эта не принадлежитъ къ наукѣ, а къ области искусства академическаго краснорѣчія...

⁶⁶⁾ Во второмъ изданіи трудъ С. П. Шевырева носитъ названіе: „Исторія русской Словесности, лекціи С. П. ч. I, М. 1849 стр. СХХI+322; ч. II, М. 1860, с. 432 и 2 сним; ч. III, М. 1858, с. XXX+405; ч. IV, М. 1860, с. 196. Какъ рецензію III т. укажу на мою замѣтку въ жур. „Московское Обозрѣніе“ 1859 № 1, с. 90—108. Указанный въ „Каталогѣ“ Межова [с. 678] итальянскій переводъ „Исторіи“ Шевырева — совсѣмъ не переводъ, а особый популярный курсъ, читанный Шевыревымъ во Флоренціи по-итальянски; древняя литература изложена здѣсь на 73 страничкахъ,

28. Въ 1845—6 году, съ выборомъ профъ Бодянскаго въ Секретаря—оживляется дѣятельность „Московскаго Общества Исторіи и Древностей: съ того времени оно издало сто книгъ „Чтеній—подъ редакціей Бодянскаго и двадцать пять книгъ „Временника“—подъ редакціей И. Д. Бѣляева. Въ обоихъ изданіяхъ, въ особенности же въ „Чтеніяхъ“ 1846—9 г. помѣщено множество произведеній древней-старославянской и русской письменности, множество ученыхъ разысканій, описаній рукописей и старопечатныхъ книгъ, всякаго рода частныхъ замѣтокъ и свѣдѣній по старинѣ ⁶⁷⁾. Приготовлено было такихъ изданій еще болѣе, многія были уже и отпечатаны, но—по особымъ обстоятельствамъ—не выпущены въ свѣтъ ⁶⁸⁾. Главными дѣятелями этого періода дѣятельности Московскаго общества были Бодянскій, Ундольскій, Бѣляевъ.

⁶⁷⁾ Порядокъ изданія такой: съ 1846—9= Чтенія въ Общ. Ис. и Др.“; съ 1849 по 1857 — „Временникъ“; съ 1858 по 1877—снова „Чтенія“..

Существуетъ два „Указателя къ повременнымъ изданіямъ Общества Исторіи и Древностей“: одинъ, никуда негодный—составленъ г. Гриневицемъ въ 1862, М. и напечатанъ какъ „приложеніе“ ко II вѣн. Чтеній за 1862: другой—очень хорошій, изданъ при Чертовской библіотекѣ, какъ „Приложеніе къ Русскому Архиву. М. 1866, онъ идетъ до 1865 г.. Хорошее систематическое обзорніе содержанія 20 книгъ „Временника“ представлено [И. В. Бѣляевымъ] въ „Москвитянинѣ“ 1855, № 15—16 с. 137—172.

⁶⁸⁾ Вотъ слова Бодянскаго въ 1855 г.: „желая содѣйствовать [изданію церковно-славянскихъ письменныхъ памятниковъ] Общество Исторіи и

Древностей, во время моего секретарства въ немъ помѣшало въ Чтеніяхъ своихъ довольно часто такіе памятники.. Общество открыло — было для нихъ даже особый отдѣлъ съ 4 года „Чтеній, подѣ заглавіемъ „Славянскіе матерьялы“, для котораго заготовлялись уже [а нѣкоторые совершенно готовы были] памятники далеко бѣльшаго объема, между прочимъ: творенія Іоанна Эксарха болгарскаго, Константина [конца ІХ вѣка], Антиоха Черноризца Пандекты, Временникъ Георгія Грѣшнаго, Чтеніе о жизни и погубленіи св. князей Бориса и Глѣба, равно какъ „Сказаніе о страсти и похвала“ имѣ же [въ „Чтеніяхъ“]. Житіе Θεодосія Печерскаго [тоже] и многія другія. Всѣ они по пергаменнымъ спискамъ, и съ разнословіями по нѣсколькимъ [напр. Θεодосій—по тремъ, Антиохъ—по пяти, Эксархъ по восьми, Амартоль—по десяти]. „О времени происхожденія Славянскихъ письменъ“. М. 1855, стр. V—VI Примѣчаній. Изъ этихъ изданій, какъ увидимъ далѣе, изданы по смерти Бодянскаго—Богословіе, Шестодневъ Іоанна Эксарха Болгарскаго и Житіе пр. Θεодосія.

29. Въ 1841 г. „Россійская Академія“ была присоединена къ Академіи Наукъ въ видѣ особаго [втораго] отдѣленія Русскаго языка и Словесности; но дѣятельность его не отличалась особою энергіею и плодотворностью до той поры, пока по мысли и предложенію г. Срезневскаго, Отдѣленіе съ 1852 ни стало издавать свой особый ученый органъ подѣ названіемъ: „Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію Русскаго языка и Словесности, подѣ редакціей И. И. Срезневскаго, которыхъ вышло съ 1852 по 1863—десять томовъ съ шестью томами „приложеній“,

заключающихъ въ себѣ „Матерьялы для сравнительнаго и объяснительнаго Словаря и Грамматики“ и однимъ томомъ „Памятниковъ и образцовъ народнаго языка и Словесности“. Отдѣльно, особыми изданіями изъ „Извѣстій“ отпечатано три тома „Историческихъ чтеній о языкѣ и Словесности“ Спб. 1854—7 г. и одинъ — „Исслѣдованій и замѣчаній древнихъ памятниковъ старославянской литературы“. Спб. 1856. „Извѣстія“ представляютъ такой же богатый сборъ новыхъ матерьяловъ, какъ и „Чтенія“, только, конечно — съ большею специализаціею въ пользу произведеній древне-русской письменности. Въ „Извѣстіяхъ“ мы находимъ напечатанными цѣлый рядъ новыхъ памятниковъ старославянской и древне русской литературы и цѣлый рядъ палеографическихъ, филологическихъ, критическихъ и литературныхъ разборовъ и замѣчаній о нихъ; указаны также и всѣ важнѣйшія явленія ученой литературы за десять лѣтъ, нерѣдко критически съ поправочными и дополнительными подробностями, обращено также должное вниманіе на движеніе науки литературы и языка у прочихъ Славянъ. Важнѣйшая часть всего этого принадлежала ак. Срезневскому; въ дѣлѣ его — ар. Макарій, М. И. Сухомлиновъ, пр. Филаретъ, И. Д. Бѣляевъ и др. Обширнѣйшимъ трудомъ по содержанію и значительнѣйшимъ по объему изъ помѣщенныхъ въ „Извѣстіяхъ“ — былъ трудъ И. И. Срезневскаго: „Древніе памятники русскаго письма и языка X—XIV в. Общее повременное обозрѣніе съ палеографическими указаніями и выпусками изъ подлинниковъ и изъ древнихъ списковъ“⁶¹⁾. Это — опытъ хронологическаго указателя памятниковъ древне-русской письменности, сохранившихся доселѣ или и погибшихъ, но такихъ, о существованіи которыхъ имѣются положительныя указанія. Составить и одинъ простой реестръ такихъ памятниковъ — было бы трудомъ необыкновеннымъ, но опредѣлить хронологію cadaго, хотя бы и не абсолютную, а приблизительную — задача, требовавшая самыхъ разнообразныхъ знаній, много-

стороннихъ соображеній, справокъ и огромнаго труда. Нѣтъ нужды говорить, что г. Срезневскій исполнилъ эту задачу по „своему обычаю“ т. е. въ высокой степени совѣтливо, не упустивъ изъ вида ничего, что могло способствовать ея рѣшенію. Въ сжатой формѣ изслѣдователь имѣетъ здѣсь плоды обширныхъ изысканій, между прочимъ и историко-литературныхъ, именно — наблюденіемъ надъ составомъ нѣкоторыхъ памятниковъ. Достоинство книги возвышается еще и тѣмъ, что вторая половина ея [съ 137—275 с.] занята изданіемъ текстовъ, бывшихъ по большей части или дотолѣ вовсе неизданными или изданными неисправно. Другимъ изданіемъ II отд. Академіи Наук. были „Ученые Записки“, выходившія одновременно съ „Извѣстіями“ также подъ редакціей И. И. Срезневскаго. Съ 1855—1863 ихъ вышло 7 томовъ. Кромѣ нѣкоторыхъ памятниковъ древней русской письменности, описанія ихъ и изслѣдованій о нихъ, принадлежащихъ гг. Срезневскому, ар. Макарію, Сухомлинову, Полѣнову, Григоровичу, ар. Филарету, ар. Варлааму и др. въ Ученыхъ запискахъ мы находимъ обширный и совершенно новый по своему предмету трудъ А. Н. Пыпина: „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“ и весьма важное сочин. еп. Филарета „Обзоръ русской духовной литературы 1662—1720 г.“ Трудъ этотъ — необходимое справочное пособіе для каждаго, занимающагося исторіей древней русской литературы; но пользоваться имъ нужно съ повѣркою: библиографическая точность не принадлежала къ числу достоинствъ, украсившихъ почтеннаго ученаго; есть также и пропуски. Но зато книга его обильна иными иногда очень вѣрными и остроумными указаніями и замѣчаніями, которыхъ нельзя не цѣнить. Самый важный по новизнѣ отдѣлъ „Обзора“ обнимаетъ литературу Южной-Руси XVI—XVII вв. Слабою стороною книги должно признать общіе отзывы автора; въ нихъ проявляется болѣе клерикальный моралистъ, чѣмъ историкъ⁷⁴⁾.

„Записки Академіи Наукъ“ съ 1862 г. и Сборникъ

статей, читанныхъ въ II Отд. Академіи Наукъ“ съ 1867 и донныя выходящія замѣнили прежнія изданія. Кромѣ богатыхъ собраній „древне-славянскихъ памятниковъ юсоваго письма“ и „Свѣдѣній и замѣтокъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“ ⁷¹⁾ И. И. Срезневскаго, кромѣ важной переписки Востокова и митр. Евгенія ⁷²⁾, нѣкоторыхъ статей Срезневскаго, А. Θ. Бычкова, М. И. Сухомлинова, Невоструева, Головацкаго, — „Записки“ и „Сборникъ“ представляютъ немного относящагося собственно къ разработкѣ древней русской словесности; всего болѣе жаль, что устранены [а если и появляются, то урывками и случайно] критическіе отчеты о новыхъ явленіяхъ въ наукѣ исторіи словесности у насъ и соплеменниковъ Славянъ.

⁶⁹⁾ Изданіе занимаетъ почти исключительно весь X томъ, издано также отдѣльно in 4°, Спб. 1855 г. с. 299 съ приложеніемъ превосходно исполненныхъ 50 палеографическихъ снимковъ съ рукописей и др. предметовъ.

⁷⁰⁾ Издана и отдѣльно, притомъ дважды: однажды въ Спб. 1857. с. 300 и вторично въ Харьковѣ. 1859, с. 447—съ немногими дополненіями и исправленіями. Цѣлый рядъ „Дополненій“ напечатанъ позднѣе авторомъ въ Черниговскихъ Епархіальныхъ извѣстіяхъ 1863, № 16, 17, 18, 20 21 и 1864 № 1, 2, 3, 4, 5, 14, 17, 21, 23, 24. Рецензіи труда Филарета: [А. Н. Пыпина] въ Отеч. Зап. 1857. № 6, стр. 75—87; Чистовича въ „Извѣстіяхъ Ак. Наукъ по 2 отд.“ т. 6-й ст. 223—247; П. И. Савваитова *ibid.* стр. 92—96. Обѣ рецензіи содержатъ важныя дополненія. Сербинова: въ Духовн. Вѣстн. 1862 № 7, с. 407—441. — Задорная и неважная рецензія! Слѣдуетъ наконецъ упомянуть о статьѣ Ф. Алек-

сѣва [Терновскаго] „Обозрѣніе матеріаловъ для исторіи русской духовной литературы“, „Православ. обозрѣніе“ 1862, № 3, с. 326—363, составленное исключительно на основаніи труда пр. Филарета.

⁷¹⁾ „Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма, съ описаніемъ ихъ и замѣчаніемъ объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка“. Спб 1868, 4 неп.+192+416+24; Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. Спб. 1867—1876. 2 т. I стр. VIII+8с+96+88+100+16; II, с. VI+579. Первый трудъ напечатанъ только въ „Сборникѣ“ т. III. ; второй и въ „Запискахъ“ т. 6, 7, 9, 11, 20, 22, 24, 28 и въ „Сборникѣ“ т. I, и XII.

⁷²⁾ Занимають V томъ „Сборника статей, читанныхъ во II Отд. Академіи Наукъ. Спб. 1868—73.

30. Въ 1847 [вѣрнѣе 1849] основалось Археологическое Общество въ Петербургѣ. Въ „Запискахъ [какъ общихъ (доселѣ съ 1849—14 томовъ), такъ и специальныхъ по отдѣленію Славяно-русской археологіи 1851—61, 2 т.] въ „Извѣстіяхъ“ доселѣ (съ 1859) — 7 томовъ — находится не мало и матеріала и разысканій по древней письменности: въ послѣднемъ изданіи отпечатанъ трудъ И. И. Срезневскаго „Глаголическіе памятники“ ⁷³⁾. На средства Археологическаго же общества исполнено г. Срезневскимъ и классическое его изданіе „Сказаній о Борисѣ и Глѣбѣ“..

Позднѣе съ 1858 оживилось и обнаружило довольно энергическую дѣятельность и старое Общество Любителей Россійской Словесности, не оставшееся чуждымъ и занятіямъ русской письменной старинной ⁷⁴⁾. Въ 1864 основа-

лось „Археологическое общество“ и въ Москвѣ, также обращающее въ своихъ „Трудахъ“ [доселѣ 6 т.] [и „Вѣстникъ 1868 1 т.] должное вниманіе на произведенія старинной отечественной письменности.

⁷³⁾ И отдѣльно „Древніе глаголическіе памятники, сравнительно съ памятниками Кириллицы. Спб. 1866, VIII+298, 8⁰ съ атласомъ изъ десяти снимковъ.

⁷⁴⁾ Въ своемъ сборникѣ: „Весѣды въ Обществѣ любителей россійской словесности“, М. 1867 — 71, три книги.

31. Не мало важнаго содержать въ себѣ „Архивы, издававшіеся Н. В. Балачовымъ, именно: „Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній 1850—57, 4 т. и „Архивъ историко-практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, Сиб. съ 1859—1861, 13-ть книгъ; но несравненно болѣе важное значеніе имѣетъ Сборникъ пр. Н. С. Тихонравова, выходящій подъ заглавіемъ: „Лѣтописи русской литературы и Древности“ съ 1859—63, 8 частей или пять томовъ. Доля, падающая здѣсь на литературу новаго періода и на иные предметы, неотносящіеся къ литературѣ — очень невелика сравнительно съ массой матеріаловъ и изслѣдованій и замѣчаній по русской литературѣ древняго періода. Главнѣйшія образцовыя изданія памятниковъ — принадлежатъ самому издателю, изслѣдованія же — проф. О. И. Буслеву. Въ „Лѣтописяхъ“ г. Тихонравова наука древней русской Словесности получила существенное приобрѣтеніе и въ отношеніи матерьяла, и въ отношеніи самой разработки. Въ первый разъ въ изслѣдованіяхъ г. Буслева высказана мысль о необходимости разсмотрѣнія произведеній древней русской словесности по мѣстностямъ, т. е. сказ. этнографически; въ первый же разъ здѣсь разсмотрѣны съ историко-литературной точки зрѣнія и Житія Святыхъ.

Въ 1855 году богатая библіотека Соловецкаго монастыря была перевезена въ Казань. Это обстоятельство дало возможность помѣщать при „Православномъ Собесѣдникѣ“ [издается Казанской Духовной Академіей съ 1855 г.] періодически многія важныя произведенія древней русской письменности. Такъ, кромѣ многихъ памятниковъ меньшаго объема—здѣсь мы находимъ цѣликомъ „Сочиненія“ Максима Грека, „Просвѣтитель“ Іосифа Санина, „Истины показаніе“ Зиновія Отенскаго, „Стоглавъ“, „Проскинитарій“ Арсенія Суханова, „Мечеть“—Лихудовъ и др. Въ томъ же изданіи помѣщены и нѣкоторыя замѣчательныя изслѣдованія о предметахъ, касающихся исторіи русской Словесности.

Не незамѣченными должно пройти и свержное, но заслуживающее доброй признательности—изданіе „Филологическихъ Записокъ“ г. Хованскаго ⁷⁵⁾. Не все печатаемое въ нихъ по древней литературѣ одинаково значительно, но все же значительнаго и важнаго найдется на столько, чтобы поставить изданіе въ число необходимыхъ пособій для изучающихъ судьбы древней русской письменности. Впрочемъ, древняя письменность, какъ видно, косвенно только входитъ въ задачи этого изданія.

⁷⁵⁾ Издаются въ Воронежѣ съ 1860 года; доселѣ вышло 17 томовъ.

32. Успѣхи науки всегда зависятъ:

а) отъ открытія и усвоенія возможно большаго количества матеріала и

б) отъ правильности и ширины метода его изслѣдованія.

Средства къ первому предлагали общественныя хранилища рукописей и собранія частныхъ любителей и знатоковъ русской старины; средство ко второму—заключалось въ изученіи произведеній русской письменности сравнитель-

но съ византійскими первообразами и сроднымъ матерьяломъ литературъ западныхъ.

Поэтому остановимся сначала на предметъ рукописей, отмѣтимъ ихъ собранія, общій ходъ и основныя приемы библиографическаго изученія русской рукописной старины, способы изданія памятниковъ ея, наконецъ — скажемъ о методахъ и успѣхахъ самаго изученія ихъ.

Уже выше мы имѣли случай упоминать о рукописныхъ собраніяхъ: Императорской Публичной библиотеки, Академіи Наукъ, библиотеки Общества Исторіи и Древностей, гр. Румянцова, Толстова и др. Въ разсматриваемый періодъ времени въ исторіи отечественныхъ рукописныхъ библиотекъ произошли многія измѣненія, имѣвшія рѣшительное вліяніе на ходъ изученія древней русской письменности: собрались и стали извѣстными богатые рукописныя хранилища М. П. Погодина ⁷⁶), И. Н. Царскаго, И. П. Сахарова ⁷⁷), послѣднія два вошли впоследствии въ библиотеку — гр. А. С. Уварова. В. М. Ундольскаго, А. И. Хлудова (составившееся изъ трехъ коллекцій Озерскаго, Гильфердинга и Лобкова), Пискарева и др. Императорская Публич. библиотека обогатилась приобрѣтеніемъ собраній гр. Толстова (1830), знаменитаго древне-хранилища М. П. Погодина (1852), и рукописей Гильфердинга, Эрмитажной библиотеки, куп. Сокурова; сюда же поступили и отборныя коллекціи старопечатныхъ книгъ Кастерина и Каратаева ⁷⁸). Румянцовскій Музей (съ 1862 въ Москвѣ) приобрѣлъ богатѣйшее собраніе рукописей и старопечатныхъ книгъ Ундольскаго, Пискарева и старопечатныхъ книгъ И. Я. Лукашевича.. Библиотека Рукописей бывшей Россійской Академіи — соединилась съ библиотекой Академіи Наукъ. Не говоримъ о единичныхъ ежегодныхъ приобрѣтеніяхъ, о которыхъ свидѣлствуютъ „Отчеты“ „Имп. Публичной библиотеки“ и „Румянцовскаго Музея“.. Изъ разныхъ мѣстъ, монастырей и церквей югозападнаго края, собрались и собираются рукописи въ церковно-археологическій Музей при Кіевской Ду-

ховной Академіи, Соловецкая бібліотека перемѣстилась въ Казань, въ стѣны Духовной Академіи, Новгородская-софійская и Кирилло-бѣлозерская—въ Петербургъ, въ Духовную же Академію; бібліотека Іосифова Волоколамскаго монастыря въ Москву—въ вѣдѣніе Общества любителей духовнаго просвѣщенія; собрался немалый запасъ рукописей при Археографической Коммисіи; наконецъ—и при Виленской публичной бібліотекѣ образовалось особое русское рукописное отдѣленіе... Такое „собраніе“ и общедоступность рукописей, дотолѣ разбѣянныхъ и скрытыхъ—не могло не оказать сильнаго вліянія на успѣхи ихъ изученія. Къ нимъ мы теперь и обращаемся.

⁷⁶⁾ О рукописномъ собраніи М. П. Погодина можно найти свѣдѣнія въ его автобіографіи, въ Словарѣ профессоровъ Московскаго Универс. М. 1855, т. II, стр. 265—272, и въ „Отчетѣ Императорской Публичной бібліотеки за 1852 годъ.“ Спб. 1853, стр. 23. sq.

⁷⁷⁾ Къ гр. Уварову поступили, впрочемъ,— не всѣ рукописи И. П. Сахарова: часть ихъ, 52 рукописи—по его смерти—была приобретена Имп. Публичной Библіотекой, см. „Отчеты И. П. Б. за 1863, Спб. 1864. с. 43.

⁷⁸⁾ Имп. Публичная Библіотека также приобрѣла собранія кунца Берсенева (краткій каталогъ собранія его напечатанъ въ „Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др.“ 1864, к. I, смѣсь стр. 225—232); И. К. Купріянова, см. Отчеты И. Пуб. Библ. за 1863, с. 63—67 и за 1865, с. 22—4. Каталогъ бібліотеки куп. Сокурова въ „Отчетѣ за 1876, стр. 27—100.

33. Что сдѣлано по описанію Славяно-русскихъ рукописей до 1846 г. подробно перечислено въ „Библіографическихъ разысканіяхъ“ В. Ундольскаго (с. 1—26),

отчасти въ книгѣ Геннади „Литература русской библіографіи“ Спб. 1858 (passim), а также указано мною въ разныхъ мѣстахъ выше. Съ того времени занятія рукописной стариной и библіографіей—значительно разрослись и оразнообразились. Вліяніе Востоковскаго „Описанія рукописей Румянцовскаго Музея“ было столь сильно, что даже и тамъ, гдѣ библіографы, держась пути первоначально указаннаго Калайдовичемъ и Строевымъ, желали представить лишь перечневое, инвентарное описаніе рукописей, — они нерѣдко дѣлали уступки историко-литературнымъ требованіямъ или выписывали что находили важнымъ и интереснымъ, или облегчали разысканія библіографическими ссылками на источники, пособія и сродный матерьялъ. Вообще—библіографія нашихъ старинныхъ рукописей со времени Востокова—по своимъ приемамъ можетъ быть раздѣлена на слѣдующіе пять раздѣловъ:

а) Описанія ученія, съ обширными изслѣдованіями не только о рукописяхъ, но и о самыхъ предметахъ ихъ, о самыхъ памятникахъ, съ обширными филологическими извлеченіями.

б) Описанія строго библіографическія рукописи и ея состава, иногда съ змѣчаніями и указаніями источниковъ.

в) Описанія филологическія и палеографическія.

г) Описанія съ выборомъ неизвѣстныхъ или мало извѣстныхъ памятниковъ помѣщаемыхъ *in extenso*.

д) Описанія перечневныя или охранныя и смѣшаннаго характера ⁷⁹⁾.

⁷⁹⁾ Что требуется современною наукою отъ удовлетворительнаго описанія рукописей—очень обстоятельно изложено И. И. Срезневскимъ въ „Отчетъ о первомъ присужденіи Ломоносовской преміи“. Спб. 1868, стр. 20—1.

34. Представляю здѣсь хронологически-библіографическій списокъ всѣхъ описаній рукописей съ 1846 года,

отмѣчая кратко направленія и приемы важнѣйшихъ:

а) О. Бодянскаго: „О поискахъ моихъ въ Познанской публичной библіотекѣ“. М. 1846, с. 45, 8° также въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древностей 1846, № 1, с. 1—45. Здѣсь между прочимъ напечатано „сказаніе о Петрѣ Медвѣдкѣ Москалѣ“, 1607 г. и отрывки съ повѣстей „о королѣ Маркѣ“, „о князати Квидоне“ и о „Аттли королѣ угорьскомѣ“.

б) В. Ундольскаго: „Библіографическія разысканія“ М. 1846, 8°, с. 105. О нихъ см. выше, ст. 27, прим. 62.

в) В е р е д н и к о в ъ: „Описаніе четырехъ рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Тихвинскаго Успенскаго монастыря“ въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1847, № 9, ч. LV, с. 201—226. Одинъ хронографъ и три Евангелія. Последнія—не важны. Описаніе перечневое.

г) П. Строевъ: Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія гг. И. Н. Царскому, М. 1848, 8° с. V+916 и 2 нен. Описаніе строго перечневое, но подробное, по главамъ. „Я держался—говоритъ библіографъ—правиль библіографіи самыхъ строгихъ: въ каталогахъ рукописей выписки, особенно длинныя не могутъ имѣть мѣста; замѣтки филологическія и грамматическія, безъ связи и доказательствъ—мало полезны; сравненіе между собою книгъ огромныхъ (Хронографовъ, Прологовъ и пр.) выйдетъ только поверхностное“. Собраніе Царскаго пріобрѣтено графомъ А. С. Уваровымъ, равно, какъ и собраніе Сахарова.

д) В. Ундольскій: (Описаніе славянскихъ рукописей Московской патриаршей библіотеки“) s. t. anq. Семь полу-листовъ этого труда было напечатано (8-й остался въ корректурѣ) въ 1847—8 году для „Чтеній въ Общ. Ист. и Др.“, но выпущено въ свѣтъ только по смерти библіографа, въ 1867, въ „Чтеніяхъ“ II к. с. 56. Описаніе было приготовлено все. Напечатанное обнимаетъ только 110 №. Всего важнѣе описаніе Кормчихъ. Характеръ „описанія“—строго библіографическій съ пояснительными и

изыскательными ссылками на источники. Мѣстами есть выписки предисловія, послѣсловія и записей. Трудъ образцовый въ своемъ родѣ. Жаль, что недоизданъ.

е) Артемьевъ: „Историческія рукописи бібліотеки Казанскаго Университета“ ст. въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1852, № 9, т. LXXV, с. 23 sq.; 1854, № 7—8, т. LXXXIII, с. 1 sq.; 1856, № 5 и 6 т. XC, с. 23 sq., 83 sq. и отдѣльно: s. tit. 54 с. + 55 + 53. Описаніе самыхъ рукописей кратко, но выдержки изъ нихъ любопытныхъ и важныхъ статей — обстоятельны. Вообще все важное и доступное вниманія указано и извлечено. Есть даже изслѣдованія. Трудъ заслуживалъ бы быть переизданнымъ.

ж) Берединовъ: „О нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ монастырскихъ и др. бібліотекахъ“, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1853, ч. LXXVII, № 6, с. 85—111. Съ выписками исторически замѣчательнаго.

з) Купріяновъ: „Указаніе на нѣкоторыя рукописи Новгородскихъ церквей и монастырей“ въ Жур. М. Нар. Просв. 1853, № 12, т. LXXX, с. 122 sq. Дополненіе въ предъидущей статьѣ.

и) Буслаевъ: „Палеографическіе и филологическіе матерьялы для исторіи письменъ славянскихъ, собранные изъ XV рукописей Московской Синодальной бібліотеки..., съ приложеніемъ 22 литогр. снимковъ,“ въ книгѣ: „Матерьялы для исторіи письменъ, восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ“. М. 1855. въ листъ., стр. 1—58. Описаніе имѣетъ характеръ исключительно филологическій: это — рядъ грамматическихъ и словарныхъ извлеченій. Снимки — исполнены превосходно. Дополненіе г. Срезневскаго къ труду Буслаева см. въ „Матерьялахъ для сравнительнаго Словаря и грамматики“ Спб. 1856. т. III, с. 561—571.

к) Горскій и Невоструевъ: Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной бібліотеки (томъ 1-й). Отдѣлъ первый, Священное Писаніе. Москва, 1855, 8^о с. XIV + 339; (томъ 2-й) — отдѣлъ второй, писанія

святыхъ отцовъ: - 1 толкованіе Священ. Писанія. М. 1857. 8о, с. V+199; (томъ 3-й) — 2 Писанія догматическія и духовно-правственныя. М. 1859, 8^о с. XII+687; (томъ 4-й) — 3 разныя богословскія сочиненія (прибавленія). М. 1862. 8^о с. VII+341; (томъ 5-й) — отдѣлъ 3. Книги богослужебныя, часть первая. М. 1869, 8^о, с. XXII+584.

Безспорно самый важный и обширный критико-библиографическій трудъ послѣдняго времени! Съ разборомъ рукописей, заключающихъ въ себѣ замѣчательныя памятники литературы въ „Описаніи“ Горскаго и Невоструева — соединяется разборъ самыхъ памятниковъ въ отношеніи къ содержанію и языку, а при разборѣ переводовъ и въ отношеніи къ правильности передачи подлинника. При оцѣнкѣ переводовъ и извлеченій изъ произведеній греческихъ и другихъ чужезычныхъ — всегда отыскиваются и указываются источники, которымъ пользовался переводчикъ или извлекатель. Не оставлено безъ вниманія, по возможности — изслѣдовано и объяснено все, что заслуживаетъ особеннаго вниманія какъ въ главномъ содержаніи рукописи, такъ и во вставныхъ статьяхъ и припискахъ. Всѣ выписки изъ рукописей — въ текстахъ ли помѣщаемыхъ *in extenso* — въ словарныхъ и грамматическихъ извлеченіяхъ — передаются съ буквальною точностью (слова И. И. Срезневскаго). Библиографія рукописей въ такомъ объемѣ дотогдѣ не существовала въ русской наукѣ. Потому-то и наука древней русской словесности въ „Описаніи о. Горскаго и Невоструева“ обогатилась цѣлымъ рядомъ основательныхъ и новыхъ разсужденій. Полную, всестороннюю оцѣнку этого труда, сдѣланную Акад. И. И. Срезневскимъ и А. Θ. Бычковымъ см. въ книгѣ: „Отчетъ о первомъ присужденіи Ломоносовской преміи. Сиб. 1868, 8^о 106, въ „Сборникѣ статей II отд. томъ 7, № 1. и въ „Запискахъ Академіи Наукъ т. XIII, с. 195—300. Рецензія г. Срезневскаго важна еще и тѣмъ, что представляетъ въ видѣ „Прило-

женія“ — „Списокъ рукописей Синодальной библіотеки по новому счету“ съ показаніемъ прежнихъ №№ рукописей“, а также „Указатель писателей и книгъ“ въ 5-ти томахъ „Описанія“. Широковѣщательная рецензія г. Безсонова на 1 томъ „Описанія“, помѣщенная въ Русской Бесѣдѣ 1856, № 2 с. 1—90 — нашла достойный отвѣтъ въ особой кн. Невоструева: „Разсмотрѣніе рецензій, явившихся на Описаніе рукописей Синодальной библіотеки, Спб. 1870. 8о, с. 78 и въ Сборникѣ статей, читанныхъ въ П отдѣл. Ак. Н. т. VII, Спб. 1870, № 6. Для полноты можно отмѣтить еще и небольшую рецензію I-го т. И. К. — ва (И. К. Купріянова) въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1856, № 3, см. стр. 86—98, и (неважную) рецензію св. Смирнова-Платонова въ „Православномъ Обзорѣніи“ 1860, № 6, стр. 231—276.

л) Восток ова: Краткія описанія отдѣльныхъ рукописей, разбросанныя по разнымъ изданіямъ — собраны въ одно цѣлое и напечатаны „въ Ученыхъ Запискахъ“ по II Отд. Акад. Наукъ, 1856, т. II, отд. 2, с. 59—128 и въ „Филологическихъ Наблюденіяхъ“ автора — стр. 135—204.

м) Купрія новъ: Обзорѣніе пергаменныхъ рукописей Новгородской софійской библіотеки“ Спб. 8о, 1857, стр. 113. Отдѣльно изъ „Извѣстій II отд. Акад. Наукъ“ т. V, с. 367—71; т. VI, с. 34—66; 276—320. Описаніе кратко, но съ обстоятельными извлеченіями для филологическихъ и историческихъ цѣлей.

н) (Виктор овъ?) Алфавитный Указатель Славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки. М. 1858, 8°, с. 128. Оттискъ изъ труда ар. Саввы. Указатель для обзорѣнія Московской патріаршей (нынѣ синодальной) ризницы и библіотеки. М. 1858. стр. 153—280. Описаніе краткое, достаточное для первой нужды.

P. Martinof: Les Manuscrits slaves de la Bibliothèque Imperiale de Paris avec un calque. P. 1858, 8°,

стр. Ш. Прекрасное дополненіе къ книгѣ С. Стрובה, см. выше, ст. 25, прим. 27. Рукописей русскихъ немного, еще менѣе важныхъ.

о) Варлаамъ арх. Описаніе Сборника XV столѣтія Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Спб. 1858 г. 8°, 65 с., отдѣльно изъ V кн. Ученыхъ Записокъ II Отд. Акад. Наукъ, Спб. 1859, от. III, с. 1—66.

Описаніе обстоятельное, со многими выдержками и приложеніями, гдѣ помѣщены нѣкоторые памятники древней русской письменности въ лучшемъ противъ извѣстнаго или новаго видѣ.

п) Лавровскій. П. Описаніе семи рукописей С.-Петербургской Публичной бібліотеки. М. 1859. 8°, 90. Отд. оттискъ изъ „Чтеній въ Общ. Ист. и Др. 1858, кн. IV, с. 1—90. Трудъ очень замѣчательный въ филологическомъ отношеніи. Впрочемъ—авторъ не упустилъ изъ вида и реальнаго содержанія памятниковъ.

р) Варлаамъ арх. Обзорѣніе рукописей собственной бібліотеки пр. Кирилла Бѣлозерскаго“, въ II кн. Чтеній Общ. Ист. и Др. 1860, с. 1—69 и отд., М 1860. Есть выдержки и притомъ—русскихъ статей.

с) Макарій арх. „Обзорѣніе древнихъ рукописей и книгъ церковныхъ въ Новгородѣ и его окрестностяхъ“, въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др. 1861. к. II, с. 1—40. Обзорѣніе не бібліографическое.

т) Александръ Б.: (Брянчаниновъ?)—Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками въ пользу раскола. Спб. 1861, 8°, с. II+291+340. Первая половина книги обзорѣваетъ сочин. историческія, вторая—соч. учительныя или обличительныя. Трудъ не бібліографическій, а—богословскій, хотя любопытный и для бібліографа. Замѣчательно, что по недосмотру въ этомъ описаніи ниже словомъ не помянуты знаменитые „Поморскіе отвѣты“.

у) П. Любопытный: Каталогъ или Библіотека ста-

ровѣрческой церкви. М. 1861, 8°, 152 с.+6 нен. Оттискъ изъ журн. „Библиограф. Зап.“ за 1861 г.

П. Любопытный: Каталогъ или библиотека старо-вѣрческой церкви. М. 1863. 8°, стр. IV+66. отт. изъ „Чтеній въ Общ. Ист. и Древн. 1863, книга I, от. мат. с. 1—66.

Два изданія одной и тойже „раскольничьей библиографіи“, но существенно между собою различныя: первое есть современная обработка труда П. Любопытнаго, исполненная Н. Субботинимъ, второе — настоящій, неизмѣненный текстъ его. Такъ какъ назначеніе „Каталога“ было болѣе назидательно благочестивое, чѣмъ ученое, то — понятно, что въ немъ нельзя искать точныхъ библиографическихъ приемовъ описанія; тѣмъ не менѣе онъ полезенъ и для библиографа и для историка литературы — очень многими указаніями. Есть еще третье изданіе „Каталога или библиотеки П. Любопытнаго“ М. 1863, помѣщеннаго въ видѣ приложенія ко 2-му т. „Сборникъ для исторіи старообрядчества, изд. М. И. Поповымъ“ — изданіе плохое и почти бесполезное.

ф) „Описаніе рукописей, принадлежащихъ Археографической Коммиссіи въ книгѣ: „Лѣтописи занятій археограф. Коммиссіи 1861 г. вып. I, Спб. 1862, с. 1—13. Описаніе трехъ Сборниковъ и одной родословной книги. Есть извлеченія. Описаніе не продолжалось.

х) П. И. Савваитовъ: Описаніе пяти рукописей, принадлежащихъ Археографической Коммиссіи въ кн. „Лѣтопись занятій археогр. Коммиссіи, 1862—1863, вып. II, Спб. 1864, с. 14—31, прот.

Инвентарный Каталогъ по главамъ.

ц) Ламанскій. В. „О нѣкоторыхъ Славянскихъ рукописяхъ въ Вѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ, съ филологическими и историческими примѣчаніями. Спб. 1854, 8°, с. 167 (вмѣстѣ какъ „Приложеніе“ къ VI т. Записокъ Академіи Наукъ). Трудъ г. Владиміра Ламанскаго богатъ и филоло-

гическими замѣчаніями и всякаго рода интересными выписками, сближеніями и замѣтками. Есть кое что, касающееся русской старины. Къ книгѣ приложено 5 табл. литогр. снимковъ Трудъ извѣстнаго нашего публициста греко-славянина замѣчательнъ еще и тѣмъ, что почти не заключаетъ въ себѣ ничего специфически ему свойственнаго греко-славянскаго.

ч) Дмитріевъ Петковичъ: „Обзоръ Аѳонскихъ древностей“ Спб. 1865, 8^о, с. 69. Обзорніе славян. рукописей, находящихся въ аѳонскихъ монастыряхъ. Выписки — очень интересны, они могутъ быть разсматриваемы, какъ дополненія къ трудамъ Аврамовича (Описаніе древностей сръбски Б 1847) и Григоровича (Очеркъ путешествія по европейской Турціи. К. 1848). Нѣкоторыя рукописи только отмѣченны.

ш) (Смирновъ): Описаніе рукописныхъ сборниковъ Новгородской Софійской библіотеки“ въ кн „Лѣтописи зачатій Археографической Коммисіи, 1864, кн. III. Спб. 1865, отд. III, стр. 1—106. Описаніе перечневое, но съ изложеніемъ содержанія тѣхъ статей, которыя могутъ имѣть историческій или литературный интересъ. Кое-гдѣ есть и библиографическія указанія на источники или сродныя произведенія.

щ) И. И. Срезневскій: Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, томъ I, I—XI, Спб. 1867: вып. I, с. VIII+16+86; вып. II, 96; вып. III, с. 88; вып. IV, с. 100; томъ II, XLI—LXXX. Спб. 1876 стр. VI+579.

Трудъ не строго библиографическій, потому что кромѣ рукописей здѣсь разсматриваются и иные предметы, но онъ содержитъ въ себѣ такое преобладающее количество описаній новыхъ рукописей и памятниковъ письменности, извлеченій изъ нихъ, не рѣдко цѣликомъ, разнаго рода разысканій историческихъ и литературныхъ по поводу и

ради ихъ, что ближе всего можетъ быть отнесенъ къ рукописной библиографіи.

аа) П. Лукьяновъ: „Отчетъ о занятіяхъ въ столичныхъ библиотекахъ“ въ кн. „Протоколы засѣданій Совета Харьк. Универ.“ 1867, № 6, с. 557—595; № 7, с. 628—662. Собственно—не библиографическое описаніе, а рядъ весьма важныхъ памятниковъ, извлеченныхъ изъ сборниковъ Публичной библиотеки съ краткими филологическими замѣчаніями.

бб) Оставшееся послѣ Карамзина собраніе рукописей было принесено Императорской Публичной библиотекѣ въ даръ его сыновьями. Оно описано въ „Отчетѣ И. П. В.“ за 1867, Спб. 1868, стр. 55—99.

вв) А. Ѳ. Бычковъ: Описаніе славянскихъ рукописей, принесенныхъ въ даръ Императорской Публичной библиотекѣ А. Ѳ. Гильфердингомъ, въ Отчетѣ Императорской Публичной библиотеки за 1868 годъ. Спб. 1869, с. 10—159. Рукописи—исключительно югославянской рецензіи. Описаны перечневнымъ способомъ; есть, однако, и выдержки. Другія рукописи были приобретены Пуб. библиотекой уже по смерти Гильфердинга; онѣ описаны въ „Отчетѣ“ за 1873 г.: с. 12—19.

гг) Описаніе книгъ и рукописей, пожертвованныхъ въ Киевскую Духовную Академію Е. В. Барсовымъ. Киевъ, 1868. 8°, 24 с отд. оттискъ изъ Трудовъ Киев. Духов. Ак. 1868. № 5 стр. 355—376. Простой инвентарный каталогъ.

дд) Ундольскій: Славяно-русскіе рукописи В. М. Ундольскаго, описанныя самимъ составителемъ и бывшимъ владѣльцемъ Собранія съ № 1 по 579. Съ приложеніемъ очерка собранія рукописей В. М. Ун. въ полномъ составѣ (составл. А. Е. Викторовымъ). М. 1870, 4°, с. III+468+64. Образцовый библиографическій трудъ, напечатанный по двумъ—пространной и сокращенной—редаціямъ, найденнымъ въ бумагахъ составителя. Богатое Со-

браніе У—скаго заключаєть въ себѣ болѣе, чѣмъ 1350 номеровъ рукописей. Составитель успѣлъ описать только 579, именно отдѣлъ „Богословія“ т. е. а) Священное Писаніе; б) Толкователи Св. Писанія; в) Каноническое право; г) Обряды; д) Отцы Церкви; е) Исторія Церкви; ж) Системы богословскія и з) Смѣсь, т. е. различные сборники, поученія и т. д. Не смотря на сжатость описанія — все важнѣйшее отмѣчено, нерѣдко приводятся библиографическія указанія на источники или однородныя статьи и всякаго рода историческія поясненія; не мало — и выписокъ болѣе интереснаго и важнаго. Составленный г. Викторовымъ очеркъ собранія рукописей В. М. Ундол. восполняетъ пробѣлъ, обозрѣвая важнѣйшія рукописи, которыхъ не успѣлъ описать собиратель. Здѣсь же помѣщенъ и очень хорошій обзоръ ученыхъ трудовъ Ундол., оставшихся еще неизданными. Къ этому — еще можно сказать, что помимо богатства всякаго рода свѣдѣній, заключающихся въ трудѣ пок. Ундольскаго — изученіе его приносить пользу строгой библиографической школы: съ такимъ руководителемъ научаешься цѣнить и отыскивать такія стороны предмета, на которыя безъ него и не обратилъ бы вниманія. Изъ рецензій можно указать только на ст. В. О. Ключевскаго: „Рукописная бібліотека В. М. Ундольскаго“ въ Православномъ Обзорѣніи, 1870, № 5, с. 872—894; да и эта статья — скорѣе обзоръ содержанія труда, чѣмъ рецензія его.

ее) Не воструевъ: „Библіотека Іосифова Волоколамскаго монастыря времени самаго преподоб. Іосифа“, въ ст. Разсмотрѣніе книги И. Хрущева о сочиненіяхъ Іосифа Санина и т. д. въ Отчетѣ о XII присужденіи наградъ гр. Уварова Спб. 1870, с. 168—186 и въ отд. оттискѣ стр. 65—103. Оригинальная попытка библиографической реставраціи на основаніи старинныхъ описей и записей въ рукописяхъ. Для исторіи просвѣщенія и литературы такія возстановленія утраченнаго — очень важны.

жж) Леонидъ арх. (Кавелинъ): Описаніе славяно-

русскихъ рукописей книгохранилища Ставропигіального Воскресенскаго, новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря и замѣтки о старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ того же книгохранилища, въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др. 1871, кн. I, стр. 1—71 и отдѣльно. Трудъ краткій охраняный, но во многомъ пополняющій свѣдѣнія, изложенныя у арх. Амфилохія, см. ниже.

з) Викторовъ. А. Е. Каталогъ славяно-русскихъ рукописей, пріобрѣтенныхъ московскимъ публичнымъ и Румянцовскимъ Музеемъ въ 1868 послѣ Д. В. Пискарева. М. 1871 8°, с. 69. При всей краткости своей — Каталогъ очень обстоятельный, потому что все важное и замѣчательное отмѣчено и пояснено библиографическими указаніями.

и) Гильдебрандтъ П. Рукописное отдѣленіе Виленьской публичной бібліотеки, выш. первый: I, церковно-славянскія рукописи—II, Русскіе пергамены. Вильна 1871, 4°, XIV+230. Есть любопытныя выдержки и извлеченія, но вообще все описаніе слѣдитъ болѣе охраняныя, чѣмъ библиографическія цѣли, ибо даже основное библиографическое правило: выписывать начало каждой особой статьи—несоблюдено. Трудъ, впрочемъ, и въ такомъ видѣ—не мало полезный.

к) Kaľuzniaski Aem. Descriptio, codicum slovenicorum, qui in biblioteca Universitati Jagell. inveniuntur. Леор. MDCCCLXXI, 8°, 1, р. 35 съ двумя листами снимковъ. Описаніе пяти рукописей XIV—XVI вв. юго-славянскихъ—съ палеографической и филологической точекъ зрѣнія.

л) Поповъ А. Н. Описаніе рукописей и каталогъ книгъ церковной печати бібліотеки А. И. Хлудова. М. 1872, бол. 8°, 5 нел.+X+ 664+54.

Поповъ А. Н. Первое прибавленіе къ описанію рукописей и каталогу книгъ церковной печати бібліотеки А. И. Хлудова. М. 1875, 8° с. III+94+5.

Трудъ образцовый по богатству содержанія, къ сожа-

лѣвнѣю доступный не каждому изслѣдователю, такъ какъ былъ напечатанъ въ числѣ 100 экземпляровъ и не поступилъ въ продажу. „При описаніи каждой рукописи, кромѣ обозначенія заглавія, характера и времени его написанія и величины по листамъ, обращено вниманіе на содержаніе— тѣмъ подробнѣе, чѣмъ оно своеобразнѣе и чѣмъ менѣе извѣстны книги такого содержанія. При этомъ оглавленіе статей, составляющихъ книгу, передано дословно и буквально по рукописи. Записи и замѣчательныя приписки выписаны всѣ и также буквально. Такъ же выписаны и отрывки изъ рукописей, взятые для показанія языка и правописанія. Изъ нѣкоторыхъ рукописей выписаны цѣликомъ цѣлыя статьи, или неизвѣстныя или извѣстныя по какому нибудь другому изводу, или по неудовлетворительному списку. Нѣкоторыя изъ этихъ выписокъ снабжены различеніями по другимъ спискамъ. Кромѣ всего этого есть еще очень много указаній то на другіе списки статей и книгъ и на печатныя изданія, то на греческіе подлинники и на изслѣдованія о статьяхъ и книгахъ.. Книга А. Н. Попова, посвященная Хлудовскому собранію рукописей— важна не только для ознакомленія съ этими рукописями, но и вообще какъ пособіе для изученія юго-славянской и русской письменности“. Изъ этихъ словъ такого судьи, какъ И. И. Срезневскій— видна высокая важность труда г. Попова: она совмѣщаетъ въ себѣ достоинства тщательнаго описанія рукописей съ изданіемъ самихъ памятниковъ, иногда совершенно новыхъ, неизвѣстныхъ или извѣстныхъ только отчасти. Быть можетъ строгіе пуристы - библиографы упрекнутъ описателя за эту библиографическую ересь, но отъ такого упрека воздержится каждый изслѣдователь древне-славянской и древне-русской письменности, правильно понимающій нужды своей науки... Рецензія труда г. Попова, написанная И. И. Срезневскимъ— помѣщена въ „Запискахъ Акад. Наукъ томъ XXI, 1872, с. 319—327, въ „Сборникъ статей II отд. Акад. Наукъ т. X, 1873, стр. XVІІ—XXV.

м) Барсовъ Е. В. Описание рукописей и книгъ, хранящихся въ Выголексинской библіотекѣ. Спб. 1874, 8° с. IV+85, отдѣльный оттискъ изъ VI вып. Лѣтописей занятій Археограф. Коммисіи. Краткій каталогъ съ нѣкоторыми, какъ кажется, случайными замѣчаніями и очень немногими выписками. Предпосланный описанію „исторической очеркъ выговской библіотеки“—интересная глава изъ исторіи русской культуры и религіозной жизни.

н) Амфилохій, арх.: Описание Воскресенской Новоіерусалимской библіотеки, съ приложеніемъ снимковъ (16 in. f.) со всѣхъ пергаменныхъ рукописей и нѣкоторыхъ писанныхъ на бумагѣ“. М. 4°, 1875, стр. 9+II+214. Описание по частямъ было исполнено гораздо ранѣе: именно въ 1858 г. и напечатано въ VII—VIII томахъ „Извѣстій по II отд. Академіи Наукъ; потомъ оно было дополнено авторомъ и издано вновь. Характеръ описанія—инвентарный, по статьямъ и листамъ. Есть выписки, но едва ли помѣщеніе ихъ вездѣ опредѣлялось дѣйствительной нуждой и потребностями изслѣдователей, едва ли вездѣ онѣ принадлежать къ замѣчательнымъ и избраны съ какою нибудь иною цѣлью, кромѣ той, чтобы дать образцы языка и правописанія. Обзорѣніе рукописей Новоіерусалимской библіотеки, на основаніи труда о. Амфилохія, а равно и рецензія послѣдняго (И. И. Срезневскаго) въ Отчетѣ о двадцатомъ присужденіи наградъ гр. Уварова, Спб. 1878, с. 749—754.

оо) Арх. Леонидъ (Кавелинъ): „Славяно-сербскія книгохранилища на св. Аѳонской горѣ, въ монастыряхъ Хилендарѣ и св. Павлѣ“ въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древ. 1875 кн. I, см. стр. 1—80. Рукописи за немногими исключеніями—сербской рецензіи. Съ 52 стр. описано книгохранилище болгарскаго Зографскаго монастыря. Рукописи его—рецензіи болгарской. Есть любопытныя выписки.

п) Петровъ Н. И. Описание рукописей церковно-

археологическаго Музея при Кіевской Духовной Академіи. Кіевъ 1875, 8^о, вып. I, с. I—280, вып. II, с. 281—542, вып. III, стр. 543—683+CVII.

Задача, какою задался почтенный описатель, была широкая; онъ стремился: а) не только обозначать видъ рукописей, но и „опредѣлять личность автора, переводчика и переписчика рукописи и время ея составленія, перевода и переписки; б) дать полное и обстоятельное свѣдѣніе о составѣ рукописи такъ, чтобы ни одна малѣйшая статья не ускользнула изъ вниманія читателя; для чего показывалось не только заглавіе рукописи, но и частныхъ статей ея и начальнаго текста ихъ; в) указать на тождественныя статьи въ другихъ рукописяхъ Музея и г) указать рукописи или статьи ихъ, которыя извѣстны или въ печати, или въ другихъ извѣстныхъ въ Россіи собраніяхъ рукописей.“ Естественно, что такія широкія, для нашего времени почти идеальныя—требованія могли быть исполнены только отчасти: трудъ Н. И. Петрова удовлетворяетъ только первому ознакомленію съ рукописями; выписокъ и извлеченій изъ текстовъ—почти нѣтъ никакихъ, нѣтъ и филологическихъ эксцерптовъ и характеристикъ. Историко-литературныя замѣтки и указанія—случайны и неполны, также точно и библиографическія ссылки, но полной признательности заслуживаютъ попытки библиографа опредѣлить источники нѣкоторыхъ произведеній древне-русской письменности, предпріятіе, которое и тѣмъ уже полезно, что въ значительной степени облегчаетъ трудъ изслѣдователей.

pp) Е. І. Калужняцкій: Обзоръ славяно-русскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ бібліотекахъ и архивахъ львовскихъ. Кіевъ 1877, 4^о с. 109, отдѣльный оттискъ изъ „Трудовъ“ III Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ 1877 К. стр. 213—321. „Обзоръ“ Е. І. Калужняцкаго есть скорѣе собраніе всякаго рода историко-литературныхъ и библиографическихъ замѣчаній о памятникахъ, чѣмъ библиографическое описаніе львовскихъ рукопи-

сей. Потребность въ такомъ обзорѣ чувствовалась тѣмъ сильнѣе, что извѣстное сочиненіе моравянина Беды Дудива: „Archive im Königreiche Galizien und Lodomerien, W. 1868, с. 222 — по отношенію къ русскимъ матерьяламъ было — менѣе чѣмъ неудовл. творительно.

сс) А. Е. Викторъ: Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ, 1584 — 1725, вып. I. М. 1877, 8', с. 376. Превосходный библиографико-археологическій трудъ. Первый томъ заключаетъ книги и дѣла Казеннаго Приказа, Государевой и Царицыной мастерскихъ Палатъ.

тт) О. Успенскій: О нѣкоторыхъ Славянскихъ писанныхъ рукописяхъ, хранящихся въ Лондонѣ и Оксфордѣ“, Журн. Мин. Нар. Пр. 1878, т. СХ—СІХ (№ 9) с. 1—21 и т. СС (№ 10) с. 63—94. Рукописи — южно-славянскія болѣе важны по историческимъ припискамъ и изображеніямъ, чѣмъ въ отношеніи филологическомъ или литературномъ.

уу) Гер Иларій и Арсеній: Описаніе славянскихъ рукописей бібліотеки Свято-троицкой Сергіевой Лавры въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древ. 1878, к. 2, 4; 1879, кв. 2; и отдѣльно, М. 1878—9, с. XIX+352; П, ib. 240, Ш, ib. 267+44.

Описаніе перечневое, по статьямъ, обстоятельно; но пока безъ выдержекъ.

фф) А. О. Бычковъ: Описаніе славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Императорской Публичной бібліотеки. Сиб. 1878; 8. въ первомъ выпускѣ стр. 176.

Давно ожидаемый, образцовый трудъ, притомъ той части древне-русской письменности, которая представляетъ наибольшій интересъ. Все важное, интересное и новое въ отношеніи литературномъ и историческомъ извлечено. Есть и историческія объясненія и указанія.

хх) (Шерфировъ) Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ бібліотекѣ Казанской Духов-

ной Академіи, Казань 1879 8° с. XIV? и при „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1878—9.

Описаніе обстоятельное, съ выдержками и историко-литературными разысканіями и указаніями. Въ предисловіи — краткая исторія бібліотеки.

щ) Д. Прозоровскій: Опись древнихъ рукописей, хранящихся въ Музеѣ русскаго Археологическаго Общества“, Спб. 1879, 8°, стр. 307.

Главную часть книги занимаетъ описаніе актовъ и дѣловыхъ бумагъ съ подробными извлеченіями. Особенно важныхъ по старинѣ или содержанію рукописей — очень немного. „Опись не бібліографическаго характера.

ч) Кн. Вяземскаго: Обзоръ Московскихъ книгохранилищъ (П Приложение къ протоколу Засѣданія Общ. Любителей Древней письменности, 10 Ноября 1877), Спб. 1877 с. 18—Заносится мною здѣсь единственно полноты ради: это — замѣтки диллента — туриста...

35. Въ эту краткую „лѣтопись“ бібліографическихъ трудовъ по рукописямъ⁸¹⁾ я не внесъ ни описаній рукописей и памятниковъ отдѣльных, ни нѣкоторыхъ рукописныхъ приобретений Императорской Публичной бібліотеки и Румянцовскаго Музея: первые будутъ указаны — далѣе, каждое въ своемъ мѣстѣ; о вторыхъ — можно найти свѣдѣнія въ годовыхъ „Отчетахъ“ этихъ учреждений, и притомъ — почти въ каждомъ Отчетѣ⁸¹⁾.

Не смотря на то, что многія важныя собранія — рукописей еще не описаны — или, по крайней мѣрѣ, описанія ихъ не изданы (Биб. Моск. Духовной Академіи, С.-Петербургской Духовной Академіи, Московской Синодальной типографіи, Погодинскаго древне-хранилища, Общества любителей духовнаго просвѣщенія въ Москвѣ, Чудова монастыря и т. д.), что другія описаны не вполнѣ или только отчасти (собранія Императорской Публичной бібліотеки, Синодальной бібліотеки, гр. А. С. Уварова, Академіи Наукъ), нельзя — кажется — отечественную манускриптологию

упрекнуть въ застоѣ: многое еще остается сдѣлать не потому, чтобъ было мало сдѣлано, а потому, что жатва вообще очень обильна и требуетъ работы многихъ поколѣній.

⁸⁰⁾ Даемъ здѣсь мѣсто прерванному выше (Ст. 25, пр. 57.) перечню библиографическихъ работъ по старопечатнымъ книгамъ:

а) В. Ундольскій: „Каталогъ славяно-русскихъ книгъ церковной печати, библиотеки Ка-стерина“ въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древ. 1848, № 9, смѣсь I—VIII + 97—141; отсюда этотъ Каталогъ отпечатанъ въ двухъ видахъ: а) обыкновенномъ in 8°, М. 1848, стр. 50 и in 18', *ibid.* XVI, с. 199. Последнее изданіе очень рѣдко.

б) И. П. Сахаровъ: Обзоръ славяно-русской библиографіи. Томъ первый, книга вторая Спб 1849, бол. 4°, стр. 184. Описано 575 №, кон. 1655 г.—Продолженіе труда въ собственноручной бѣловой рукописи автора, № 576—824 по 1683 г.—въ моей библиотекѣ.

в) М. А. Максимовичъ: „Книжная Стари-на южно-русская“. Три статьи: 1-ая во Временикѣ Об. Ис. и Др. к. I, 1849, ст. 1—12, 2 я *ib.* кн. 3, с. 1—12; 3-я въ „Кіевлянинѣ“ кн. 3, М. 1850, с. 117—138. Прекрасное библиографическое обзоръ, впрочемъ—не хронологическое, а въ видѣ отрывочныхъ замѣтокъ.

г) Каратаевъ: Хронологическая Роспись славянскихъ книгъ, напечат. кирилловскими буквами. 1491—1730. Спб. 1861, и 16', стр. XIX+227.

д) Ундольскій: Очеркъ Славяно-русской библиографіи, съ дополнен. А. Θ. Бычкова и А. Викторова. М. 1871, 8°, III+388 стр.

Издание замѣчательное по своду библиографических указаний и относительно своей полнотѣ.

е) Барсуковъ: Списокъ книгъ церковной печати библиотеки Св. Синода. Спб. 1871, in 16°, с. 69.

ж) Каратаевъ: Библиографическія замѣтки о старославянскихъ печатныхъ изданіяхъ 1491—1730. Спб. 1872, in 16', стр. 54. Брошюра полемиическая, specimen rarities bibliographicae!

з) Головацкій: Дополненіе къ „Очерку славяно-русской библиографіи Ундольскаго“ въ Сборникѣ стат. II От. Ак. Н. т. XI, № 5, Спб. 1874, с. 96. Много лишняго.

и) Голубевъ: Библиографическія замѣтки о нѣкоторыхъ старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ, преимущественно конца XVI—XVII с. Кіевъ, 1876, 8°, 80 с. изъ „Трудовъ Кіев. Духов. Акад. 1876, № 1 и 2. Трудикъ чистенько сдѣланный!

к) Влєнєвїй: Опись церковно-богослужбныхъ книгъ, принадлежащихъ Комитету Описанія Подольской епархіи. Кам - Подольскъ 1876, 8°, стр. 14 (отд. отт. изъ Подольскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей).

л) Каратаевъ: Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ Кирилловскими буквами. 1491—1730, Спб. 1878, 8" с. VI+280+III - въ первомъ выпускѣ.

Описаніе обстоятельное, съ выписками изъ „предисловія“, „послѣловія“ и самаго текста стар. книгъ. Литературная и библиографическая исторія каждой книги представлена полно и отчетливо. Хотя описаніе сіе и не дѣлаетъ изъ лишнимъ предыдущихъ трудовъ, въ особенности трудовъ Строева, но оно самое полное и важное

изъ всего появившагося въ сей области въ послѣднее время.

м) Родословія: „Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ рѣдкихъ экземплярахъ церковно-славянскихъ книгъ, хранящихся въ Библиот. С.-Петербур. Духовной Академіи“ въ „Христіанскомъ Читеніи“ 1879, Май—Іюнь, стр. 780—806. Іюль—Августъ, с. 223—244.

Книги—XVII вѣка. Статья — дѣльная, съ историко—литературнымъ и историко—художественными выдержками. Особенно подробно и обстоятельно описана книга: „Ученіе и хитрость ратнаго строенія. М. 1647.

⁸¹⁾ См. напр. Отчетъ Импер. Публичной библиотеки за 1874, стр. 109 sq. Отчетъ за 1875 г. с. 49 и слѣд. за 1876, стр. 27—100 и Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ за 1867—69, М. 1871, с. 24 слѣд. и Отчетъ за 1870—72, М. 1873, с. 25 sq., 39 sq. 61 sq.; Отчетъ за 1873—75 г. М. 1877, стр. 7 sq., 15 sq., 41 sq., 45 sq., 51 sq.

36. Вмѣстѣ съ разборомъ и приведеніемъ въ извѣстность рукописей шло и изданіе самихъ памятниковъ. О нѣкоторыхъ я уже упоминалъ выше (ст. 25, 28, 30, 31 и др.). Здѣсь умѣстно будетъ назвать еще: изданіе гр. Костомарова и Пыпина, выходившее въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „Памятники старинной русской литературы“ Спб. 1860—2, 4 т. и содержащее въ себѣ богатый запасъ произведеній повѣствовательной и отреченной литературы. Къ сожалѣнію — приемы изданія не могутъ быть во всемъ названы безукоризненными; ⁸²⁾ изданіе гр. А. С. Уварова, подъ заглавіемъ: „Рукописи гр. Уварова, т. II, вып. 1., Спб. 1858, заключающее въ себѣ произведенія Кирилла Туров-

скаго, изд. подъ редак. проф. Сухомянова; „Памятники отреченной литературы“, изд. Н. С. Тихонравовымъ, Спб. и М. 1863, 2 т.—образцовое изданіе: „Памятники русской литературы XII и XIII в. издан. В. Яковлевымъ (и Праховымъ) Спб. 1872,—собственно — Патерикъ печерскій; „Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи“, изд. А. Н. Поповъ, М. 1869; наконецъ — „Историческая Христомація Церковно-Славянскаго и древне-русскаго языковъ“, сост. пр. Ѳ. И. Буславымъ, М. 1861,—очень важный сборникъ, содержащій въ себѣ, между многими уже известными текстами, множество такихъ, которые доколѣ были неизданы. Они напечатаны съ удержаніемъ всѣхъ особенностей древняго правописанія и снабжены многими историко-литературными и грамматическими объясненіями.

⁸²⁾ См. рец. Н. А. Л. (Ларовскаго) въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1862, № 9 и 10.

37. Успѣхи въ разборѣ и ознакомленіи съ рукописной стариной—не могли не отразиться на успѣхахъ науки славяно-русской палеографіи.

Выше обозрѣвая труды по описанію рукописей, я отмѣтилъ, что при нѣкоторыхъ библиографическихъ описаніяхъ—прилагались и палеографическіе снимки съ рукописей, иногда въ значительномъ количествѣ и исполненные очень удовлетворительно. Тоже находимъ и при изданіяхъ отдѣльныхъ памятниковъ и при нѣкоторыхъ особыхъ трудахъ историко-филологическаго характера: такъ снимками съ рукописей снабжены нѣкоторыя румянцевскія изданія, изданія Общества Исторіи и Древностей, Археографической Коммиссіи, Академіи Наукъ, С.-Петербург. и Московскаго Археологическихъ Обществъ, „Христіанскія Древности“ г. Прохорова, соч. Бодянскаго о времени происхожденія славянскихъ письменъ М. 1855, „Описаніе Архива старыхъ дѣлъ“ Иванова 1850, „Достопамятности Москвы“ К. Тро-

монина М. 1843—5, и мн. др. Были попытки въ точномъ снимкѣ передать всю рукопись, или по крайней мѣрѣ цѣльный памятникъ, въ ней заключающійся, таковы: „Сказаніе о св. Борисѣ и Глѣбѣ“ Спб. 1860 изд. Срезневскимъ; „Туровское Евангеліе XI в.“ В. 1868; „Псковская Судная грамота, изд. Мурзакевичемъ, Од. 1868; „Житіе Сергія, пр. чуд. Радонежскаго“, въ листъ, 1853; „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ по Лаврентьевскому списку. Спб. 1872, „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ по Ипатскому списку, Спб. 1871, „Новгородская Лѣтопись“ по синодальному Харатейному списку. Спб. 1875, „Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригю и ганзейскими городами“, Спб. 1857 и нѣк. друг.

Движеніе палеографической науки не ограничилось, однако изданіемъ такого рода сырыхъ матерьяловъ; были предпринимаемы и болѣе систематическіе опыты, въ которыхъ постепенное измѣненіе письма съ XI по XVII в. представлялось хронологически цѣлымъ рядомъ характерныхъ снимковъ, были попытки „сводныхъ“ алфавитовъ и рассмотрѣнія нѣкоторыхъ частныхъ палеографическихъ вопросовъ.—Перечтемъ все въ строгомъ смыслѣ сюда относящееся. Послѣ указанныхъ (ст. 14, 19) „Палеографическихъ таблицъ (числомъ пяти) почерковъ, приложенныхъ къ IV ч. „Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ“ и „Палеографическихъ таблицъ почерковъ съ XI по XVIII в. (числомъ 12)“ приложенныхъ къ описанію славяно-русскихъ рукописей гр. Э. А. Толстова — представляющихъ первыя слабыя попытки систематическаго подбора матерьяла — появились:

а) „Образцы славянскаго древлеписанія, изд. пр. Погранинымъ“ 2 тетради М. 1840—41, т. 4^о, заключающія въ себѣ сорокъ четыре превосходныхъ снимка, исполненныхъ художникомъ Тромонинымъ.

б) „Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ почерковъ древняго и новаго письма разныхъ періодовъ време-

ни“ былъ изданъ П. Ивановымъ въ 1844, in 4°, с. 16+34+102 таб. Кромѣ „Историческаго взгляда на развитіе славяно-русской письменности и словесности“, взятаго почти цѣликомъ изъ „Разсужденія“ Востокова о славянскомъ языкѣ, — здѣсь помѣщены дипломатическія „объясненія содержанія снимковъ съ древнихъ актовъ“, и чтенія нѣкоторыхъ грамотъ и разныя замѣчанія, впрочемъ независимыя. Снимки исполнены вообще неудовлетворительно.

в) Сборникъ снимковъ судебного письма, съ XII по XVIII в., составленный И. П. Сахаровымъ въ сороковыхъ годахъ — числомъ 27 таблицъ, въ свѣтъ неизданъ. Только немногіе снимки исполнены удовлетворительно. Экземпляры полные: въ библиот. П. И. Савваитова и моей.

г) „Собраніе палеографическихъ снимковъ съ славянскихъ рукописей XI—XVII в.“ принадлежавшихъ библиотекамъ: Троицкой Лавры, Московской Духовной Академіи, Московской синодальной, Обществ. Исторіи и Древностей, Новоіерусалимской и др., сост. еще въ 1850-хъ годахъ В. М. Ундольскимъ. Въ свѣтъ доселѣ не выпущено. Число снимковъ по нашему экземпляру 86. Большинство снимковъ исполнено очень вѣрно. Выборъ и ѣ — выборъ знатока своего дѣла. По плану собирателя эти снимки должны были служить „приложеніемъ“ къ обширному „Опыту палеографіи“, труду, — начало котораго и отрывочные матерьялы найдены въ бумагахъ нашего бібліографа.

д) Ѡ. И. Буславевъ: „Палеографическіе и филологическіе матерьялы для исторіи письменъ славянскихъ, собраныя изъ XV рукописей Московской Синодальной бібліотеки, съ приложеніемъ 22 снимковъ, литогр. Іон. Шелковниковымъ. f. (см. выше, ст. 34, и), 4 снимка съ греческихъ рукописей VII—XI в. 15 снимковъ со славянскихъ рукописей XI—XVI в., 2 снимка съ заглавныхъ буквъ рукописей и 1 снимокъ — со строчныхъ буквъ

(азбука) и сокращеній“. Снимки исполнены превосходно, во многих случаях лучше чѣмъ оригиналь!

е) Савва еп. „Палеографическіе снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей Московской Синодальной библиотеки“ VI—XVII в. М. 1863, in 4° (есть нѣсколько экзempl. въ листь. какъ въ моей библиотекѣ) л. V—46 +19 таб. греч. +47—славянскихъ XIII таб. „Дополненій“, гдѣ между прочимъ помѣщены греческія сокращенія и сводныя азбуки, греческія и славянскія. Объясненія къ снимкамъ, откуда, изъ какой рукописи каждый взять—очень кратки. Исполненіе снимковъ—вообще удовлетворительное. Трудъ—весьма важный. См. мою рецензію въ Спб. Вѣдом. 1863, № 72.

ж) И. И. Срезневскій. „Древніе памятники русскаго языка и письма (X—XIV в.). Приложение: Снимки съ памятниковъ“. Спб. 1866, 4°, 40 листовъ снимковъ. Какъ въ отношеніи подбора, такъ и въ отношеніи вѣрности—изданіе образцовое. Палеографическихъ разъясненій и общихъ сводовъ нѣтъ: ихъ конечно, авторъ берегалъ для своей полной „славяно-русской палеографіи“.

Кромѣ такихъ болѣе или менѣе важныхъ и значительныхъ, систематико-палеографическихъ собраній,—есть не мало трудовъ и по отдѣльнымъ вопросамъ славяно-русской палеографіи; такъ помимо вышеуказанныхъ сводныхъ алфавитовъ еп. Саввы—извѣстны еще:

а) сводный алфавитъ изъ русскихъ грамотъ XII—XV вв. сост. Делевелемъ и напеч. при его статьѣ „o dyplomacyce ruskiej“ въ Dziennik Warszawski, 1826, № 19 (переп. въ его „Polska“ etc. t. V. Poz. 1863, t. 391—415

б) Кёрп'ен'а: „Die slawisch-russische Schrift v. XI b. z. XV Jahrhundert,“ 1 палеографическая таблица съ объяснительною статьею: „Erläuterungen zur paläographischen Tabelle der slawisch-russischen Schrift“ въ Bulletin historico-philolog. de l'Académie de sciences,

t. V, 1848 № 3, sq, 33—48 и отдѣльно. Сводный алфавитъ — достовѣрный, взятый съ рукописей съ хронологическими датами.

з) (Г. В. Есипова) Азбука и скоропись XVII в. для нагляднаго изученія. М. 1875, 8° obl. IV нenum. + 60 стр. Кромѣ азбуки здѣсь помѣщены снимки отдѣльных словъ, цифръ, старинныхъ грамотъ, объясненія и чтенія отдѣльных словъ и снимковъ. Цѣль изданія — практическая.

Весьма важный вопросъ о книжномъ дѣлѣ въ древней Руси, т. е. обо всѣхъ отдѣльныхъ статьяхъ и предметахъ, относившихся къ списыванію книгъ — разсмотрѣвъ г. Срезневскимъ въ особомъ сочиненіи: „Древнія русскія книги. Палеографическій очеркъ. Спб. 1864, 4°, с. 40. Отд. оттискъ изъ журнала Прохорова „Христіанскія древности“ 1864, № 2 с. 15—36 и № 3, с. 57—72. Сюда же по собранію нѣкоторыхъ данныхъ принадлежитъ и статья: „Списываніе книгъ въ древнія времена Россіи“ въ Православн. Собесѣдн. 1862, ч. I, с. 131—171, 350—368, хотя ни историческіе приемы автора ея, ни его способъ изложенія не заслуживаютъ одобренія по отсутствію системы и излишнему многословію,

Проточные, заводскіе знаки на бумагѣ — нерѣдко служили къ тому, чтобы опредѣлять вѣкъ рукописи. Палеографически-научное значеніе сихъ знаковъ было ясно обозначено русскимъ палеографомъ — практикомъ, вологодскимъ купцомъ И. Лаптевымъ, издавшимъ въ 1824 собраніе сихъ знаковъ (Опытъ въ старинной русской дипломатіиѣ или способъ узнавать на бумагѣ время, въ которое писаны старинныя рукописи. Спб. 4° 11 стр. + 28 таб.). Извѣстный въ свое время художникъ-археологъ Кор. Тромонинъ въ 1844 году издалъ цѣлую книгу ихъ подъ заглавіемъ: „Изъясненіе знаковъ видимыхъ на писчей бумагѣ, посредствомъ которыхъ можно узнавать, когда написаны или на-

печатаны какія либо книги, грамоты, рисунки, картинки и другія старинныя и не старинныя дѣла, на которыхъ не-означено годовъ. М. 1844, 4, стр. 22 (?) и СХХХ л. снимковъ. Только XVI таблицъ занято знаками, взятыми съ французскаго изданія Jansen'a. остальные—съ рукописей и старопечатныхъ книгъ русскихъ ⁸³).

Отношеніе старославянскаго письма къ греческому, иначе—происхожденіе Кириллицы, а равно Глаголицы было предметомъ нѣсколькихъ остроумныхъ и важныхъ замѣчаній И. И. Срезневскаго, Григоровича и Лавровскаго см. ст. „Палеографическія замѣтки“ Срезневскаго въ Извѣст. П отд. Ак. Наукъ 1860, т. IX, стр. 161 6 и труды перваго Археологич. съѣзда въ Москвѣ, М. 1871, 4°, I, с. СХV—СХХIV, см. также Григоровича „Замѣтки о Солунѣ и Корсулѣ“ Од. 1872, с. 8—10.

Системы старорусскаго правописанія послужили также предметомъ особой записки И. И. Срезневскаго: „О русскомъ правописаніи. Письмо первое“. Спб. 1867, стр. 32 отд. отт. изъ Журн. Мин. Нар. Пр. 1867, г. СХХХIV, с. 449—480.

Системы криптографіи или старо-русскаго тайнописанія были разсмотрѣны П. А. Лавровскимъ въ ст. „Старорусское тайнописаніе“ М. 1870, 4', 27. отд. отт. изъ III т. Трудовъ Москов. Археологическаго Общества, стр. 29—55, и И. И. Срезневскимъ въ статьѣ „Замѣчанія о русскомъ тайнописаніи“ (дополненіе къ предыд. статьѣ) Спб. 1871, 8", с. 10 и въ „Сборникѣ статей“, читанныхъ въ П отд. Акад. Наукъ, т. VIII, Спб. 1872 с. XXIV—XXXI ⁸⁴)

Палеографическихъ трудовъ общаго, цѣльнаго характера—въ русской наукѣ, пока, не существуетъ, развѣ можно признать таковыми „Матерьялы для славянской палеографіи,“ извлеченные А. Н. Пыпинимъ изъ Востокскаго описанія Румянцовскаго „Музея“ въ „Ученыхъ Запискахъ П отд. Ак. Н. в. П., 1856, вып. II, с. 3—58 и въ

„Филологическихъ наблюденійхъ“ Востокова, Спб. 1865, с. 79—134, но это только—начало дѣла ⁸³⁾).

⁸³⁾ Заводскіе проточныя знаки на бумагѣ еще имѣютъ и тотъ интересъ, что ясно указываютъ, откуда старая Русь получала бумагу и какинъ путемъ. См. въ этомъ отношеніи интересный сборникъ „знаковъ“, помѣщенный въ изданіи Luchsá: Schlesiens Vorzeit in Bild und Schrift“ за 1866 годъ Bres. 4°, с. 49 s.

⁸⁴⁾ Сюда же должно отнести и ст. пок. А. Н. Попова: „Дипломатическая тайнопись временъ ц. Алексѣя Михайловича“ въ Запискахъ Имп. Археол. Общ. т. V, Спб. 1853, с. 152—6 и тамъ же въ „Перечнѣ Засѣданій“ 117—124.

⁸⁵⁾ Подробности о всѣхъ изданіяхъ палеографическаго характера, а равно и о ходѣ этой науки въ Россіи и у западныхъ Славянъ—можно найти въ статьѣ И. И. Срезневскаго „Обзоръ матерьяловъ для изученія славяно-русской палеографіи“ въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1867, № 1, стр. 76—115 и отдѣльно. Я ограничился только тѣмъ, что строго-спеціально относилось къ предмету. Статья г. Срезневскаго подъ заглавіемъ: „Палеографическія изслѣдованія памятниковъ русской древности“, помѣщ. въ „Извѣстіяхъ II отд. Ак. Н. т. VI, с. 257—275, —есть, такъ сказать, первая редакція вышеназваннаго „Обзора“.

38. Успѣхи въ изученіи рукописей, а равно и успѣхи филологической науки отозвались и на способѣ изданія памятниковъ. Не вполнѣ отвѣчающими требованіями науки признаны: а) изданіе памятниковъ по отдѣльному малосправному списку при существованіи другихъ, гораздо болѣе исправныхъ (таковы отчасти „Памятники ста-

ринной, русской литературы, изд. гр. Кушелевымъ-Безбородко 4 тома Спб. 1860—2); б) издание памятника, составленнаго выборкою отдѣльных мѣстъ изъ многихъ списковъ (таково издание Даниила Паломника г. Норова); г) изданія отдѣльных списковъ одного и того же мало чѣмъ между собою разнящихся, (Рукописи гр. А. С. Уварова. Спб. 1858, „Житіе Кирилла и Меѳодія“, изд. Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ“ и др.); д), издание вариантовъ отдѣльно отъ текста (т. е. нѣкоторыя изданія пр. Бодянского въ „Чтеніяхъ“, напр. Житіе Θεодосія, Бориса и Глѣба)... „Подлинникъ необходимо издавать, какъ онъ есть, взявъ въ основной текстъ древнѣйшій или исправнѣйшій списокъ; пропуски въ немъ должны быть дополнены по другимъ спискамъ, а равно и разночтенія; при чемъ всегда слѣдуетъ обозначать, изъ какого списка что взято. Также точно должны быть исправляемы по другимъ спискамъ — порча, ошибки, или описки писца въ основномъ спискѣ (всегда, однако, съ обозначеніемъ исправленій). Правписание и знаки прѣпинанія слѣдуетъ оставлять тѣже, что въ древнемъ текстѣ. „Все прибавляемое къ подлиннику должно ясно отдѣляться отъ подлинника, а подлинникъ долженъ быть данъ и въ изданіи такимъ, какъ онъ есть самъ въ себѣ“. Только на основаніи такихъ изданій (а ихъ въ русской наукѣ уже не мало) станутъ возможны изданія еще болѣе высшаго порядка, т. е. „чтенія“, изданія самаго подлинника, на сколько его можно возстановить съ помощью различныхъ списковъ и разныхъ соображеній. Это должна быть полная реставрація памятника, вѣнецъ филологической и палеографической критики! Есть въ русской наукѣ уже удачныя опыты подобныхъ реставрацій; но вообще онѣ — *ria desideria* науки.

Такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, многіе списки отличаются разными сколіями, осложненіями и прибавками, то — для историческихъ цѣлей умѣстнымъ должно признать изданія сводныя.

39. Историческій методъ изученія произведеній словесности имѣетъ своей задачей раскрыть въ нихъ начала исторической и духовной жизни извѣстнаго народа, его бытъ, образованность, нравы, образъ жизни, мысли и нравственныя стремленія, — словомъ весь сложный комплексъ его „нравственнаго бытія и дѣятельности“, какъ они выражаются въ произведеніяхъ слова и на сколько они возникаютъ подъ вліяніемъ послѣднихъ.

Начало историческаго изученія Русской Словесности, въ противоположность прежнему, эстетическому, ограниченному изученіемъ художественной стороны, и, конечно, немногихъ произведеній въ первый разъ ясно и твердо было внесено въ русскую науку Шевыревымъ: еще въ 1838 г. онъ задался задачей „слѣдить всю массу произведеній литературы нашей въ ея развитіи относительно къ тому, какъ въ нихъ отражалась жизнь Русскаго народа и государства“, а въ 1846 и 1860 гг., какъ мы видѣли (выше, ст. 27.) выполнилъ эту задачу въ довольно широкихъ размѣрахъ.. Хотя въ способахъ примѣненія историческаго начала къ изученію нѣкоторыхъ родовъ Словесности — Шевыревъ нѣрѣдко отступалъ отъ законовъ историческаго изслѣдованія и критики ³⁶), но все же за нимъ несомнѣнно останется заслуга постановки вопроса о важности историческаго изученія произведеній — нашей древней словесности и перваго широкаго опыта этого изученія.

Историческое изученіе произведеній Словесности предполагаетъ и необходимо требуетъ:

а) изслѣдованія происхожденія памятниковъ, т. е. степени ихъ самобытности,

б) изслѣдованія историко-литературнаго содержанія и значенія ихъ.

Объ эти задачи не остались уже безъ посильныхъ отвѣтовъ въ русской наукѣ.

ad а) Мысль о необходимости изученія произведеній древней русской словесности въ связи съ византійскими

источниками или образцами должна была явиться естественно, какъ слѣдствіе простаго внязанія въ характеръ древнерусской образованности и письменности. Можно замѣтить присутствіе этой мысли въ нашей наукѣ еще въ 1820—30-хъ годахъ, но до выхода въ свѣтъ Восточовскаго „Описанія рукописей Румянцевскаго Музея“—она принадлежала вполнѣ ad pia desideria. Съ этого времени мысль эта становится однимъ изъ принципиальныхъ условій науки исторіи древней русской словесности. Хотя быстрымъ успѣхамъ подобнаго рода изслѣдованій много препятствуетъ слабое развитіе византійскихъ занятій у насъ и на западѣ, а равнымъ образомъ—неизвѣстность и недоступность многихъ византійскихъ источниковъ, но уже нѣкоторое количество византійскихъ источниковъ нашей древней письменности опредѣлено обстоятельно. Есть даже и подробныя сличенія... Правда, по вѣрному замѣчанію г. Срезневскаго, остается еще нерѣшеннымъ: а) „что именно изъ отмѣченнаго въ спискахъ именами извѣстныхъ греческихъ писателей можно считать переведеннымъ, а не передѣланнымъ, или не изъ головы написаннымъ, только подъ чужимъ именемъ; б) что именно изъ отмѣченнаго именами нашихъ писателей ими и написано, а не переведено, или передѣлано ими или кѣмъ нибудь другимъ; в) что именно изъ безыменныхъ произведений должно стать въ ряду переводовъ или въ ряду сочиненій и какихъ именно писателей, по крайней мѣрѣ—какаго именно времени“...⁸⁷⁾, но вообще едва-ли можно утверждать, что византійскій элементъ нашей древней письменности—не привлекаетъ должнаго вниманія въ русской наукѣ: причина, почему изслѣдованія этого рода идутъ очень медленно, заключается, конечно, въ трудности дѣла, гдѣ нѣтъ иногда даже необходимыхъ элементарныхъ пособій.. Не то приходится сказать объ элементѣ западномъ, т. е. объ изученіи произведеній русской словесности сравнительно съ западными ея источниками или съ однородными произведеніями европейской литературы... Здѣсь мы

находимъ только одни начинанія, иногда блестящія, рѣшительныя, но все же рѣшительныя только для нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ науки, а не для цѣлыхъ отдѣловъ ея⁸⁸⁾ Кажется даже, что самая мысль о сравнительномъ изученіи русскихъ произведеній съ западными—сознана не всѣми,—по крайней мѣрѣ она далеко не имѣетъ того авторитета и признанія, какъ мысль о важности византийскаго элемента.. Но не распространяясь о томъ, что многіе роды произведеній древней русской словесности стоятъ въ прямыхъ, генетическихъ связяхъ и отношеніяхъ къ произведеніямъ западной литературы, а потому необходимо требуютъ совмѣстнаго, сравнительнаго разсмотрѣнія, не говоря также и о томъ, что въ западной, болѣе богатой литературѣ нерѣдко живѣе и полнѣе сохраняются слѣды недошедшихъ источниковъ, общихъ какъ нашимъ сказаніямъ, такъ и западнымъ,—не могу, однако, не замѣтить здѣсь,

ad б) что даже общій приемъ изученія литературныхъ памятниковъ сравнительно съ однородными произведеніями литературы западной есть—приемъ въ высокой степени плодотворный; ибо чрезъ него почти всегда историческое и литературное значеніе нашихъ памятниковъ освѣщается совершенно новымъ и неожиданнымъ свѣтомъ: характерныя черты эпохъ и народностей тогда выступаютъ яснѣе, свои образы отдѣляются рельефнѣе, ближе входимъ въ исторію времени,, а потому научаешься глубже понимать и вѣрнѣе цѣнить ее... Нельзя сказать, чтобы русская наука была богата изслѣдованіями въ этомъ отношеніи, но нѣкоторые монографіи гг. Буслаева и Веселовскаго 1-го не оставляютъ сомнѣнія, что приложеніе сравнительнаго метода къ разработкѣ исторіи русской литературы—приводитъ къ очень важнымъ и замѣчательнымъ результатамъ.—Далѣе.... единая по языку, но разрозненная на области въ политическомъ и гражданскомъ отношеніи—Русь въ первые вѣка своей исторической жизни не могла, конечно, во многихъ случаяхъ дать произведеній общерусской словесно-

сти: лѣтопись, сказанія поэтическія и религіозныя—отмѣчены характеромъ мѣстнымъ, областнымъ: кіевскимъ, новгородскимъ, муромскимъ, владимірско-суздальскимъ и т. д. Этотъ этнографическій, мѣстный характеръ нѣкоторыхъ родовъ произведеній древне-русской письменности, историко-литературная важность его—впервые отмѣченъ и внесены въ науку проф. Буславевымъ: онъ съ успѣхомъ пытался приложить это начало къ разбору нѣкоторыхъ сказаній религіозно-историческаго характера ⁸⁶⁾, но, къ сожалѣнію, важныя замѣчанія его въ этомъ отношеніи встрѣтили въ ученой литературѣ довольно слабый откликъ, б. м. потому, что были высказаны въ нѣсколько исключительной, аподиктической формѣ общаго принципа, распространяющагося на всю сферу словесныхъ произведеній древней-Руси, тогда какъ далеко не всѣ они отмѣчены рѣзкимъ областнымъ характеромъ. Вообще говоря, поставленная въ надлежащія границы, мысль объ изученіи произведеній русской литературы по областямъ—является и вѣрною и плодотворною, но въ томъ видѣ, какъ она иногда высказывалась ⁸⁷⁾, она—не только—крайность, но даже отрицаетъ въ принципѣ всякую идею объ исторіи древней русской словесности.

⁸⁶⁾ См. Объ этомъ замѣчанія пр. Буславева въ книгѣ: „Историческіе Очерки русс. народной литературы и искусства. Т. II, Спб. 1861, стр. 156 sq.

⁸⁷⁾ Ст. И. И. Срезневскаго: „Работы по древнимъ памятникамъ языка и словесности“, Журн. Мин. Народ. Пр. 1875, № 3, с. 37.

⁸⁸⁾ Въ нашей наукѣ имѣется только одинъ трудъ Н. И. Петрова, подробно осматривающій вопросъ „о вліяніи западно-европейской литературы на русскую“, въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи 1872, № 4, с. 3—66;

№ 6, с. 463—544 и № 8, с. 705—779. Къ сожалѣнiю, на ряду съ дѣльными замѣчаниями, иногда даже повыми, мы находимъ въ статьѣ очень много „заимствованiй на вѣру“ изъ ходячихъ учебниковъ, которые сами черпали изъ вторыхъ рукъ или вообще мутныхъ источниковъ. Авторъ не отступаетъ предъ уважительными заимствованиями изъ „Очерка поэзи“ Милюкова, „Исторiи русской литературы“ и „Очерковъ“ г. Кирпичникова, „Исторiи русской словесности“ г. Галахова и т. д. — какъ будто эти компиляци могутъ замѣнить источники и вообще имѣютъ какое нибудь ученое значенiе, кромѣ, разумѣется, новаго перiода въ книгѣ Галахова.

⁸⁹⁾ „Историческiе очерки русс. народн. словесности“ т. II Спб. 1861, с. 108, слѣд. „Дѣтописи русской литер. и древности“ т. III, кн. 6, стр. 64—88 и томъ IV. 1862, с. 3—24.

⁹⁰⁾ И. С. Некрасова: „О современныхъ задачахъ изученiя древне-русской литературы“, Одесса 1869, с. 15—16.

40. Назовемъ въ заключенiе тѣ труды общаго характера, которые появились въ послѣднее время и представляютъ самостоятельныя попытки свести въ одно цѣлое разнообразныя отдѣльныя изслѣдованiя. Важнѣйшiе изъ этихъ трудовъ:

а) Пр. О. О. Миллера: „Опытъ историческаго обзорѣнiя русской словесности“. ч. I, вып. 1, отъ древнѣйшихъ временъ до татарщины, изд. 2-е Спб. 1865, стр. 407+25. Пр. Миллеръ старался внести въ исторiю русской словесности результаты, добытые наукой русской бытовою древности и изслѣдованiями по различнымъ отдѣламъ русской народной поэзи. Этому посвящена — первая, важнѣйшая часть книги. Вторая представляетъ обзорѣнiе про-

изведеній литературы и письменности съ XI в. по XIII; между ними, впрочемъ, помѣщены и стихи Каликъ переходящихъ. Хотя трудъ г. Миллера представляетъ своды и выводы изъ отдѣльныхъ изслѣдованій другихъ ученыхъ, но какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ онъ содержитъ въ себѣ столько новыхъ, самостоятельныхъ разысканій, замѣтокъ и оригинальныхъ соображеній, что въ полной мѣрѣ можетъ быть названъ трудомъ самостоятельнымъ, независимымъ. Есть цѣлыя страницы, посвященныя сравнительно — историческимъ изслѣдованіямъ и сопоставленіямъ. Литературныя характеристики, почти всегда мѣткія и образныя страдаютъ, однако же, отсутствіемъ строго выдержаннаго историческаго взгляда: современныя идеи (славянофильскія) опредѣляютъ симпатіи и антипатіи автора, постоянно влекутъ его въ сферу лиризма, къ защитамъ, оправданіямъ — одного, обвиненіямъ — другого, — къ открытію того, что излюбленное чувство и мысль желали бы найти въ литературныхъ произведеніяхъ. Впрочемъ, этотъ недостатокъ книги — вовсе не таковъ, чтобы помѣшать ей занять серьезное мѣсто въ исторіи науки. Трудъ г. Миллера вообще — скажемъ — достоинъ полнаго признанія и, не пренебрегай онъ ученымъ библиографическимъ элементомъ, онъ былъ бы въ фактическомъ отношеніи стольже безукоризненъ, какъ и въ отношеніи добросовѣстности обработки.

б) Пр. И. Порфирьева: „Исторія русской Словесности“, ч. I. древній періодъ: устная народная и книжная словесность до Петра Великаго, изд. 2. Каз. 1876, 689 с. Пр. Порфирьевымъ также приняты въ расчетъ все успѣхи науки исторіи русской словесности за прежнее и ближайшее къ намъ время, но приняты самостоятельно, по повѣренію ихъ самими памятниками; потому трудъ его имѣетъ достоинства добросовѣстнаго свода наличнаго содержанія науки. Съ этою цѣлью соединяется другая, педагогическая: книга назначена служить учебникомъ, а отсюда — частныя извлеченія изъ памятниковъ, которыя всему труду даютъ

известный хрестоматический характер. Способъ изложения по идее — едва ли здесь можетъ быть названъ умѣстнымъ: говоря уже о томъ, что онъ ведетъ къ повторенію и въ некоторой дутаницѣ, — въ связанномъ историческомъ изложеніи — быть вообще причинъ строго держаться такой хронологіи: измѣненія жизни, вызывавшія измѣненія въ характерѣ и направленіи литературныхъ произведеній — совершались не во вѣкахъ, ограниченнымъ точною хронологіей, но независимо отъ нея, по періодамъ времени инымъ, определяемымъ числомъ вовсе не календарною, а причинами историческими, внутренними или внѣшними. Правда, хронологическій способъ изложения вноситъ въ предметъ внѣшній порядокъ, но это порядокъ — формальный, мертвенный, потому долженствующій остаться внѣ стройной науки. Иной вопросъ: „какой же принять порядокъ изложения?“ Отвѣчать на него едва ли должно иначе, какъ словами: „порядокъ историко-предметный“, т. е. удовлетворяющій и требованіямъ связаннаго историческаго (и отчасти — этнографическаго) изложения (хронологія не по вѣкамъ, а въ обширномъ смыслѣ), и внутренней связи предметовъ между собою, не дозволяющей разрывать ихъ только потому, что одни изъ нихъ появлялись въ одномъ вѣкѣ, а другіе въ другомъ. Помимо этого — на нашъ взглядъ — недостатка, — трудъ пр. Порфирьева долженъ быть признанъ вполне удовлетворительнымъ сводомъ данныхъ, относящихся къ исторіи русской словесности до времени Петра Великаго: съ нимъ, конечно, не выдержитъ сравненія ни одно изъ подобнаго рода сочиненій, имѣющихся въ русской наукѣ³⁾.

Къ трудамъ общаго характера, излагающимъ не столько факты, сколько выводы изъ нихъ — слѣдуетъ отнести и рядъ статей А. Н. Пыпина о сравнительно-историческомъ изученіи древняго и средняго періода русской литературы и образованности⁴⁾. Это — весьма хорошая, съ знаніемъ дѣла исполненная попытка осмотрѣть содержаніе древней русской литературы и оцѣнить ея направленіе съ культур-

во-исторической точки зрѣнія. Установивъ принципы для общій взглядъ на предметъ, авторъ сначала разсматриваетъ этнологическія начала русской народности, затѣмъ общій вопросъ о вліяніи на нее византийской культуры, особенно въ древняго періода, состояніе въ немъ народности и образованности, общія черты средняго періода, національныя перемены и состояніе образования, потомъ — вѣстники вѣдьяныя и московское литературное объединеніе, наконецъ — состояніе народной поэзіи.

⁹¹⁾ „Исторія русской словесности древней и новой“ г. Галахова, Спб. 1868—75, I, с. X + 596 и II, с. IV + VII + 472 — сюда не принадлежитъ, ибо достоинства ея всё безраздѣльно относятся къ изложенію періода новой литературы, часть же „древняя“ не возвышается надъ степенью неудачной и запутанной компиляціи. Превосходный подробный разборъ книги г. Галахова сдѣланъ проф. Тихонравовымъ и помѣщенъ въ отчетѣ о девятнадцатомъ присужденіи Уваровскихъ наградъ, Спб. 1878, стр. 13—136, и отд. в. т. с. 124.

⁹²⁾ „О сравнительно-историческомъ изученіи русской литературы“, Вѣстникъ Европы, 1875, Октябрь, стр. 641—677; „Древній періодъ русской литературы и образованности“, *ibidem*, 1875, Ноябрь, с. 99—141; Декабрь, с. 655—698; 1876, Июнь, стр. 564—598; Сентябрь, 1876, с. 289—324; „Средніе вѣка русской литературы и образованности“, *ibid.* 1876, Ноябрь, с. 303—343; 1877, Февр. 684—736, Апрель, с. 704—748.

II.

Систематическое обозрѣніе.

1. Предварительныя статьи.

Прежде чѣмъ перейду къ обозрѣнію хода изученія произведеній древней русской письменности въ систематическомъ порядкѣ, по отдѣламъ—нахожу нужнымъ, въ поясненіе дальнѣйшаго, дать мѣсто нѣкоторымъ предварительнымъ статьямъ, разсматривающимъ:

а] ходъ изученія исторіи старо-славянскаго и русскаго языковъ, какъ основанія филологической и объяснительной критики памятниковъ письменности и

б] ходъ изученія вопроса о славянскомъ письмѣ.

A. Языкѣ.

41. Судьбы русскаго языка и письменности такъ тѣсно, можно сказать неразрывно—связаны съ судьбами языка и письменности старославянскихъ [=церковно-славянскихъ], что говоря о первыхъ, естественно и необходимо начать со вторыхъ, какъ старѣйшихъ, какъ ранѣе начавшихъ свою исторію.

Теоретическое изслѣдованіе [филологическое и сравнительное] языковъ старославянскаго, русскаго народнаго и литературнаго остаются для насъ здѣсь предметомъ второстепеннымъ: насъ занимаетъ преимущественно изслѣдованіе исторической ихъ стороны, т. е. исторія языка и основанная на ней филологическая критика. На филологическую [въ тѣсномъ значеніи] и сравнительную разработку древне-славянскаго и русскаго языковъ мы обра-

тимъ вниманіе лишь въ той мѣрѣ, въ какой онѣ важны для разъясненія ихъ историческаго движенія..

Исторія языка—недавняя отрасль языковѣднія не только у Славянъ, но и въ старой, богатой европейской наукѣ. Важнѣйшими изъ вопросовъ, входящихъ въ „исторію языка“ должно признать слѣдующіе:

а) Объ исторически-древнѣйшемъ строѣ языка въ звукахъ, формахъ, словообразованіи, словосочиненіи и лексиконѣ, а равно и объ этнографическомъ характерѣ языка или его народности;

б) о постепенномъ, историческомъ измѣненіи древняго языка въ звукахъ, формахъ, словообразованіи и словосочиненіи и лексиконѣ, зависящемъ какъ отъ его самостоятельной исторической и этнографической жизни, такъ и отъ вліянія на жизнь и языкъ иныхъ началъ, родственныхъ или чуждыхъ....

Такимъ образомъ въ исторіи языка спеціально принадлежать вопросы: о народности языка, о ходѣ историческаго измѣненія въ немъ внѣшняго, формальнаго и внутренняго, духовнаго и бытоваго, о его историческомъ лексиконѣ, объ областныхъ видоизмѣненіяхъ его, о стихіяхъ чужеземныхъ, въ него вошедшихъ.

ЯЗЫКЪ ДРЕВНЕ-СЛАВЯНСКІЙ.

Изслѣдованіе древне или церковно-славянскаго языка, а равно и попытки распознать его этнографическую принадлежность или народность—начинаются довольно рано: ихъ вызвала и практическая нужда имѣть и руководиться правилами языка при переводахъ священныхъ и отеческихъ писаній и самостоятельныхъ сочиненій, и потребности школы, и ученая пылливость, неволью увлекавшая людей, понявшихъ важность предмета—къ догадкамъ, соображеніямъ и изученію³³⁾. Но какъ ни любопытны и исторически важны попытки эти—онѣ всѣ были чужды строгаго историческаго изученія языка, и какъ въ изслѣдованіяхъ, такъ и въ об-

щихъ соображеніяхъ стояли на чисто теоретической почвѣ, шли отъ теоріи, блуждали въ произволъ „мнѣній“. Нѣкоторые слѣды историческаго изученія языка замѣчаются только у лексикографовъ XVII в. ³¹⁾, но, конечно, въ самой ограниченной степени и притомъ все-же съ словарно-практическими цѣлями. Такъ было до двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, когда почти одновременно появляются знаменитые труды Добровскаго и Востокова.

³²⁾ См. ст. В. И. Григоровича: „О трудахъ, касающихся древне-славянскаго языка до М. Смотрицкаго“, въ „Статьяхъ, касающ. древняго славянскаго языка“, Каз. 1852, с. 26—52; а также Каченовскаго: „Историческій взглядъ на грамматику Славянскихъ нарѣчій“, Труды Общ. Любит. Рос. Слов. 1817, ч. IX, к. 13, стр. 17—47; Вышнеградскаго: „О филологическихъ изслѣдованіяхъ церковно-словенскаго нарѣчія“, Спб. 1847, с. 1—63. Сюда же принадлежитъ и знаменитое сочиненіе Крижанича: „Грамматично извазаније об рускомъ језику“, изданное О. М. Бодянскимъ, въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древн. 1848, к. I, и 1859, к. III. Въ отношеніи теоріи и народности старославянскаго языка слѣдуетъ указать: Каченовскаго: „О славянскомъ и въ особенности о церковномъ языкѣ“, Труды Общ. Любит. Рос. Словенности, 1817, ч. VII, к. 11, с. 5—27; [По мнѣнію Каченовскаго коренной славянскій языкъ намъ неизвѣстенъ, а нынѣшній церковный нашъ языкъ есть старинное сербское нарѣчіе]; К. Калайдовича: „О древнемъ церковномъ языкѣ Славянскомъ“, Сочиненія въ прозѣ и стихахъ, Труды Общ. Люб. Росс. Слов. 1822, ч. II, к. IV, стр. 57—71, [по мнѣнію Калайдовича—

„языкъ сей былъ нѣкогда однимъ, общимъ у Моравовъ, Болгаръ, Сербовъ, Русскихъ и вѣроятно другихъ племенъ однородныхъ“]. Ср. также мнѣнія о семъ предметѣ у Бодянского, въ кн. „О времени происхожденія Славянскихъ писемъ“ М. 1855, стр. СП и слѣд.

⁹¹⁾ Лаврентія Зизанія „Лексисъ“, „приложенный къ его грамматикѣ словенской 1596 г. и „Лексиконъ Славяно-Россійскій“ Памвы Беринды, К. 1627, 4^о, с. 4+477; и въ Кут. мон. въ 1653 г. Оба Словаря перенечатаны у Сахарова въ „Сказаніяхъ рус. нар. т. II, Спб. 1849, с. 5—134 неисправно, съ выпусками текстовъ и историческихъ ссылокъ.

42. Знаменитая „Institutiones linguae slauicae”⁹²⁾ навсегда останутся книгою важною и необходимою для всѣхъ предающихся занятіямъ славянской филологіей: эта художественная „анатомія“ славянскаго языка, замѣчательная — по отчетливой строгости изслѣдованія, по внѣшней архитектурѣ и по многимъ частнымъ рѣшеніямъ (въ особенности тамъ, гдѣ дѣло идетъ о распредѣленіяхъ или классификаціяхъ), до сихъ поръ не отошла вполне въ прошедшую исторію, не утратила во многомъ современнаго значенія (тк. напр. глава о корняхъ). Но — страннымъ образомъ — вся построенная на исторической основѣ — она совершенно чужда историческаго взгляда и направленія и разсматриваетъ языкъ, какъ нѣчто данное, остановившееся или и вовсе не бывшее въ историческомъ процессѣ развитія, перемѣнъ и превращеній. Каждый изъ элементовъ, входящихъ въ эту грамматику — взятъ изъ дѣйствительной исторіи, но анахронически, въ разновременные и разновременные моменты, и всѣ они искусственно отвлечены, сведены въ одну картину языка идеальнаго, лишенаго исторической дѣйствительности, никогда не существовавшаго во времени

и пространствѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Добровскому болѣе, чѣмъ кому иному изъ его современниковъ — были вѣдомы законы и приемы историческаго изслѣдованія. Количество извѣстныхъ ему текстовъ древняго славянскаго языка ⁹⁶⁾ было, конечно, не велико, но достаточно для попытки историческаго рассмотрѣнія, имѣлъ онъ предъ собою и одинъ замѣчательный опытъ по историческому чешскому языкознанію ⁹⁷⁾; но здѣсь дѣло шло о дѣйствительно живомъ существующемъ языкѣ, тогда какъ церковно- или древне-славянскій языкъ былъ явленіемъ отжившимъ, требовавшимъ теоретическаго построенія — и вотъ, сынъ теоретико-матерьяльнаго ХVІІ в. — Добровскій строитъ матерьяльную анатомію языка теоретически, какъ бы внѣ исторіи. Его „старославянскій языкъ“ созданъ имъ посредствомъ отвлеченія, причѣмъ языку позднѣйшей русской рецензіи церковныхъ книгъ — б. и не безъ вліянія Мелетія Смотрицкаго — было отдано имъ видимое преимущество, какъ языку правильному. Оттого, „исторія древне-славянскаго языка“ получила въ Грамматикѣ Добровскаго лишь очень малое для себя приращеніе, и для историко-филологической критики сей трудъ предлагалъ только матерьялы, но не руководительныя начала. Какъ нелегко разобратъся и въ сихъ матерьялахъ — достаточно показываютъ нѣкоторые примѣры въ исторіи изученія русской письменности (напр. комментаріи Дубенскаго къ Слово о Полку Игоревѣ)...

⁹⁶⁾. Jos Dobrowsky: Institutiones linguae slonicae dialecti veteris, quae quum apud Russos, Serbos aliosque ritus graeci, tum apud Dalmatas ritus latini Slavos in libris sacris obtinet. Vind. MDCCCXII 8°, p. LXVIII + 720 + IV tab. Второе изданіе въ 1852 есть только перемѣна заглавнаго листа. Русскій переводъ Погодина и Шевырева въ 2-хъ ч., Спб. 1833—1834 (исторія русскаго перевода Грам-

мативи въ „Воспоминаніяхъ“ Погодина, Москвитиницъ, 1855, № 4, с. 81—8). Въ европейской литературѣ книга Добровскаго произвела весьма сильное впечатлѣніе и долгое время была единственнымъ источникомъ свѣдѣній о славянскомъ языкѣ. Важныя рецензи: а) Я. Гримма въ *Göttingische gelehrte Anzeigen* 1823, 35 Stück с. 337—352, перепечатано въ его *Kleinere Schriften* t. IV, B. 1869, стр. 186—196; б) Копитара, въ вѣнскихъ „*Jahrbücher der Literatur*“, 1822 t. XVII, с. 66—107.

⁹⁶⁾ Въ „Praefatio“ къ *Institutiones* Добровскій даетъ подробныя свѣдѣнія объ „источникахъ“ своего изслѣдованія. Ему извѣстны были и нѣкоторые древніе тексты XI—XII вв.

⁹⁷⁾ Разумію трудъ Франца Томсы: „*Ueber die Veränderungen der böhmischen Sprache nebst einer böhmischen Chrestomathie seit dem Dreizehnten Jahrhunderte bis jetzt*“. Prag. 1805, 8°, с. 263. Замѣчательный и несправедливо забытый трудъ. Старочешскіе тексты напечатаны по рукописямъ съ такою дипломатическою точностью, съ какою они и въ настоящее время рѣдко печатаются въ Чехахъ.

43. Совершенно иное у Востокова. Основательное знакомство съ рукописными древнѣйшими и менѣе древними памятниками старославянскаго языка привело его къ мысли о необходимости историческаго изученія т. е. „изслѣдованія и показанія свойствъ языка и различныхъ его формъ, съ измѣненіями, каковымъ подвергались формы сіи въ продолженіе столѣтій въ Россіи и другихъ земляхъ Славянскихъ“. Свои наблюденія надъ историческимъ развитіемъ старославянской рѣчи Востоковъ въ первый разъ изложилъ въ знаменитомъ „*Разсужденіи о Славянскомъ языкѣ*“.

къ“⁹⁸). Въ исторіи старославянскаго языка онъ различалъ три періода: древній, средній и новій. „Древній языкъ заключается въ письменныхъ памятникахъ отъ IX и за XIII столѣтіе. Онъ непримѣтно сливается съ языкомъ среднимъ XV-го и XVI столѣтій, а за симъ уже слѣдуетъ новій славянскій, или языкъ печатныхъ церковныхъ книгъ“. По отношенію къ народности старославянскаго языка Востоковъ не входилъ въ спеціальныя изслѣдованія, но склонялся къ его болгаризму. Въ послѣднее время своей дѣятельности онъ полагалъ, что „родина старославянскаго нарѣчія есть Македонія, а потому его можно назвать и македонскимъ..., собственно болгарское нарѣчіе могло издревле отличаться отъ него очень важными признаками“⁹⁹). Объясненіемъ „особенностей древняго славянскаго языка“ въ отличіе отъ средняго и новаго, а равно и замѣтками объ изводахъ или рецензіяхъ языка и правописанія церковно-славянскихъ рукописей Востоковъ положилъ прочныя начала историко-филологической критикѣ. Впослѣдствіи сіи начала были развиты имъ гораздо подробнѣе и опредѣлительнѣе въ его „Описаніи русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцевскаго Музея“ и въ другихъ историко-филологическихъ и библиографическихъ трудахъ, о которыхъ мы уже отчасти упоминали и еще часто будемъ упоминать¹⁰⁰). Послѣ трудовъ Востокова стало возможнымъ общее опредѣленіе древности памятниковъ на основаніи языка и правописанія, а равнымъ образомъ опредѣленіе народности памятниковъ и рукописей, т. е. рецензій или изводовъ ихъ. Но востоковскіе историко-аналитическіе приемы изслѣдованія, при всей видимой простотѣ ихъ—усвоились славянской филологической наукой туго и дали должныя плоды лишь много лѣтъ спустя. Какъ трудно было для филологовъ правильно и во всемъ его объемѣ понять и приложить начало востоковской методы, доказательствомъ тому служить извѣстное сочиненіе Калайдовича: „Іоанъ Ексархъ Болгарскій“, 1824. Онъ много разъ [см. стр. 102] поль-

зуется „Разсужденіемъ“ Востокова, иногда удачно, по большей части нетвердо, смѣшывая - какъ справедливо замѣчалъ пов. Билярскій— „фонетическія особенности правописанія съ условными, подражательными и чисто палеографическими, древнія съ позднѣйшими, самыя характеристическія съ маловажными“.

⁹⁸⁾ „Разсужденіе о славянскомъ языкѣ“ въ „Трудахъ Общества Любителей Россійс. Словесности“ 1820, ч. XVII, с. 5—61 и въ „Ученыхъ Запискахъ“ по II отд. Ак. Н. 1856, т. II, ч. I, с. 1—27 и еще въ „Филологическихъ Наблюденіяхъ“ Востокова, Спб. 1865, с. 1—27. Важное поясняющее „дополненіе“ къ этому изслѣдованію представляетъ письмо Востокова къ Добровскому, помѣщ. въ „Перепискѣ А. X. Востокова“ [Сбор. статей II отд. Ак. Н. т. V] Спб. 1873, с. 100—116, а равно и въ другихъ мѣстахъ сей „Переписки“.

⁹⁹⁾ „Филологическія наблюденія“ Востокова Спб. 1865, с. 95 in notis.

¹⁰⁰⁾ См. выше, с. 29, 84—5. Перепечатаны въ сіи труды въ „Филологическихъ Наблюденіяхъ“. Здѣсь же находимъ на стр. 79—134 статью, подъ заглавіемъ: „Матерьялы для славянской палеографіи,“ это весьма тщательно составленный А. Н. Пыпинымъ сводъ историко-филологическихъ и палеографическихъ наблюденій Востокова надъ славянскими рукописями, извлеченный изъ его „Описанія рукописей Румянцевскаго Музея“. Для ученія о рецензіяхъ или изводахъ, а равно и для ученія о правописаніяхъ рукописей—сія статья имѣетъ нарочитую важность..

¹⁰¹⁾ Билярскій: „Судьбы Церковнаго языка“ II, Спб. 1848, с. 222.

44. Въ тридцатимъ годамъ относятся труды Шафарика и Копитара.

„erbische Leseköner“ Шафарика ¹⁰²⁾ есть обширная [равнуется для того времени] съ необычайною точностью и филологическимъ талантомъ исполненная работа надъ сербскимъ отдѣломъ древне-славянскаго языка: изъ памятниковъ древне-сербской письменности, писанныхъ на старославянскомъ и славяно-сербскомъ смѣшанномъ нарѣчїи онъ хотѣлъ извлечь черты и признаки чистой сербской рѣчи и отсюда по возможности опредѣлить древность послѣдней, или—говоря другими словами—книга его представляетъ систематическую, формальную исторїю древне-славянскаго языка въ Сербїи главнымъ образомъ по памятникамъ кирилловскаго письма. Трудъ Шафарика оказывается теперь во многомъ уже недостаточнымъ по содержанію или матерьялу, онъ требуетъ многихъ дополненій, но методъ его изслѣдованїя—строго историческій, образцовый, а потому „Serbische Leseköner“—остается до сихъ поръ весьма важнымъ пособіемъ для филологической критики древне-славянскихъ текстовъ сербскаго извода. Другіе труды Шафарика по славянскому языковеденію, кромѣ краткихъ, случайныхъ замѣтокъ о паннонскомъ элементѣ церковнаго языка, нашедшихъ мѣсто въ его послѣднемъ сочиненїи „О происхожденїи и родинѣ глаголитизма“—¹⁰³⁾ были посвящены сравнительному изслѣдованію „образованія словъ удвоеніемъ корней“, „расширенія глагольныхъ корней вставкою и прираженіемъ согласныхъ“, „претворенія гортанныхъ согласныхъ“, „нѣкоторыхъ старыхъ грамматическихъ формъ“ и „славянскихъ именъ числительныхъ“.. Работы гениальнаго мастера! ¹⁰⁴⁾

Труды Копитара имѣютъ не столько изслѣдовательно—историческій, сколько историко—догматическій характеръ. Въ 1836 г. онъ издалъ въ свѣтъ древніе глаголическіе отрывки, прин. гр. Клоцу подъ заглавіемъ: „Glagolita Clozianus“ ¹⁰⁵⁾. Въ „Пролегоменахъ“ къ

изданію, вромѣ спеціального описанія отрывковъ и разсмотрѣнія вопроса о глаголицѣ [о чемъ я распространяюсь ниже, въ отдѣлѣ о „письмѣ“], Копитаръ предложилъ тезисы о первоначальной исторіи древне-славянскаго языка и паннонскомъ его источникѣ, а въ „Эпиметронѣ“ — „краткую Грамматику священнаго языка Славянъ“ и „краткій же словарь языка“. Любопытны сіи послѣднія произведенія по попыткѣ дать историческую болѣе прочную, древнюю основу постройкѣ Добровскаго и освѣжить и исправить ее новыми открытіями; любопытны они въ томъ отношеніи, что показываютъ, какія трудности встрѣчалъ изслѣдователь въ исторіи славянскаго языка, какъ медленно усвоились даже ясныя положительныя открытія Востокова.... Но не эти „*Slavogum linguae sacrae Grammatica brevis*“ и „*Lexicon breue*“ обнаружели то сильное вліяніе на ходъ историческихъ занятій и понятій о древне-славянскомъ языкѣ, какое соединяется въ наукѣ съ именемъ Копитара, а его теоретическія и догматическія соображенія о паннонскомъ или хорутанскомъ происхожденіи древне-славянскаго языка и славянской литургіи, изложенныя имъ и въ „*Glagolit' ŷ*“ и въ другихъ мелкихъ трудахъ по разнымъ случаямъ и поводамъ. ¹⁰⁶).

По важности предмета для науки славянскаго языковеденія даемъ здѣсь мѣсто слѣдующимъ общимъ положеніямъ о началѣ Христіанства и образованія у Славянъ, извлеченнымъ изъ сочиненій Копитара.

1. Распространеніе и введеніе Христіанства, а вмѣстѣ съ нимъ образованность и цивилизація Славянъ принадлежатъ исключительно латинской церкви. Это — заслуга римскихъ первосвященниковъ (папъ), что литература славянскаго юга и востока получила прочныя основанія въ одобренномъ ими кирилловскомъ переводѣ Библии и литургіи на славянскомъ языкѣ.

2. Обращеніе въ Христіанство древнѣйшихъ славянскихъ поселенцевъ въ Норикѣ и Панноніи вышло изъ цер-

ковной епархіи Аквилон и Зальцбурга. Сами византійцы говорятъ, что Хорваты и Сербы были крещены въ VII в. римскими священниками. Карантане (Хорутане) приняли Христіанство по крайней мѣрѣ 150 лѣтъ прежде, чѣмъ Мораване; обращеніе Чеховъ произошло изъ Регенсбурга, Поляковъ — отъ Чеховъ.

3. Мѣсто апостольской дѣятельности Кирилла и Меѳодія ограничивается областями по сю сторону Дуная, Болгарами, Хорутанами и жившими между ними моравскими поселенцами. Оба просвѣтителя — пришли къ племенамъ уже прежде обращеннымъ, которыхъ они такъ сказать устроили въ литургическомъ, богослужебномъ отношеніи.

4. Славянская литургія является въ слѣдующихъ трехъ фазахъ своего развитія:

а) она началась въ юго-восточной Панноніи, гдѣ вмѣстѣ съ прастарыми славянскими поселенцами, осѣвшими здѣсь по крайней мѣрѣ со времени великаго переселенія народовъ (соотичи ихъ распространились по всей Хорутаніи и образовали основное населеніе Мизіи и Македоніи, которое позднѣе подновлялось свѣжими притоками Болгарь, Сербовъ и Хорватовъ), жили подъ франкскимъ владычествомъ Болгаре и моравскіе поселенцы, какъ сограждане, или какъ сосѣди.

б) Славянская литургія продолжалась по смерти Меѳодія и покоренія Панноніи Мадьярами у родственныхъ Болгарь и Сербовъ на югѣ Дуная и Савы (т. е. въ прежней Мизіи: и 100 лѣтъ спустя, исторически неизвѣстными доселѣ путями.

в) Принесена была въ Кіевъ, къ русскимъ, гдѣ, искаженная и подновленная, она продолжаетъ жить доселѣ, тогда какъ паннонское происхожденіе ея въ самомъ отечествѣ ея постепенно тускнѣло и забылось. Вихингъ, суффраганъ Меѳодія, не позволилъ проникнуть славянскому богослуженію за Дунай, въ Моравію. Вотъ почему въ Моравіи, Чехахъ и Польшѣ не видно никакихъ слѣдовъ ея.

5. Древній церковно-славянскій языкъ есть одно изъ славянскихъ нарѣчій IX столѣтія, а именно народное нарѣчіе паллонской епархіи Меѳодія, т. е. языкъ Хорутанъ, для которыхъ оба братья апостолы устроили азбуку и на языкъ которыхъ они перевели богослужбныя книги.

6. Обѣ славянскія азбуки были со времени Кирилла въ употребленіи у задунайскихъ Славянъ, такъ какъ въ Европѣ латинское и нѣмецкое письмо Глаголита древнѣе Кирилицы, но она должна была уступить послѣдней, составленной по греческому образцу, и теперь вымираетъ въ послѣднемъ своемъ убѣжищѣ на берегу Адриатическаго моря.

7. Мнѣніе русскихъ или пристрастныхъ протестантовъ о „великихъ успѣхахъ греческой церкви“ или ея первенствѣ въ дѣлѣ обращенія Славянъ въ христіанство — принадлежитъ къ области мечтаній.

8. Латинская церковь, давъ происхожденіе славянской литургіи (880), внесла христіанство и западное богослуженіе 966 г. въ Польшу, въ 1000 г. въ Угрію, 1041 въ Лужицы и къ сѣвернымъ Славянамъ, 1168 къ Руянамъ. Въ 1278 глаголиты получили новую западную привилегію для ихъ богослужебнаго языка, въ 1439 — воспослѣдовала извѣстная Унія.

Таковы понятія и мнѣнія Копитара. Они имѣли рѣшительное и продолжительное значеніе въ историко-филологической критикѣ старославянскихъ текстовъ. Нельзя сказать, что и теперь взгляды его принадлежатъ прошедшей исторіи, что при рѣшеніи вопросовъ исторіи древне-славянскаго языка можно было бы всегда обойтись безъ совѣта съ ними и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ безъ признанія цѣнны и достоинства ихъ.

¹⁰²⁾ „Serbische Lesekörner, oder historisch kritische Beleuchtung der serbischen Mundart. Ein Beitrag zur slawischen Sprachkunde v.

P. J. Schaffarik, Peszt 1833, 8°, с. 135 и сним.

¹⁰³⁾ „Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus“, P. 1858, 4°, главы 7—8. втораго мемуара: Сочинение Шафарика: „Geschichte der Slawischen Sprache und Literatur“ of. 1826, 8° с. 524 (2-е изд. 1869 г.), котораго первый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ исторію древне-славянскаго церковнаго языка и литературы—не представляетъ частныхъ разсказаній о предметѣ.

¹⁰⁴⁾ Помѣщены первоначально въ *Časopis* чешскаго Музея, потомъ всѣ перепечатаны въ книгѣ: „Rozpravy z oboru věd slovanských“ Pr. 1865, с. 446—661. Какъ дополнение къ „Serbische Lesekörner“ можно назвать тѣ страницы изданной по смерти автора *Geschichte der Serbischen Literatur*, P. 1865, 1 Abth. p. 139—165, которыя содержатъ въ себѣ „Sammlung alter serbischer Wörter“..

¹⁰⁵⁾ *Glagolita Clozianus id est codicis glagolitici inter suos facile antiquissimi... λεψαρον foliorum XII membraneorum. Vind. MDCCCXXXVI f, LXXX+86 et fasc.* Ниже я подробно распространяюсь объ этомъ изданіи Копитара и его судьбѣ въ наукѣ.

¹⁰⁶⁾ Сюда относятся нѣкоторыя „Epimetra“ въ его: *Hesychii glossographi discipulus. Vind. 1840*, „Prolegomena historica“ къ Реймскому Евангелію перепеч. въ *Miklosich's Slavische Bibliothek*, I, 1851, с. 57—84 (русскій переводъ въ *Журн. Мин. Народ. Просв.* 1848, ч. LXVII, № 2, с. 111—153), и ст. „Die kirchenbücher der Russen“ въ *Kaltenbäeck's Oesterreichische Zeitschrift für Geschichts und*

Staatskunde, 1836, № 86, 87, 88. Здѣсь — общая исторія русификаціи церковно-славянскихъ кириловскихъ книгъ.

45. Задачу, отмѣченную Востоковымъ и отчасти, по отношенію къ сербской области — исполненную Шафарикомъ, — задачу изслѣдованія развитія старославянскаго языка въ его отечествѣ и у другихъ Славянъ ставилъ себѣ и Прейсъ, но рановременная кончина не дозволила ему выполнить ее: отъ него осталось лишь нѣсколько краткихъ замѣтокъ о болгарской фазѣ въ жизни церковнаго языка.¹⁰⁷⁾ Гораздо болѣе успѣлъ сдѣлать въ этомъ отношеніи П. С. Билярскій, подъ влияніемъ Прейсса изучавшій „Судьбы церковнаго языка“. Кромѣ многихъ мелкихъ статей критическаго содержанія¹⁰⁸⁾ ему принадлежатъ два труда большаго объема: а) „О среднеболгарскомъ вокализмѣ“ и б) „о кирилловской части реймсаго Евангелія“¹⁰⁹⁾. На среднеболгарскомъ языкѣ Билярскій остановился не случайно, а въ убѣжденіи: что самые главные вопросы о древнемъ церковномъ языкѣ ожидаютъ себѣ объясненія отъ среднеболгарскаго, что безъ этого послѣдняго нельзя доказать ближайшей связи между нынѣшнимъ болгарскимъ и первобытнымъ типомъ древне-славянскаго языка, который, по его мнѣнію — въ сущности тождественъ съ древнеболгарскимъ, что, наконецъ — въ Россіи распространялись преимущественно среднеболгарскія рукописи и онѣ сообщили свои черты характеру славяно-русскаго литературнаго языка церковныхъ писателей.. Чтобы опредѣлить особенныя свойства среднеболгарскаго языка, Билярскій подвергнулъ грамматическому и орфографическому анализу „такое самостоятельное произведеніе средняго періода, которое, еще не потерявъ свойствъ древняго языка, въ то же время представляетъ опредѣленные особенности своего времени и посредствомъ ихъ примыкаетъ къ позднѣйшему состоянію болгарскаго языка“.. Таковъ по его мнѣнію — патріаршій списокъ перевода лѣтописи Манас-

си. Подробно и съ рѣдкою отчетливостью Билярскій осматриваетъ всѣ гласные звуки памятника и дѣлаетъ нѣкоторыя общіе заключенія касательно генетическихъ отношеній ихъ къ звукамъ древне-славянскаго языка, фізіологическихъ свойствъ среднеболгарскихъ звуковъ и связи состоянія ихъ съ состояніемъ грамматики. Конечно—не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что анализа вокализма одной рукописи недостаточно для общихъ выводовъ, но едва-ли также должно отказать труду Билярскаго въ важномъ значеніи. Это—монографія по строгости и точности историко-генетическаго метода изслѣдованія—въ своемъ родѣ образцовая, хотя въ отношеніи содержанія представляющая только матерьялы. Тоже или почти тоже должно сказать и объ „анализѣ правописанія Реймсакаго Евангелія“: и здѣсь общіе выводы о памятникѣ, времени его и характерѣ на основаніи одного правописанія едва-ли не преждевременны, но приемы изслѣдованія послѣдняго точны и вполне отвѣчаютъ требованіямъ науки. Въ методологическомъ отношеніи труды Билярскаго заслуживаютъ полнаго вниманія филологической критики..

¹⁰⁷⁾ Въ его „Донесеніяхъ“ г. Министру Народнаго Просвѣщенія, въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1841, № 2, с. 49—52 и 1842, № 3, с. 48—62 и ст. „О Глагольской письменности“ *ibid.* 1843, № 3, особ. стр. 205—238, гдѣ разсматриваются правописаніе, формы и лексиконъ языка глагольскихъ рукописей сравнительно съ церковно-славянскимъ [кирилловскимъ].

¹⁰⁸⁾ Таковы его рецензіи изданій Миклошича [„Radices linguae slovenicae“, „Nomina in ramos palmarum“, „Vitae Sanctorum“] и Ганки [„Сазаво-Еммауское св. Благовѣствованіе“ и „Начала священнаго языка Славянъ“] въ Журн. Минист. Нар. Пр. 1845, № 8, с. 140—5;

1846, № 10, с. 1—27; 1848, № 8, с. 915—165.

¹⁰⁹⁾ „Судьбы церковнаго языка. Историко-филологическія изслѣдованія П. Билярскаго“. I. О средне-болгарскомъ вокализмѣ по патриаршему списку лѣтописи Манассія, изд. 2-ое, Спб. 1858, 8°, стр. 143. [Первое изд. безъ обширнаго предисловія, трактующаго о современномъ состояніи положительно — историческаго направленія въ славянскоѣ филологіи, безъ выдержекъ изъ памятника — было издано въ *Mémoires présent. a l'Académie par divers savants*, T. VI, 1847, р. 99—140 и отд. Спб. 4°, р. 42]; П: о кирилловскоѣ части Реймскаго Евангелія“, Спб. 1848, 8°, с. VII—283. Первая половина книги содержитъ историко-критическую оцѣнку изысканій о Рейм. Ев., вторая [очень важная] — анализъ правописанія памятника. Рецензія перваго труда [о сред. Болгар. вокализмѣ], напис. А. А. Буникомъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1847, № 213, 214.

46. „Разсужденіе“ Востокова было только „введеніемъ къ грамматикѣ сего языка, составляемой по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ“, „Грамматическія правила славянскаго языка, извлеченныя изъ Остромирова Евангелія“ и „Словоуказатель“ къ Остромировому Евангелію ¹¹⁰⁾ — были приготовительными трудами къ: а) „Словарю Церковно-Славянскаго языка“ ¹¹¹⁾ и б) „Грамматикѣ церковно-славянскаго языка, изложенной по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ“, ¹¹²⁾ которыми завершилась скромная, но славная дѣятельность Востокова на пользу отечественной науки. Въ историко-филологической критикѣ „Словарь“ Востокова имѣетъ первостепенное значеніе и не столько по богатству матеріала, сколько по особому

внутреннему качеству его отличающему: „Востоковъ всегда старался сличать разночтенія разныхъ списковъ и переводы съ подлинниками греческими и латинскими, отличать ошибки переводчиковъ отъ ошибокъ писцовъ и т. п., опредѣлять значеніе словъ по соображенію разныхъ случаевъ ихъ употребленія, источникъ древній всегда предпочитая не древнему...“ „Востоковъ всегда опредѣляетъ славянское слово по-русски, во всѣхъ нужныхъ случаяхъ приводитъ мѣста изъ памятниковъ; къ мѣстамъ изъ памятниковъ переведенныхъ большею частію присоединяетъ подлинный текстъ, иногда и свои соображенія“... ¹¹³⁾ Эта точность, это принципиальное избѣжаніе произвольныхъ объясненій, сообщая всему произведенію характеръ достовѣрности, и составляютъ его высокое научное достоинство, которымъ не можетъ не дорожить историко-филологическая критика. Обращаясь къ „Словарю“ Востокова, она б. м. не всегда найдетъ искомое (Словарь нуждается во многихъ дополненіяхъ и уже вызвалъ не мало ихъ), но на найденное искомое всегда и смѣло можетъ положиться. „Грамматика церковно-славянскаго языка“ вызвала недоумѣніе: „не такого малаго по объему труда — по словамъ Срезневскаго — ожидали отъ Востокова, и значеніе его не поняли тѣ, которые привыкли все измѣрять внѣшнею величиною. Не поняли его значеніе и тѣ, которымъ были нужны не столько прямыя вѣрныя свидѣтельства о языкѣ старославянскомъ, какъ они были въ древнѣйшее время дѣйствительно, сколько соображенія о его отношеніяхъ къ другимъ родственнымъ языкамъ“... ¹¹⁴⁾ Дѣйствительно, Грамматика Востокова почти не представляетъ грамматическихъ разысканій и изслѣдованій (особенно, въ фонетикѣ), но зато даетъ весьма богатый подборъ достовѣрныхъ данныхъ для такихъ изслѣдованій. Она можетъ быть названа вѣрнѣе „Инвентаремъ“ или „Указателемъ“ грамматическаго будущаго труда, чѣмъ самымъ трудомъ; но то обстоятельство, что она „даетъ вѣрно знать, въ какихъ памятникахъ допускаются тѣ или другіе отклонен-

ніа отъ общихъ условій правильного грамматическаго строя въ древне-славянскомъ, а равно и то, что она не введеть ни въ какую ошибку, не выставитъ никакое предположеніе за дѣйствительность“¹¹⁰⁾ — усвоеть ей весьма важное значеніе. Это необходимѣйшій матерьялъ и надежная справочная книга для занимающихся вопросами исторіи славянскаго языка.

¹¹⁰⁾ Находятся при извѣстномъ изданіи Востокова: „Остромирово Евангеліе“ Спб. 1843, въ приложеніи, занимая 315 с, „Грамматическія правила“ перепеч. въ Учен. Зап. по II от. т. II, 1. стр. 28—76 и въ „Филологическихъ Наблюденіяхъ“.

¹¹¹⁾ „Словарь церковно-славянскаго языка“ Спб. 1858—1861, 4^о, I ст. 510; II, ст. 590 — составляетъ также IV и VI томы „Матерьяловъ для сравнительнаго и объяснительнаго Словаря и Грамматики“, изд. при Извѣстіяхъ II От. Ак. Наукъ. Подробное разсмотрѣніе сего труда сдѣлано И. И. Срезневскимъ въ Учен. Зап. II Отд. Ак. Наукъ, кн. IV, Спб. 1858 стр. XVIII—XLIII и въ Русской Бесѣдѣ 1857, кн. 2, с. 1—22. Здѣсь же — оцѣнка и предшествовавшей древне-славянской лексикографіи. „Дополненія“ къ прел. Словарю Востокова, собр. о. архим. Амфилохіемъ и друг. въ „Матерьялахъ для сравнительнаго и объяснительнаго Словаря и Грамматики“ т. VII, стр. 1—104.

¹¹²⁾ „Грамматика церковно-славянскаго языка изложенная по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ“, Спб. 1863, 8^о, 134. Отпечатано и въ Ученыхъ Запискахъ по II Отд. Акад. Наукъ т. VII, к. II, 1863.

Содержаніе Грамматики въ изложеніи Срезневскаго:

Въ §§ 1—6 сообщены свѣдѣнія объ азбукѣ и правописаніи, между прочимъ о различныхъ мѣстныхъ особенностяхъ правописанія; замѣчанія о звукахъ и ихъ употребленіи въ §§ 7—8 — очень коротки и общи.

§§ 9—54 и 75—81 посвящены подробному разбору словъ склоняемыхъ преимущественно въ отношеніи къ измѣненію по падежамъ и отчасти (прилагательныхъ, нѣкоторыхъ числительныхъ и мѣстоименій, равно причастій) въ отношеніи къ образованію.

§§ 55—74 82 86 представляютъ разборъ глаголовъ почти исключительно въ отношеніи къ формамъ спряженія.

§§ 87—103 заключаютъ въ себѣ систематическій перечень нарѣчій, предлоговъ, союзовъ и междометій.

Вслѣдъ за этимъ сообщены, какъ прибавленіе къ первой части грамматики, замѣчанія 1) о значеніи нѣкоторыхъ окончаній именъ существительныхъ (-инъ, -и къ, -чии, -чии, -щина), 2) объ именахъ собственныхъ, объ отличіяхъ ихъ по выговору, о нѣкоторыхъ особенностяхъ ихъ образованія, (напр. я та, и цъ, вна', 3) о сложныхъ словахъ.

§§ 102—136 составляютъ вторую часть — о сочиненіи словъ. Здѣсь наблюденія ограничиваются въ кругѣ того, что въ древнемъ церковномъ отличено отъ новаго Русскаго. Во всей этой части, очень любопытной по мѣткости наблюдений, приведены объяснительные примѣры изъ памятниковъ.

Небольшой объемъ книги свидѣтельствуетъ о строгомъ выборѣ того, что взято въ ея содержаніе. Видно, между прочимъ, что Востокъ не

хотѣлъ повторять того, что высказано имъ въ другихъ сочиненіяхъ“. Извѣст. Аад. Наукъ по II Отд. т. IX, 1861, с. 272.

¹¹³⁾ Ученныя Записки II от. Ав. Наукъ кн. IV, стр. XXXIII—XXXIV.

¹¹⁴⁾ „Филологич. Наблюденія“ Востокова, Спб. 1865, стр. LI, ст. Срезневскаго: „Обозрѣніе научныхъ трудовъ А. X. Востокова“.

¹¹⁵⁾ Ibidem, p. LI.

47. Труды Миклошича посвящены главнымъ образомъ сравнительному славянскому языкознанію, сюда относится важнѣйшій трудъ его „Сравнительная грамматика славянскихъ нарѣчій“ и цѣлый рядъ изслѣдованій, помѣщенныхъ въ Трудахъ и Извѣстіяхъ Вѣнской Академіи Наукъ ¹¹⁶⁾. Тѣмъ не менѣе, обрабатывая древне-славянскій языкъ догматически или систематически, Миклошичъ, самъ издавшій не мало памятниковъ древне-славянскаго языка, естественно долженъ былъ держаться исторической почвы. Нѣкоторые труды его относятся къ исторіи древне-славянскаго языка прямо и непосредственно. Такъ: въ 1847 г. онъ представилъ разборъ восточковскаго изданія Остромирова Евангелія, разборъ, въ которомъ находится очень много важныхъ и мѣстныхъ замѣчаній о языкѣ и правописаніи древнѣйшихъ старо-славянскихъ рукописей ¹¹⁷⁾; въ 1850 онъ издалъ „Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti“ ¹¹⁸⁾ — трудъ весьма важный для своего времени, хотя и не отвѣчающій требованіямъ обстоятельности ссылокъ и точности въ передачѣ древне-славянскихъ словъ греческими и латинскими терминами: послѣднія почерпнуты не изъ подлинныхъ источниковъ, а представляютъ плодъ мысли, пониманія и соображенія самого лексикографа [т. е. имъ придуманы], а потому при всей безотносительной вѣрности своей — лишены вѣрности исторической т. е. гадательны. Никакого приобрѣтенія, а развѣ ущербъ испытала наука

исторіи древне-славянскаго языка отъ того обстоятельства, что Миклошичъ въ правописаніи словъ слѣдовалъ исключительно своей теоріи, не обращая вниманія на дѣйствительное правописаніе памятниковъ; а равно и оттого, что онъ помѣщаль смѣшанно слова и болгарскія, и сербскія, и русскія, не различая ихъ народности.. Въ 1862—5 г. появилось второе изданіе сего словаря, подъ заглавіемъ: „Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum emendatum auctum”¹¹⁹), представляющее какъ бы совершенно новый трудъ: матерьялъ увеличился противъ прежняго по крайней мѣрѣ въ пять—шесть разъ, допущена большая точность въ нѣкоторыхъ ссылкахъ и выдержкахъ; но передача и толкованіе славянскихъ словъ греческими и латинскими остались съ прежнимъ характеромъ, остался и прежній субъективный способъ правописанія словъ и прежнее неразличеніе этнографическихъ элементовъ языка. Недостатки сіи значительно затрудняютъ употребленіе Словаря Миклошича для критическихъ и историческихъ цѣлей, но все же этотъ обширный почтенный трудъ остается полезнымъ и необходимымъ и въ этомъ отношеніи: ссылки на памятники до нѣкоторой степени вознаграждаютъ недостатокъ историческихъ и этнографическихъ опредѣленій и помѣтъ. Не мало замѣчательныхъ изслѣдованій, болѣе или менѣе касающихся исторіи древне-славянскаго языка, Миклошичъ напечаталъ въ изданіяхъ Вѣнской Академіи, таковы: а] „Объ образованіи славянскихъ собственныхъ именъ“, 1860; б] „О Славянскихъ мѣстныхъ именахъ, образовавшихся изъ личныхъ“, 1864; в] „О славянскихъ мѣстныхъ именахъ изъ нарицательныхъ“ 1872—74; г] „Христіанская терминологія въ славянскихъ языкахъ“ 1875; д] „Славянскія наименованія мѣсяцевъ“ 1867; е] „Чужія слова въ славянскихъ языкахъ“, 1867; ж] „О языкѣ Болгаръ въ Седмиградіи“, 1856; з] „О слав. элементахъ въ новогреческомъ“, 1870; и] „О славянскихъ элементахъ въ Румунскомъ“, 1861; к] „О славянскихъ элементахъ въ Албанскомъ“, 1870; л] „О сла-

вянскихъ элементахъ въ мадьярскомъ“, 1871; наконецъ и] „о Глаголитизмѣ“ въ Энциклопедіи Эрша и Грубера¹²⁰⁾.. Конечно, для исторіи древне-славянскаго языка не всё сіи труды одинаково содержательны и важны.. Важнѣе прочихъ: „о глаголитизмѣ“, „разборъ христіанскихъ терминовъ“, „словарь чужихъ словъ“ и „о древнемъ языкѣ болгаръ въ Седмиградіи“.. Если не всегда рѣшенія Миклошича въ концѣ концовъ могутъ удовлетворить изслѣдователя, то богатства собраннаго матерьяла, остроуміе и основательность многихъ объясненій и соображеній - даютъ трудамъ его высокое ученое значеніе.. Даже и тамъ, гдѣ мысль невольно устремляется по другой дорогѣ и приходитъ къ совершенно инымъ заключеніямъ—нельзя бываетъ отказать во вниманіи къ его, отвергаемымъ или оспариваемымъ, положеніямъ, потому что они—плодъ серьезнаго и обширнаго изученія. Таково напр. его „Введеніе“ къ краткой морфологіи древне-славянскаго языка¹²¹⁾. Небольшое по объему, оно представляетъ сжатое, но весьма важное и живое разсмотрѣніе вопросовъ о народности древне-славянскаго языка, о рецензіяхъ паннонскои [по его мнѣнію—настоящей древне-славянскои], болгарскои, сербскои, хорватскои и русскои древне славянскихъ памятниковъ и о наилучшемъ—по его мнѣнію—способѣ ихъ изданія..

¹²⁶⁾ „Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen“. W. 1879—74 г. 4 т. Недавно сей капитальный трудъ оконченъ: 1 т. [второе изданіе] заключаетъ Lautlehre, II—Stammbildungslehre; III [2-е изд.]—Wortbildungslehre; IV—Syntax.... см. рец. Ягича въ Archiv für Slavische Philologie I, p. 412—438 и т. IV, с. 482—496. Труды Миклошича по славянскому сравнительному языковѣднiю начались еще въ 1844 г. превосходною рецензіей

Бопповой Сравнительной Грамматике, помещен. въ Jahrbücher der Literatur, т. CV, с. 43—70. Статьи въ „Denkschriften“ и Sitzungsberichten“ Вѣнской Академіи—суть приготовительныя работы къ „Сравнительной Грамматикѣ“. Во многихъ частяхъ онѣ касаются и исторической стороны древне-славянскаго языка; посему я даю здѣсь мѣсто ихъ перечню; таковы статьи въ Denkschriften: а] Die Wurzeln des altslovenischen, 1857 [VIII Bd.]; б] „Die Bildung der Nomina im Altslovenischen“, 1858 [IX Bd.]; в] Die Verba impersonalia im slavischen“, 1865 [XIV Bd.]; г] „Die Negation in den slavischen Sprachen“, 1869 [XVIII Bd.]; д] „Über den Ursprung der Worte von der Form Altsl. Trzt“, 1877 [XXVII Bd.]; е] Über den Ursprung der Worte von der Form altsl. Trët und Trat“, 1878 [XXVIII]; ж] Über die Steigerung und Dehnung der Vocale in den slavischen Sprachen“, 1878 [XXVIII]; з] „Über die langen Vocale“ 1879, [XXIX Bd.]; и изъ Sitzungsberichten: а] „Der präpositionslose local in den slavischen Sprachen“, 1868, (Bd. LVII); б] Über die genetivendung g'о der slavischen Sprachen“, 1869 (LXII); в] „Über die zusammengesetzte Declination in den slavischen Sprachen“, 1871, (LXVIII); г] „Das Imperfect in den slavischen Sprachen“, 1874 (Bd. LXXVII); д] „Über den Ursprung einiger casus der pronominaler Declination“, 1874 (LXXVIII Bd.); е] „Beiträge zur altslovenischen grammatik“, 1875, (Bd. LXXXI). Сверхъ этого Миклошичемъ помещено не мало статей въ „Beiträge zur vergleichende Sprachforschung“ и въ Rad'ъ jugoslav. Akademji..

¹¹⁷⁾ „Jahrbücher der Literatur, 1847, т. СХІХ, с. 1—39. Есть русскій переводъ, въ кн. Перевлѣскаго: „Памятники старо-славянскаго языка“, Спб. 1854, с. 7—70.

¹¹⁸⁾ „Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti. Vind. 1875, 7°, p. XIV+204.

¹¹⁹⁾ „Lexicon palaeoslovenicum—graeco—latinum emendatum auctum. Vind. 1862—1865, 8°, p. XXII+1171.

¹²⁰⁾ а) „Die Bildung der slavischen Personennamen“. W. 1860, 4°, с. 118 (Denkschr. B. X); б) „Die Bildung der Ortsnamen aus Personennamen im Slavischen“, W. 1864, 4°, с. 74 (Dsch. XIV) в) „Die Slavischen Ortsnamen aus Appellativen“, I, W. 1872, 4°, p. 34 (Dsch. XXI); II, 1874, 4°, p. 132 (Dsch. XXIII); г) „Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen“, W. 1875, 4°, p. 58. Dsch. B. XXIV); д) „Die Slavischen Monatsnamen“, W. 1867 4°, с. 32 (Dsch. B. XVII); е) „Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen“, W. 1867, 4°, p. 68 (Dsch. B. XV) ж) „Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen“, W. 1856, 4°, p. 42 (Dsch. B. VII) cf. Дополненія къ этому труду въ „Slavische Bibliothek, II, p. 140—1; з) „Die slavischen Elemente im Neugriechischen“, W. 1870, 8°, p. 38 (Sitzber. Bd. LXIII). и) „Die slavischen Elemente im Rumänischen“. W. 1861, 4°, p. 70 (Dsch. XII); к) „Albanische Forschungen. I. Die slavischen Elemente im Albanischen“ W. 1870, 4°, p. 38 (Dsch. Bd. XIX); л) „Die slavischen Elemente im Magyarischen“, W. 1871, p. 74 (Dsch. Bd. XXI); м) „Glagolitisch“, въ Allgemeine Encyklopädie der Wissenschaften und Künste“,

hrsg. v. Ersch und Gruber, I section, Bd. 68 L. 1859, p 403—422 et tab. Замѣчу здѣсь, что нѣкоторые труды Миклошича вызвали въ наукѣ очень важныя рецензи, таковы: рец. Маценауера (въ книгѣ „Cizi slova“ (о ней —ниже) и Буслаева (Журн. Мин. Нар. Просв. 1867, № 8; с. 540—560)—книги „объ чужеземныхъ словахъ“; рец. Билярскаго (въ соч. О среднеболгарскомъ вокализмѣ, 2-е изд. 1858, стр. 137—143)—книги „о языкѣ Болгаръ въ Седмиградѣ“; рец. „Лескина (въ Kuhn's Zeitsch. f. vergl. Sprachf. XXI, p. 280)—книги о славянскомъ элементѣ въ новогреческомъ; рец. Срезневскаго (Извѣст. II Отд. т. X, с. 143—151) и Дифенбаха (Kuhn's Zeits. f. ver. Spr. XI, 282 sq.)—книги о славянскомъ элементѣ въ Румынскомъ.

¹²¹⁾ „Altslovenische Formenlehre in Paradigmen“ W. 1874, 8', p. XXXV+96. Такъ—какъ „Оглавленіе“ „Введенія“ представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и положенія ученія Миклошича, то небезполезнымъ нахожу помѣстить его здѣсь въ русской передачѣ: „1) Древне-славянскій языкъ есть языкъ паннонскихъ Славянъ (Slovenen) въ срединѣ IX в.; 2) Объясненіе древне-славянской и болгарской гипотезъ. Различіе между древне—и ново-словенскимъ; 3) Древне-славянскіе памятники распадаются на паннонскіе и непаннонскіе; 4) Перечень паннонскихъ памятниковъ глагольскаго и кирилловскаго письма. Общая характеристика языка паннонскихъ памятниковъ; 5) Непаннонскіе памятники распадаются на болгарскіе, сербскіе, хорватскіе и русскіе; 6) Перечень главнѣйшихъ болгарскихъ памятниковъ. Общая характеристика ихъ; 7) Не-

речень нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ сербскихъ памятниковъ. Общая характеристика языка ихъ; 8) Указаніе хорватскихъ памятниковъ. Особенности языка ихъ; 9) Указаніе русскихъ памятниковъ. Отличительные признаки языка ихъ; 10) Востоковское раздѣленіе древне-славянскихъ памятниковъ; 11. Мнѣнія о родинѣ древне-славянскаго языка; 12 и 13 о настоящей книгѣ (т. е. о „Formenlehre“); и наконецъ — 14) Правила изданія древне-славянскихъ памятниковъ“. См. также о сихъ предметахъ содержательную рецензію труда Миклошича, написанную В. В. Ягичемъ, въ Archiv für slavische Philologie I, p. 438—453.

48. Хотя проф. Бодянский и не оставилъ особыхъ отдѣльныхъ изслѣдованій по исторіи древне-славянскаго языка, но множество замѣчаній о предметѣ, разсѣянныхъ въ „Предисловіяхъ“ къ изданнымъ имъ памятникамъ сего языка ¹²²⁾, а равно его изслѣдованія: а) „О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что церковно-книжный языкъ есть славяно-булгарскій“ ¹²¹⁾ и б) „О времени происхожденія славянскихъ письменъ“ ¹²¹⁾ представляютъ труды необходимые и поучительные для историка церковно-славянскаго языка. Въ особенности послѣднее сочиненіе богато всякаго рода замѣтками и изслѣдованіями по сему предмету. Таковы напр. его разборы „Житія Вячеславова“ (LXXVI—LXXXVIII), подробное разсмотрѣніе вопроса и мнѣній о народности старо-славянскаго языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разборъ древне-славянскихъ христіанскихъ терминовъ (с. 213 sq. et passim).

Проф. Ѳ. И. Буслаевъ еще въ самомъ началѣ своего ученаго поприща — быть можетъ не безъ вліянія образцовъ нѣмецкой науки — обратилъ вниманіе на одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ древне-славянскаго языка, именно на „вліяніе на него христіанства“ ¹²³⁾, и его отно-

шеніе къ языку готскому. Трудъ его имѣетъ болѣе археологически-бытовой или культурный характеръ, чѣмъ строго формально лингвистическій; нѣкоторыя стороны и вопросы его позднѣе съ большею точностью и опредѣлительностью разсмотрѣны Миклошичемъ (*Christliche Terminologie*), открылось много новыхъ матеріаловъ для дополненій; но въ цѣломъ изслѣдованіи пр. Буслаева доселѣ не замѣнено ничѣмъ лучшимъ и остается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ „опытовъ исторіи языка“, понимаемой не внѣшнимъ образомъ, а въ связи съ движеніемъ жизни и исторіи... Основываясь на сравненіи съ готскимъ переводомъ Библии, предлагающимъ значительные факты для исторіи славянскаго языка въ XI в., пр. Буслаевъ доказываетъ, что славянскій языкъ задолго до Кирилла и Меѳодія подвергся вліянію христіанскихъ идей, что славянскій переводъ Евангелія отличается чистотою выраженія христіанскихъ понятій, происшедшаго вслѣдствіе отстраненія всѣхъ намековъ на прежній, до-христіанскій бытъ, готскій же переводъ Библии — напротивъ, сохраняетъ рѣзкое начало языческое для выраженія христіанскихъ идей. Далѣе — по заключеніямъ г. Буслаева — переводъ Св. Писанія на славянскій языкъ относится къ той порѣ жизни народной, когда въ языкѣ господствовали еще во всей силѣ понятіе о семейныхъ отношеніяхъ, напротивъ — въ языкѣ готскаго и др.-нѣмецкаго переводовъ Св. Писанія замѣчается большее развитіе государственныхъ понятій. Въ исторіи славянскаго языка видимъ естественный переходъ отъ понятій семейныхъ, во всей первобытной чистотѣ въ немъ сохранившихся, къ понятіямъ быта гражданскаго. Столкновенія съ чуждыми народами и переводъ Св. Писанія извлекли Славянъ изъ ограниченныхъ домашнихъ отношеній, отразившихся въ языкѣ, сознаніемъ чужеземнаго и общечеловѣческаго. Отвлеченность славянскаго языка въ переводѣ Св. Писанія усилилась грецизмами, которыхъ у Готовъ было гораздо менѣе. Тѣ. обр. по языку перевода Св. Писанія пр. Буслаевъ пытается составить понятіе о ха-

рактёръ того народа, въ которомъ произошелъ переводъ Св. Писанія, а отчасти и самихъ переводчиковъ¹²⁶⁾... Другой трудъ пр. Буслаева „Палеографическіе и филологическіе матеріалы для исторіи письменъ славянскихъ“¹²⁷⁾, какъ было замѣчено выше, с. 62, представляетъ рядъ словарныхъ и грамматическихъ извлеченій изъ церковныхъ рукописей по большей части—русской редакціи. Такой же характеръ матеріаловъ имѣютъ и его филологическія объяснительныя статьи или примѣчанія къ текстамъ, напеч. въ „Исторической хрестоматіи церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ“. М. 1861.

Труды пок. пр. В. И. Григоровича значительны не внѣшнимъ объемомъ и количествомъ, а внутреннимъ содержаніемъ и качествомъ. Къ области исторіи древне-славянскаго языка относятся слѣдующіе собранные въ одинъ небольшой сборничекъ подъ заглавіемъ: „Статьи, касающіяся древняго славянскаго языка“¹²⁸⁾ а): „о значеніи церковно-славянскаго языка“ (многосодержательная, прекрасная рѣчь); б) „о трудахъ, касающихся древняго славянскаго языка до Мелетія Смотрицкаго“—грамматическій текстъ Константина Костенческаго, XV в. и весьма важныя замѣчанія о рецензіяхъ въ правописательныхъ школахъ въ церковно-славянскомъ языкѣ; в) „о древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянской литературы“—съ краткой систематикой и характеристикой рецензій рукописей кирилловскихъ и глагольскихъ и наконецъ—г) „Замѣчаніе о лексикальномъ изученіи рукописей“. Если къ этому прибавить описаніе и замѣтки о языкѣ аеонскаго глагольскаго четверо-евангелія¹²⁹⁾ и такія же замѣтки о языкѣ древне-славянскихъ рукописей, разсѣяанныя въ разныхъ мѣстахъ „Очерка путешествія по евронеиской Турціи“¹³⁰⁾—то будетъ почти все, что писано Григоровичемъ о языкѣ старо-славянскомъ. Есть, впрочемъ, его отлитографированный курсъ грамматики церковно-славянскаго языка (Каз. 1863), гдѣ его ученіе о рецензіяхъ или изводахъ церковнаго нарѣчія

изложено гораздо обстоятельнѣе и пространнѣе, чѣмъ въ вышеозначенныхъ статьяхъ ¹²¹⁾.

¹²²⁾ Таковы, помѣщ. въ Читеніяхъ въ Общ. Исторіи и древностей: а) „Объ одномъ Прологѣ библ. Москов. духов. типогр.“ (1846, кн. 2); б) „Славянорусскія сочиненія въ пергам. сб. Царскаго“ (1848, к. 7); в) „Грамматично исказаніе... Крижанича“ (1848, 1) г) „Московскіе глагольскіе отрывки“ (1859, к. I) и для исторіи отношеній русской рѣчи къ древне-славянско-й: „Чтеніе о житіи Бориса и Глѣба“, съписаніе Нестора (1859, к. I); „Сказаніе и страсть, и похвала Бориса и Глѣба“ (1870, к. I).

¹²³⁾ Журналъ Минист. Народн. Просв. 1843, № 6, стр. 130—168.

¹²⁴⁾ Москва, 1855. 8⁰, с. 381+CXV.

¹²⁵⁾ „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ. Опытъ Исторіи языка по Остромирову Евангелію“, М. 1848, 8" с. 211. Образцомъ Буслаеву, кажется, послужило сочиненіе Рудольфа Раумера: „Die Einwirkung des Christenthums auf die althochdeutsche Sprache“, Stt. 1845, а важнѣйшимъ пособіемъ извѣстное изданіе Габеленца и Лэбэ: „Ulfilas ueteris et noui testamenti Gothicae fragmenta“ 2 v. L. 1843—7. Скажу здѣсь встать, что тотъ, кто захотѣлъ бы переислѣдовать вопросъ въ буслаевскомъ направленіи, найдетъ по отношенію къ языку готскому прекрасную программу въ мемуарѣ Вейнгольда: „Die Gotische Sprache im Dienste des kristenthums“, Hal. 1870, и основательнѣйшее разсмотрѣніе готскихъ христіанскихъ терминовъ въ сочин. Крафта: „Die Anfänge der christlichen Kirche bei den germanischen Völkern“, I Bd.

Ber. 1854, особ. 261 стр. по 326. Ср. Hoffmann's, C. Gothische Conjecturen und Wort-erklärungen“ въ Pfeiffer's Germania VIII, с. 1 sq.

¹²⁶⁾ „О вліяніи Христіанства“ и т. д. стр. 210—11, извлечено изъ „Положеній“.

¹²⁷⁾ Въ книгѣ „Матерьялы для исторіи письменъ, восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ М. 1855, f^o стр. 1—58. Юбилейное изданіе Московскаго Университета.

¹²⁸⁾ Казань, 1852, 8°, с. 108. Помѣщено также въ 1 книгѣ „Ученыхъ Записокъ“ Казанскаго Университета на 1851 г. Статья: „О древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянскихъ“ — въ Извѣстіяхъ II отд. Акад. Наук., т. I, стр. 86 sq. и въ Исслѣдованіяхъ и замѣчаніяхъ о древнихъ памят. Старослав. литературы, Спб. 1856, 8°, с. 8 sq.

¹²⁹⁾ „Извѣстія II Отд. Ак. Наукъ т. II, с. 241 sq. и „Исслѣдованія и замѣчанія“, и т. д. с. 87 sq.

¹³⁰⁾ Хорошее первое изданіе: Казань (1848) 8°, с. 214, а также и въ Учен. Записк. Казан. Унив. 1848, к. 3.

¹³¹⁾ Замѣчанія о рецензіяхъ церковно-славянскихъ рукописей, сдѣланныя такимъ знатокомъ ихъ, каковъ былъ пок. В. И. Григоровичъ — очень важны; потому я позволю себѣ здѣсь значительное дословное заимствованіе изъ указаннаго въ текстѣ его литографированнаго курса.

„Съ X—XIV в. мы замѣчаемъ только попытки ввести различныя рецензіи въ языкѣ, измѣнявшемся время отъ времени отъ вліянія иныхъ нарѣчій. Эти рецензіи не были случайно-стью, онѣ были дѣломъ сознательнаго изученія,

чтобы согласить способъ писанія съ мѣстными произношеніями. У насъ церковь заботилась не только о содержаніи, но и о формѣ книгъ. Справщики существовали уже въ XVI в. Тоже думаю — могло быть и въ Болгаріи, которая стремилась къ духовной независимости, гдѣ въ X вѣкѣ былъ независимый Архіепископъ. Очевидно, что она должна была думать о церковныхъ книгахъ, Греки же не могли этимъ заниматься. Когда Болгарія ослабѣла въ борьбѣ съ Греціей въ началѣ XI в., то церковь болгарская была поручена епископу греческому. Вѣроятно въ это время, когда церковью управляли греческіе епископы — и возникли рецензіи. Въ концѣ XII столѣтія, когда Болгарія возстала при Асѣнѣ, она возникла не только какъ политическое государство, но возобновила также и независимость церковную, въ Терновѣ былъ основанъ патріархатъ. Окончательное же его устройство было въ 1204 году. Онъ существовалъ до совершеннаго преобладанія Турокъ надъ Болгарами. Патріархи справляли также церковныя книги. Если Болгары управлялись независимо, то вѣроятно они имѣли независимыхъ справщиковъ, заботившихся о содержаніи и формѣ книгъ. До основанія Терновскаго патріархата, сколько мы знаемъ, и Сербы были управляемы болгарскою іерархіей. Слѣдовательно, книги нужно было писать такъ, чтобы и Сербы могли понимать ихъ. Въ XIII в. Сербы приобрѣтаютъ духовную независимость, а въ XIV в. стали даже управляться своимъ независимымъ патріархомъ, называвшимся патріархомъ всего Иллирика. Естественно, что и патріархъ сербскій не могъ быть равнодушенъ къ просвѣщенію. И дѣйствительно, мы видимъ, что

при патриархатѣ Сербскомъ была особая школа въ монастырѣ Рассавѣ, гдѣ занимались исправленіемъ книгъ (Изводы Рассавскіе)..

Такимъ образомъ всѣ рукописи дѣлятся на слѣдующія рецензіи:

1) Рукописи, принадлежащія, по преданію, Кириллу и Меѳодію. Это первая рецензія. Но такъ-какъ нѣтъ прототиповъ такихъ рукописей, то мы можемъ принять за нихъ тѣ рукописи, въ которыхъ сохранились ясныя слѣды древности. На Кириллицу мы имѣемъ Остромирово Евангеліе, на Глаголиту—Рукопись Клоціанскую или мою рукопись (т. е. т. н. изв. Авонское Четвероевангеліе). Здѣсь въ каждомъ звукѣ видно желаніе выразить его отдѣльнымъ знакомъ, такъ что простые звуки отличаются отъ составныхъ; сверхъ того и тѣ звуки, которые можно назвать бѣглыми, переходными, имѣютъ свои особенныя знаки. Кириллица отличается правильнымъ употребленіемъ ъ и ь, изобилуетъ ренезмами ж, а, ѣ, ѡ и отчетлива въ поставленіи ихъ. Глаголита смѣшиваетъ ъ и ь и употребляетъ большею частію ъ, употребляетъ также ренезмы ж, а, ѣ, ѡ и еще особенныя знаки $\circ\rho = dj$. Это древнѣйшая рецензія. Отъ нея мы имѣемъ весьма немного рукописей, именно кирилловскихъ не болѣе 15 и глагольскихъ до 7-ми.

2) Вторую рецензію я назвалъ бы Охридскою, потому что въ Охридѣ было мѣстопробываніе патриарха болгарскаго. Съ паденіемъ болгаріи письменность стала болѣе и болѣе разнообразиться. Главнѣйшія признаки этой рецензіи слѣдующіе: повсемѣстное употребленіе ъ, юсы же смѣшиваются, т. е.: ж=а, ѣ=и. Знакъ Δ

употребляется часто вмѣсто ринезма. Замѣтно въ этой рецензій стараніе сблизиться съ Глаголитой.

3) Третья рецензія возникла въ древнее время и, вѣроятно — приспособлена для Сербовъ. ь вездѣ, безъ всякаго различія, ж и л смѣшиваются, іотированіе выражается — напр. $\dot{a} = и$, $\dot{e} = ю$; $\dot{u}$, $\dot{y}$ и $\dot{z}$ — нѣтъ, н в часто употребляется какъ м.

4) Четвертую рецензію я назвалъ бы Терновскою, она возникла въ Болгаріи въ XII или XIII столѣтіи. Когда заботливость патріарховъ терновскихъ была устремлена на устройство письменности, то въ этой рецензій возродились всѣ древніе знаки. ѣ и ь смѣшиваются, ринезмы всѣ употребляются promiscue, такъ что ж = л и ж = м. Здѣсь видно желаніе возстановить древнюю рецензію и поправить произношеніе. Эта же рецензія стала сблизаться со второй и третьей. Сербы, задумавъ о церковной самостоятельности, пользовались также этой рецензіей; но мало по малу — изъ болгарской рецензій переступили въ свою, т. е. въ

5) Сербскую, гдѣ ѣ и ь = ѣ и ж = у и ю, л и м = е. Это собственно произношеніе сербскихъ рукописей.

6) Когда Болгары и Сербы распространяли письменность и примѣняли ее къ собственному произношенію, въ это время русскіе стали переписывать у себя рукописи съ болгарскихъ (Остромирово Евангеліе), потомъ — со 2-й рецензій стали примѣнять знаки къ своему произношенію: ѣ и ь какъ и теперь, ж = у и л = и.

Итакъ, мы можемъ допустить шесть разрядовъ рукописей, и это дѣленіе необходимо для обща-

го опредѣленія ихъ характера. Иной можетъ быть допустилъ бы еще болѣе, на основаніи различныхъ варьированій и нюансовъ (такъ!!) но все это зависѣло совершенно отъ личности переписчиковъ. Есть, впрочемъ, довольно важные признаки, которые мы пропустили: напр.: первая рецензія употребляетъ звукъ шт, вторая—щ; ы писалось сначала ѣи, потомъ ѣ и наконецъ ы и т. д. Эти рецензіи отличаются также употребленіемъ какихъ-то знаковъ, но не удареній, потому что рукописи всегда были безъ нихъ. Намъ кажется, что эти знаки были соединены съ фонетикой напр. ѣ, ѣ, ѣ; но во всѣхъ рукописяхъ до конца XIV в. не найдемъ удареній, они возникли позже. Все это относится ко времени до XIV с. послѣ же начинается вліяніе другихъ нарѣчій и наконецъ еще—вліяніе ученыхъ.

49. Самые важные и обширные труды по древне-славянскому языку принадлежатъ И. И. Срезневскому. Такъ имъ изданы: а) полные тексты всѣхъ доселѣ открытыхъ глаголическихъ памятниковъ меньшей величины, а изъ большихъ (четвероевангелій и книгъ евангельскихъ чтеній) значительное количество выписокъ—съ филологическими и палеографическими разборами и объясненіями^{1,2)}; б) „Древніе славянскіе памятники юсоваго письма“, относящ. къ XI, XII, XIII и частію къ XIV в. частію въ полномъ ихъ видѣ, частію въ обширныхъ извлеченіяхъ съ подробнѣйшими филологическими и палеографическими разборами и объясненіями, изслѣдованіями^{1,3)}; в) цѣлый рядъ памятниковъ древне-славянскаго языка различныхъ изводовъ съ такими же филологическими обзорами, разборами и извлеченіями^{1,4)}. Срезневскому не суждено было свести въ одно цѣлое обширные и разнообразныя свои наблюденія: онъ пи-

такъ даже въѣкоторое нерасположеніе къ обобщающимъ выводамъ и заключеніямъ, считая ихъ преждевременными, и охотнѣе устранялъ господствовавшія малоосновательныя мнѣнія и догадки, чѣмъ высказывалъ свои положительныя. Правда, матерьялъ, собранный имъ такъ великъ, его разысканія такъ обширны и точны, что иногда общій выводъ для изучающаго ихъ приходитъ какъ-бы самъ собою; но все же то, что высказано имъ какъ рѣшительное или положительное, какъ-то бѣдно и робко въ сравненіи съ богатствомъ его знаній и разысканій. Разсмотрѣніе памятниковъ юсоваго письма привело Срезневскаго къ слѣдующимъ выводамъ: 1) „и по правописанію, и по выговору, и по употребленію нѣкоторыхъ формъ словъ и ихъ измѣненій, письмо и языкъ юсовыхъ памятниковъ отличается отъ того древняго славянскаго языка, который считается чистымъ и котораго главныя черты въ этихъ памятникахъ повторяются также, какъ и въ древнихъ памятникахъ русскаго письма—въ однихъ болѣе, въ другихъ менѣе правильно. 2) Въ этихъ памятникахъ отклоненія отъ чистаго славянскаго языка не такъ однообразны, что все могутъ быть считаемы особенностями одного и того же нарѣчія; напротивъ того, онѣ должны быть разсматриваемы, какъ указанія на нѣсколько различныхъ нарѣчій, отъ чего различныя, одиѣ другимъ противоположныя особенности встрѣчаются не только въ разныхъ спискахъ одного и того же памятника, но и въ разныхъ частяхъ одной и той же рукописи“; т. е. „въ юсовыхъ памятникахъ, какъ и въ памятникахъ русскихъ и сербскихъ—черты чистаго славянскаго языка виднѣются сквозь отъѣвныя мѣстныхъ нарѣчій. Какія именно были эти мѣстныя нарѣчія, чѣмъ именно отличались одно отъ другаго, какое господствовало, въ какой мѣрѣ какое было важно для языка письменности? На эти вопросы, многозначительные въ отношеніи къ народной образованности—отвѣчать опредѣленно еще невозможно. Можно только не отвергнуть, что въ числѣ ихъ занимали мѣсто между про-

чимъ говоры болгарскіе и Мораво-Словенскіе, и что вліяніе какъ тѣхъ, такъ и другихъ было немаловажно на письменность старо-славянскую. Послѣднее доказывается между прочимъ и памятниками письма русскаго, въ числѣ которыхъ есть не мало, даже и изъ самыхъ древнихъ, очевидно переписанныхъ съ изводовъ юсоваго письма, совмѣщавшихъ въ себѣ особенности разныхъ говоровъ, между тѣмъ какъ на другихъ русскихъ памятникахъ, столько же древнихъ, видно напротивъ того преобладаніе чистаго старо-славянскаго нарѣчія. Древніе памятники глаголическаго письма даютъ также тому доказательства“. . Касательно отечества или происхожденія старо-славянскаго нарѣчія Срезневскій высказался довольно рѣшительно противъ его болгаризма; но отъ прямого положительнаго рѣшенія воздержался. „Принимая во вниманіе — говоритъ онъ — громадное заселеніе Славянъ вмѣстѣ съ обстоятельствомъ образованія языка церковныхъ книгъ, мнѣ кажется, нельзя сказать, что церковно-славянское нарѣчіе было только въ Болгаріи и нельзя назвать его Болгарскимъ. Если разобрать слова старо-славянскаго языка, упоминаемыя у Грековъ и Римлянъ и встрѣчающіяся въ языкѣ Румуновъ и Венгровъ, то окажется, что языкъ старо-славянскій употреблялся на весьма обширномъ пространствѣ, а не въ одной Болгаріи. Болгарскимъ его можно назвать развѣ потому, что старо-славянскій языкъ близокъ къ нему; но почти тоже можно сказать и о близости къ другимъ нарѣчіямъ. Съ другой стороны, имѣя въ виду обстоятельства образованія книжнаго языка, нельзя устранить отъ участія въ немъ Мораво-Словенскаго нарѣчія; потому что переводъ совершился въ Моравіи, и Моравскіе — ученики Константина не могли не внести своего элемента. Предположить, что они совершенно забыли свой языкъ — невозможно“... ¹³⁵) Рѣшительность во мнѣніяхъ (печатно высказанныхъ) Срезневскаго можетъ оставить изслѣдователя въ недоумѣніи, но никогда не введетъ его въ заблужденіе... А это — великое достоинство!

Сверхъ этого разнообразна наблюдёнія и изслѣдованія Срезневскаго надъ составомъ древне-славянскаго языка открываютъ въ исторіи послѣдняго множество новыхъ сторонъ, дотолѣ никѣмъ не подмѣченныхъ, представляютъ много частныхъ открытій, теряющихся для глаза вслѣдствіе ихъ разбросанности и скромной формы. Важность и великое значеніе такихъ наблюдёній для науки исторіи старо-славянскаго языка и филологической критики — объявится вполне только тогда, когда они будутъ систематически классифицированы и сведены въ одно, какъ то сдѣлано А. Н. Пыпинымъ въ отношеніи филолого-палеографическихъ наблюдёній Востокова.

¹³²⁾ „Древніе глаголическіе памятники сравнительно съ памятниками Кириллицы“, Спб. 1866, 8°, с. 298+10 снимк. Изъ III—V т. Извѣстій русскаго Археологическаго Общества отдѣльный оттискъ въ числѣ 100.

¹³³⁾ „Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка“, Спб. 1868, 8°, с. 192+416+24. Первая половина книги занята обзорнѣею памятниковъ въ палеографическомъ и филологическомъ отношеніи: правописаніе, звукоупотребленіе и грамматическія формы каждаго памятника разобраны особо.

¹³⁴⁾ Въ изданіи: „Свѣдѣнія и замѣтки о мало извѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“ Спб. 1867—1879, три тома, помѣщено множество грамматическихъ разборовъ и словарныхъ извлеченій изъ памятниковъ (XI—XV вв.) старо-славянскаго языка въ изводахъ болгарскихъ, сербскихъ, русскихъ и вообще юго-славянскихъ. Нѣкоторые разборы представляютъ образцовое приложеніе филологической критики къ рѣшенію

вопросовъ о происхожденіи и составѣ памятниковъ. Въ послѣднемъ отношеніи очень важно и его изданіе X Слова Григорія Богослова XI в. Извѣстія II от. Ав. Н. т. IV с. 294—312.

¹³⁵⁾ Заимствуемъ эти строки изъ „Чтеній по исторіи славянскаго языка и его нарѣчій“, отлитографированныхъ слушателями И. И. въ С.Петербургскомъ Университетѣ. Здѣсь же умѣстно будетъ вспомнить и то, что сказано Срезневскимъ касательно отличенія и отдѣленія словъ и выраженій чистаго древне-славянскаго языка отъ болгарскихъ и русскихъ: „не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ онъ, что значительная часть учениковъ Константина философа и Меѳодія, по кончинѣ послѣдняго, нашли себѣ пріютъ въ Болгаріи и тамъ продолжали трудъ своихъ учителей, что въ Болгаріи виѣстѣ съ ихъ учениками, каковы были Климентъ и Константинъ, трудиться стали и не ученики ихъ, и такіе, подражатели какъ Іоаннъ экзархъ, Григорій пресвитеръ и другіе, неизвѣстные. Но не подлежитъ ли сомнѣнію, что трудясь въ Болгаріи, продолжатели подвига братьевъ первоучителей и ихъ послѣдователи остались совершенно вѣрными тому языку, который употребляли братья первоучители? Не могли-ли они, не должны-ли были они волей и неволей употреблять слова и выраженія, ходячія въ Болгаріи, не спрашивая себя, употребили-ли бы ихъ или нѣтъ братья—первоучители? Не могли-ли они, не должны ли были они идти въ этомъ отношеніи тѣй же дорогой, какой шли наши русскіе древніе писатели, которые тѣмъ болѣе забывали требованія чистаго старо-славянскаго нарѣчія, чѣмъ проще писали? А если такъ, то изслѣдователь древняго славянскаго языка не

может не потребовать отъ себя выдѣленія того, что долженъ онъ признать старо-славянскимъ, отъ того, что такимъ признать не можетъ и что—по крайней мѣрѣ до новыхъ открытій— долженъ считать древнимъ Болгарскимъ или древнимъ Русскимъ. Это выдѣленіе важно и въ литературномъ отношеніи, и не менѣе также въ отношеніи археологическомъ. Подборъ словъ въ языкѣ Кирилла и Меодія и ихъ учениковъ могъ отличаться отъ подбора словъ, допущеннаго ихъ продолжателями въ Болгаріи и на Руси не только по словамъ общежитейскимъ, но также по словамъ чисто литературнымъ или книжнымъ. Вниманіе къ подбору словъ особенно важно, когда надобно хоть приблизительно опредѣлить независимо отъ правописанія время и мѣсто первоначальнаго написанія памятниковъ“... См. соч. „Мнѣнія о Словарѣ славянскихъ нарѣчій“ Шлейхера и Срезневскаго, Спб. 1866 (Сборникъ II Отд. Ак. Н. т. I, № 2), стр. 19—20.

50. Хотя, подобно Миклошичу—Шлейхеръ посвящалъ свои занятія главнымъ образомъ сравнительному славянскому языкознанію, ¹³⁶⁾ но онъ—естественно—во многихъ случаяхъ долженъ былъ касаться и историческихъ вопросовъ. Его занимала, впрочемъ, не столько та исторія, для которой имѣются прочныя данныя въ памятникахъ, а предшествующія ей стадіи въ историческомъ развитіи языка, постигаемыя, такъ сказать, теоретически и возстановляемыя путемъ искусственной реставраціи, посредствомъ соображенія различныхъ данныхъ въ различныхъ языкахъ. Рядъ такихъ трудовъ его открылся „Ученіемъ о формахъ церковно-славянскаго языка“, изд. въ 1852 г. ¹³⁷⁾. Это—сравнительная обработка данныхъ, заключающихся (отчасти) въ первомъ и въ третьемъ томахъ „Сравнительной

Грамматики“ Миклошича. Во „Введеніи“ къ труду разсматриваются: славянская рѣчь въ отношеніи своемъ къ семьямъ другихъ языковъ индо-европейскаго корня, древне-славянской (=церковный) въ своемъ отношеніи къ прочимъ славянскимъ нарѣчіямъ и церковно-славянское письмо. Слѣдую Шафарыку, Шлейхеръ усвождаетъ старо-славянскому языку болгарское происхожденіе... Основавъ въ 1858 (вмѣстѣ съ А. Куномъ) „Повременникъ“, въ которомъ славянскія нарѣчія занимали одно изъ главныхъ мѣстъ ¹³⁸), Шлейхеръ открылъ его „краткимъ очеркомъ исторіи славянскаго языка“ ¹³⁹), представляющимъ попытку возстановленія жизни славянскаго языка отъ того времени, когда онъ входилъ въ составъ общаго индоевропейскаго языка, до времени уже строгаго историческаго, когда онъ является въ развѣтвленіи на отдѣльныя нарѣчія. Позднѣе, въ 1865 г. Шлейхеръ возвратился къ тому же предмету и переработавъ, распространивъ и измѣнивъ во многомъ свой „Краткій очеркъ“, напечаталъ его уже только по русски въ Запискахъ Академіи Наукъ ¹⁴⁰). Эти работы относятся къ области палеонтологіи славянскаго языка. Къ исторіи положительной принадлежитъ провѣрка лингвистическими данными Копитара—Миклошичевой теоріи словинскаго происхожденія церковно-славянскаго языка, причемъ Шлейхеръ приходитъ къ убѣжденію, что славянское нарѣчіе не могло быть прямымъ потомкомъ древне-славянскаго (=древне болгарскаго) ¹⁴¹).

Изъ разнообразныхъ и многополезныхъ трудовъ по славянскому языкованію пр. М. Гатталы назовемъ здѣсь только тѣ, которые прямо и непосредственно касаются языка старославянскаго, таковы: а) „Объ отношеніи древне-славянскаго языка (по Гатталъ = древнеболгарскаго) къ нынѣшнимъ нарѣчіямъ славянскимъ“, б) „О носовыхъ звукахъ въ болгарщинѣ вообще и въ частности въ языкѣ новоболгарскомъ“, в) „О перемѣнѣ смежныхъ согласныхъ (группъ согласныхъ) въ славянскихъ нарѣчіяхъ“

и наконецъ г) „Очищеніе языка чешскаго“¹⁴²⁾ Последній трудъ даетъ гораздо болѣе, чѣмъ можно заключать по названію: въ немъ очень много важныхъ замѣчаній для исторіи славянскаго языка вообще и для оцѣнки чужеземныхъ стихій въ немъ. Рѣзкій, иногда поспѣшный и мало осторожный по отношенію къ лицамъ. Гаттала въ своихъ трудахъ всегда осмотрителенъ, провинцателенъ и основателенъ въ заключеніяхъ и оцѣнкѣ данныхъ языковъ. Высокое ученое достоинство ихъ для славянскаго языковѣдѣнія не подлежитъ сомнѣнію¹⁴³⁾.

¹⁴⁶⁾ Довольно полное перечисленіе трудовъ Шлейхера находится въ книгѣ: „Мнѣнія о словарѣ славянскихъ нарѣчій — Шлейхера и Срезневскаго“ Спб. 1866, с. 41—8 (Сборн. II отд. т. I, № 2).

Изъ трудовъ по сравнительному славянскому языковѣдѣнію здѣсь могутъ быть названы: „Das Futurum im Deutschen und Slavischen въ Zeits. f. vergl. Sprachfor. т. IV, с. 187—197; „Ueber v (—ov-, —ev-) vor den Casusendungen im Slavischen,“ Sitz. Ber. der Wien. Acad. 1852, Н. II, и отдѣльно; „O Infinitivě a supinim w jazyku Slowanském“ въ Časop. Česk. Mus. 1849, III, 153—157 и три статьи въ приложеніи къ его сочиненію: „Die Sprachen Europas 1850, стр. 244—265: 1) Was entspricht im Littauischen dem altslawischen ъ и ѣ; 2) „Ueber das Supinum im Slawischen“; 3) Ueber einige participialformen im Slawischen“; наконецъ сюда же относятся и славянскіе отдѣлы 'его знаменитаго „Compendium'a der vergleichendem Grammatik“ 2-е изд. 1866.

¹⁴⁷⁾ Formenlere den kirchenslawischen Sprache erklärend und vergleichend dargestellt. Bonn, 1852, 8°, с. XXIII—376.

¹⁰⁸⁾ Beiträge zur vergleichende Sprachforschung auf den gebiete der Arischen Celtischen und Slawischen Sprachen“, доселъ VII т.

¹⁰⁹⁾ „Kurzer Abriss der Geschichte der slavischen Sprache“, Beiträge z. v.-s. I, p. 1—27.

¹¹⁰⁾ „Краткій очеркъ доисторической жизни сѣверо-восточнаго отдѣла индо германскихъ языковъ“, Спб. 1865 (какъ приложение въ VIII т. Записокъ Ак. Н.) p. 64.

¹¹¹⁾ „Ist das Altkirchenslavische — Slovenische“, Beitr. 2. v. Spr. I. 319—327.

¹¹²⁾ а) „O poměru cyrilliciny k nynějším nářečím slovanským“ въ Časop. Česk. Mus 1855, I, p. 81—104.

б) „O nosnih samoglasih u bugarštini u obče i napose u novaj“ въ Kníževnik, Ag. 1865, II, p. 414—421, 461—476.

в) „De contiguarum consonantium mutatione in linguis slaviciis“, Pr. 1865, 4°, p. 104. Эта статья вызвала реплику со стороны Лескина: „Zur neuesten Geschichte der slavischen Sprachforschung“ въ Beitr. z. vergl Spr. V, p. 403—444; на что со стороны Гаттала последовала дуплика въ брошюрѣ: „August Schleicher und die slavischen Consonantengruppen“ Pr. 1869, 8°, 94 p. Полемикою ни Лескинъ не уменьшилъ достоинствъ изслѣдованій Гаттала, ни Гаттала не увеличилъ ихъ..

г) „Brus jazyka českého“, „přispěvek k dějinám osvěty vůbec a slovanské i české zvláště. P. 1877, 8°, IV+304.

¹¹³⁾ Иные труды его по сравнительному славянскому языкознанію — суть:

а) Zvukosloví jazyka staro i novo českého a

slovanského, P. 1854, 8°, VIII+112.

б) Srovnovací mluvnice jazyka českého a slovanského, Pr. 1857, 8°, p. XXII+336.

в) Posouzení Fr. L. Čelakovského: „Čtení o srov. mluvn. slovanské“ вь Časop. č. Mus. 1854, p. 103 -- 142.

г) „O Ablativě v slovaněine a litvaněině“, Časop. č. Mus. 1857, 227—251; 564—581. 1858, 347—357, 519—533 и отд. Pr. 1858.

д) Početne skupine suglasah hrvatskih v srbskih“ вь Rad jugoslavenske Akad. IV, p. 104—175 и отд. Ag. 1868.

51. Труды по древне-славянскому языку В. В. Ягича — хотя и не имѣютъ систематическаго общаго, обнимающаго какой нибудь цѣльный отдѣлъ языка — характера, тѣмъ не менѣе и разнообразны и — что всего важнѣе — исполнены съ отчетливостью и полнымъ вниманіемъ къ современнымъ требованіямъ историко-сравнительной филологической науки. Таковы его обширные разборы языка а) Ассеманова и б) Зографскаго глаголическихъ Евангелій, его разборъ языка в) древняго славянскаго перевода Евангелія вообще, его г) филологическія объясненія къ памятникамъ Юго-славянскій письменности, имъ же изданнымъ вь Сборникѣ юго-славянскій Академіи ¹⁴⁴), таковы его разныя изслѣдованія и замѣтки вь издаваемомъ имъ „Архивѣ славянскій филологіи“ (перечень важнѣйшихъ изъ нихъ находится ниже, подъ числами 51 и 55). Изслѣдованія Ягича отличаются строгостью и достовѣрностью лингвистическаго метода. Этимъ — естественно — опредѣляется ихъ цѣна и значеніе.

Происхожденіе и историческое образованіе древне-славянскаго языка было — наконецъ — предметомъ разсужденій г) Ламанскаго вь его ст. „Непорѣшенный вопросъ“ ¹⁴⁵). Г. Ламанскій подвелъ такъ сказать итогъ

тѣмъ понятіямъ о предметѣ, къ которымъ привело Срезневскаго тщательное изученіе памятниковъ старо-славянскаго языка. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и пришелъ къ гипотезѣ объ искусственомъ происхожденіи языка старо-славянскаго. Гипотеза вѣроятная, заслуживающая полнаго вниманія, а потому умѣстно будетъ остановиться на ней нѣсколько долѣе. чѣмъ мы обыкновенно дѣлали съ другими вопросами: „Какъ нарѣчіе македонскихъ Славянъ, языкъ св. Кирилла, Меѳодія и Климента въ IX—X вѣкахъ, не могло быть тождественно съ нарѣчіемъ задунайскимъ, завоеванныхъ Болгарами Славянъ, такъ еще болѣе должно было быть различіе между языкомъ македонскимъ, моравскимъ и паннонскихъ Славянъ, къ которымъ, по приглашенію ихъ князей Ростислава и Коцела, перенесли свою учительскую дѣятельность изобрѣтатель славянской азбука, его братъ и ихъ ученики, уроженцы Македонскіе. Частью съ намѣреніемъ, дабы быть понятіею новой средѣ, отчасти невольно и безсознательно, подъ неизбѣжнымъ и неотразимымъ вліаніемъ новой среды, Македонскіе проповѣдники въ вышней и нижней Моравіи мало-по-малу воспринимали въ свою устную и письменную рѣчь новыя обороты и выраженія, необычныя въ Македоніи и необходимыя въ жизни Славянъ Моравскихъ. Такъ, въ первые же годы появленія славянскихъ апостоловъ съ ихъ учениками въ Моравіи значительно видоизмѣнился въ ихъ устахъ и писаніяхъ ихъ отечественный или, по крайности, тотъ славянскій языкъ, на которомъ они проповѣдывали Славянамъ слово Божіе. Оставаясь языкомъ славянскимъ, онъ переставалъ быть нарѣчіемъ чисто-Македонскимъ и въ то же время не дѣлался чисто-Моравскимъ. Въ создавшійся тогда письменный церковный языкъ Славянъ особенности нарѣчія Моравскаго должны были быть вносимы во множествѣ новыми учениками св. Меѳодія, природными Мораванами. Чтобы яснѣе себѣ представить совершавшійся тогда процессъ образованія этого письменнаго языка, перенесемъ мысленно въ Мора-

вію Ростислава и Святополка. Подъ благотворнымъ вліаніемъ славянскихъ апостоловъ, подъ покровительствомъ Ростислава (въ первое время), Святополка и многихъ анатинныхъ и богатыхъ Моравянъ, при сильномъ негодованіи и ропотѣ нѣмецкаго духовенства Моравіи въ ней возникаетъ небывалая прежде среда первыхъ славянскихъ писателей и ученыхъ, сочинителей, переводчиковъ и писцовъ. Въ общихъ рабочихъ вельяхъ этихъ Климентовъ, Наумовъ, Гораздовъ и другихъ неизвѣстныхъ намъ труженниковъ, нерѣдко происходятъ живныя бесѣды и пренія объ употребленіи того или другаго реченія, той или другой формы грамматической, того или другаго способа написанія извѣстнаго звука или слова. Пришлие Македонскіе уроженцы упорно отстаиваютъ и защищаютъ чистоту своихъ македонскихъ формъ и оборотовъ противъ своихъ учениковъ уроженцовъ Моравіи, которые желаютъ вытѣснить и замѣнить эти македонизмы своими моравскими формами и выраженіями. Очень правдоподобно, что при этомъ консерватизмъ Македонянъ нерѣдко одерживалъ верхъ надъ нововведеніями Моравскими, благодаря не только авторитету общаго наставника Мееодія, но и той помощи, которую могли оказывать Македонянамъ нѣкоторые его ученики изъ паннонскихъ Славянъ, изъ Словинцевъ, княжества Коцела. Часто конечно, бывало, что Македонское выраженіе или форма, не совсѣмъ понятныя Моравянину или Словаку, были ясны и просты для разумнѣша Словинца. Такъ въ не долговременный, но плодотворный періодъ славянской образованности, со времени изобрѣтенія славянскихъ письменъ св. Кирилломъ до кончины св. Мееодія и разсѣянія его учениковъ по землямъ юго-славянскимъ и на сѣверъ (когда-же бы иначе Угорская, Буковинская и Галицкая Русь приняли христіанство?), въ этотъ періодъ уже положено было твердое начало образованія письменнаго церковнаго языка нашего, разговорнаго и книжнаго органа образованныхъ, ученыхъ Славянъ изъ различныхъ племенъ и земель. Это

было не одно какое-нибудь известное нарѣчіе, какъ оно употреблялось въ устахъ того или другаго мѣстнаго населенія великой родины славянской, это былъ уже языкъ книги, органъ отвлеченной мысли, тѣмъ болѣе удалявшійся отъ безсознательности и непосредственности народнаго говора, что онъ при самомъ рожденіи своемъ началъ быть обрабатываемъ учеными и писателями различныхъ племенъ славянскихъ“¹⁴⁶⁾. Предположеніе г. Ламанскаго - имѣютъ основанія и потому немалую цѣнность. Приходится только сожалѣть, что они остались безъ прочныхъ ученыхъ доказательствъ; ибо что далѣе говоритъ авторъ, то уже не относится къ наукѣ, а къ области гаданій греко-славянскаго свойства, причежь и методъ употребляется не научный, а, по его обыкновенію, греко-славянскій.

¹⁴⁴⁾ а) его „Вазргава“, грамматическая лексикальная и критическая о Ассеманіевомъ Евангелии помѣщена въ предисловіи къ изданію послѣдняго, сдѣланному Рачкимъ: „Assemanov ili Vatikanski Evangelistar, Zagr. 1865, р. ХП—С. Впрочемъ—послѣ того, какъ доказано, что изданіе Рачкаго не вполне отвѣчаетъ требованіямъ филологической критики—и заключенія Ягича нуждаются въ нѣкоторыхъ (не важныхъ впрочемъ) поправкахъ.

б) „Studien über das altslovenisch—glagolitische Zographos Evangelium“ въ Archiv für slav. phil. I, р. 1—55 и II, р. 201—269. Cf. также предисловіе къ его изданію „Зорграфскаго Евангелія“ Бер. MDCCLXXIX, 4°.

в) ст. „Evangjelije u slovënskom prievodu“ въ кн. „Tisućnica s. Cirila i Metoda“. Zag. 1863, р. 31—66.

г) въ Сборникъ: „Starine“ книги V, VI, IX—рядъ памятниковъ подъ заглавіемъ: Opisi

i izvodi iz nekoliko južnoslovenskih rukopisa* и
отдѣльно три книги 1873—7.

¹⁴⁵⁾ Журналъ Минист. Народ. Просв. 1869,
№ 1, стр. 122—163.

¹⁴⁶⁾ Ibidem, p. 125—f.

52. Изслѣдованіе древне-славянскаго языка шло въ
разныхъ направленіяхъ: одни разрабатывали отдѣльные во-
просы или группы отдѣльных вопросовъ сравнительно-исто-
рически, другіе извлекали, систематизировали матерьялъ
отдѣльных памятниковъ въ грамматическомъ или словар-
номъ отношеніи, наконецъ, третьи пытались воспользоваться
данными языка для рѣшенія бытовыхъ, историко-культур-
ныхъ вопросовъ или же съ такой точки зрѣнія разсматри-
вали извѣстные отдѣлы словарнаго матерьяла.

I. Къ первымъ принадлежатъ изслѣдованія: а) Лес-
кина — „о воеализмѣ средне-болгарскихъ памятниковъ“;
б) Шолфина: „о склоненіяхъ паннонско-словенскихъ па-
мятниковъ древне-церковнаго славянскаго языка; в) Яги-
ча: „о звуковомъ значеніи носоваго ж въ древне-болгар-
скомъ“; г) Лудвига: „о нѣкоторыхъ носовыхъ формахъ
въ древне-славянскомъ“; д) Потебни: „о первоначаль-
номъ звуковомъ значеніи славянскихъ носовыхъ“; е) Лес-
кина: „о значеніи ѣ и ѣ въ такъ называемыхъ древне-
славянскихъ памятникахъ церковнаго языка; ж) Голова-
чевскаго „о звуковомъ значеніи глаголическаго ѣ“.
з) Кожосова: „отношенія гласныхъ звуковъ въ старо-
славянскомъ языкѣ“ и „о звукѣ ы и его отношеніи къ
оу въ старо-славянскомъ“..

II. Ко вторымъ относятся:—1) тщательный трудъ
А. С. Будиловича о языкѣ знаменитаго древне-славян-
скаго перевода словъ Григорія Богослова XI в.; 2) Гор-
скаго и Невоструева—словарныя и грамматическія
извлечения изъ различныхъ памятниковъ старославянскихъ
въ „Описаніи славянскихъ рукописей Синодальной бібліоте-

ки"; 3) Невоструева — грамматическія извлеченія изъ древняго слова Ипполита объ Антихристѣ; 4) И. И. Срезневскаго — словарныя выписки изъ древняго толковаго перевода Пророчествъ; 5) Воскресенскаго — разборъ языка древне-славянскаго перевода Апостола; 6) Малинина — разборъ языка сборника извѣстнаго подъ именемъ Златоструя; 7) В. И. Срезневскаго — изслѣдованіе языка древне-славянскаго перевода Псалтири; 8) о. арх. Амфилохія: Словарныя извлеченія и выписки изъ Пандектовъ Антиоха XI в., Евангелій — Юрьевскаго 1118—28 и Архангельскаго 1092, Сербскаго Овтоиха XI (? XIV в.); 9) Ягича: замѣтки о языкѣ Михановичева отрывка глагольскаго апостола ¹⁴⁷⁾. Многіе изъ сихъ трудовъ суть только матерьялы, иногда очень тщательно и разборчиво сведенные и размѣщенные, иногда въ сѣромъ видѣ и безъ должнаго выбора; но польза и значеніе ихъ для исторіи славянскаго языка и филологической критики не можетъ — кажется — быть вопросомъ.

¹⁴⁷⁾ Ad I: a) Leskien: „Bemerkungen über den Vocalismus der mittelbulgarischen Denkmäler“, Archiv f. slav. Ph. II, 269—288.

б) Scholvin: „Beiträge zur Declination in den pannonisch—slovenischen Denkmälern des Altkirchenslavischen“, Archiv f. slav. phil. II, 482—569.

в) Jagić: „Wie lautete *ъ* bei den alten Bulgaren“, Archiv f. sl. Ph. III, p. 312—357.

г) Ludwig, A. „Ueber einige nasale Formen“ въ Sitzungsberichte d. böhm. Gesel. d. Wiss. Jahr. 1874, p. 169—176.

д) Поттебня, А. А.: Zur Frage nach dem ursprünglichen Lautwerth den slavischen Nasalvocale“, Archiv f. sl. Ph. III, 614—620.

е) Leskien: „Die Vocale *ъ* и *ь* im den

sagenn altslovenischen Denkmälern des kirchenslavischen“ L. 1875, 80, 137, оттиски изъ Berichte d. säch. Ges. d. Wiss. 1875, I p. 35—137.

ж) Головачевскій: Über den Lautwerth des glagolitischen Ѣ“, Archiv f. sl. Phil. 134—141.

з) Колосова ст. въ „Филологическихъ Запискахъ 1871, вып. III, стр. 1—8; и 1872, вып. I—II, с. 27—37.

ad II: 1) Будиловичъ: „Издѣлованіе языка древне-славянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова, по ркп. XI в.“ Сиб. 1871 8°, с. VI+152 и III снимка. Рец. Бодуэна-де-Куртэнэ въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1872, № 8, с. 342—363 и № 11, с. 166—189.

2) „Описаніе славянскихъ рукописей московской Синодальной бібліотеки“ М. 1855—69, 5 книгъ.

3) „Слово св. Ипполита объ антихристѣ въ славянскомъ переводѣ по списку XII в.“ М. 1868, с. 111—188 въ Примѣчаніяхъ. Срав. Запѣт. И. И. Срезневскаго въ книгѣ: Сказанія объ Антихристѣ въ славянскихъ переводахъ, Сиб. 1874, p. 20—2.

4) И. Срезневскаго: „Примѣчанія къ словарнымъ выпискамъ Ѡ. И. Буслаева изъ древняго толковаго перевода Пророчествъ“ въ Матеріялахъ для сравнитель. словаря и грамматики“, Сиб. 1856, т. III, с. 561—571.

5) Воскресенскій: „Древній славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV в.“ Опытъ изслѣдованія языка и текста славянскаго перевода апостола XII—XV в. -М. 1879, 8°, 343+IV.

6) Малининъ: Изслѣдованіе Златоструя по рип. XII в. И. П. биб. Кіевъ, 1878, 8°, с. 420+II, 3 снимка.

7) Срезневскій, Вяч. И.: „Древній переводъ Псалтыри“. Изслѣдованіе его текста и языка по рукоп. XI—XIV в., Спб. 1877, 4°, с. 88+110+4 снимка.

8) о. арх. Амфилохій: а) „Выписки изъ списка Пандекта Антиохова“ XI в., въ Извѣст. II отд. Ак. Н. т. VII, с. 41—8, 147—155, и отд.; б) „Описаніе Юрьевскаго Евангелія“ 1118—28 М. 1877 и при этомъ, особо: „Древле-славяно-греко-русскій словарь изъ Юрьевскаго Евангелія, сличенный съ Евангеліями XI, XII в. и 1270 г. М. 1877, 4°, с. 39; в) Описаніе Евангелія 1092 г. М. 1877, 4°. с. 32+10 таб; г) „О самодревнѣйшемъ Октоихѣ XI в. югославянскаго юсоваго шесма“ М. 1877, f°, XVII+52. См. весьма хорошую рец. Ягича въ Archiv f. Slav. Phil. III, 168—176; д) выборъ словъ изъ древняго славянскаго Кондакаря, издан. подъ заглавіемъ: „о греческомъ Кондакарѣ“, Спб. 1869. 37. Прилож. къ VII т. Записокъ Акад. Наукъ.

9) Jagić: Gradja za glagolsku paleografiju“, пом. въ Rad. jugosl. Akad. t II, 1868, p. 1—35.

53. III. По разработкѣ культурной или бытовой стороны и содержанія древне-славянскаго языка назовемъ:

1) Лавровскаго—: „Коренное значеніе въ названіяхъ родства у Славянъ“, Спб. 1867, 8° с. 118+II. Основательный опытъ славянскои лингвистической палеонтологіи, одинаково важный и любопытный и для лингвиста и для археолога-историка. Нельзя сомнѣваться, что если бы трудъ

нашего слависта былъ извѣстенъ европейскимъ ученымъ —, то, пользуясь указаніями славянскаго матерьяла, въ немъ собраннаго и изслѣдованнаго, такое замѣчательное сочиненіе, какъ книга Дееке: „О нѣмецкихъ именахъ родства“ (Die Deutschen Verwandschaftsnamen... nebst vergleichenden Anmerkungen“. W. 1870, VIII+223, p.)—измѣнило и расширило бы не мало изъ своихъ утвержденій.

2) Морошкина, св.: „Славянскій именословъ или собраніе славянскихъ личныхъ именъ въ алфавитномъ порядкѣ“, Спб 1867, 8^о, с. 108+213. Первая половина книги заключаетъ въ себѣ добросовѣстно и трудолюбиво составленное изслѣдованіе, состоящее изъ трехъ частей: въ первой разсматриваются имена, какъ слова, состоящія изъ извѣстныхъ корней, имѣющихъ извѣстные суффиксы, т. е. грамматически, въ отношеніи образованія именъ;— во второй — понятія, выражаемыя личными славянскими именами, т. е. археологія собственныхъ именъ, обставленная и обычаями, относящимися къ рожденію и нареченію имени; въ третьей — разсматривается вліяніе христіанства и международныхъ отношеній на строй личныхъ славянскихъ именъ. Вторую половину книги занимаетъ Словарь собственныхъ славянскихъ именъ съ обстоятельными ссылками на источники. Какъ по матерьялу, такъ и обработкѣ реальной исторической стороны Именословъ Морошкина — полнѣе и тщательнѣе всего, доселѣ издавнаго въ семъ родѣ Рецензія И. И. Срезневскаго въ Отчетѣ о шестомъ присужденіи награды гр. Уварова, 1863, с. 24—31.

3) Маденауэра: *Cizí Slova ve slovanských řešech*, Vrno 1870, 8^о VII+422. Первое отдѣленіе книги, стр. 15—93, есть обстоятельная критика труда Миклошича „*Fremdwörter etc.*“ (см. выше, подъ числомъ 47): авторъ разсматриваетъ тѣ слова, которымъ Миклошичъ усвоиваетъ чужеземное происхожденіе и которыя — по его (Маденауэра) мнѣнію — происхожденія славянскаго; второе отдѣленіе заключаетъ собранныя авторомъ чужеземныя сло-

ва въ славянской рѣчи. Трудъ—очень важный. Здѣсь замѣчу, что будущій изслѣдователь предмета долженъ непременно воспользоваться трудами (оставшимися неизвѣстными и Миклошичу и Маценауеру) Эбеля (*Über die Lehnwörter der deutsche Sprache* 1856) и Виндлера (*Zusammenstellung der Fremdwörter des Alt und Mittelhochdeutschen nach sachlichen Kategorien*. Zwickau 1865).

4) Будиловича: „Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Изслѣдованія въ области лингвистической палеонтологіи Славянъ“ ч. I Кіевъ 1878, 8^о с. XXII+408+XV. Сія часть обнимаетъ данныя, относящіяся къ внѣшней природѣ. Тотъ кто будетъ помнить, что это первый въ славянской наукѣ обширный опытъ собранія данныхъ, относящихся къ славянской лингвистической палеонтологіи, кто сверхъ этого не предъявитъ слишкомъ строгихъ научныхъ требованій термину: „изслѣдованія“, тотъ найдетъ и признаетъ въ книгѣ А. С. Будиловича въ высокой степени полезный и трудолюбивый сборъ данныхъ, извлеченныхъ изъ многихъ словарей славянскихъ нарѣчій, хотя бы даже ему пришлось разойтись съ авторомъ и въ приемахъ разработки предмета и во многихъ конечныхъ заключеніяхъ. Трудъ—повторяю—заслуживаетъ полной признательности. Рецензіи: Вгійскнер'а въ *Archiv für slavische Philologie* IV, p. 451—4; Бодуэна-де-Куртене, въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ 1879, т. II, № 4, с. 165—206; отвѣтъ Будиловича обоемъ—тамъ же 1880, кн. 2, стр. 295—309.

Сюда же въ нѣкоторомъ отношеніи принадлежить и сочиненіе—

5) Кочубинскаго—„Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій“, Од. 1877—8, т. 1-и 2 I, с. IV+222+90. Попытка на основаніи историческаго и сравнительнаго разбора нѣкоторыхъ гласныхъ и согласныхъ сочетаній въ славянскихъ нарѣчіяхъ рѣшить вопросъ

объ отношеніяхъ послѣднихъ. Авторъ примѣняетъ къ славянской семьѣ мысль Іоанна Шмидта (*Die Verwandtschaftsverhältnisse der Indogermanischen Sprachen*, W. 1872), во многихъ случаяхъ довольно удачно, но едва-ли въ главномъ результатѣ, имѣющемъ характеръ одного отрицанія господствующихъ мнѣній. Ратуя весьма основательно противъ своеволія узкаго сербскаго патріотизма Даничича въ рѣшеніи вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій (въ кн. „Диоба словенскаго језика, В. 1874)—А. А. Кочубинскій самъ впадаетъ въ сѣти того же врага строгой науки и рѣшаетъ вопросъ объ отношеніи русской рѣчи къ прочимъ славянскимъ — догматическимъ императивомъ о прототническомъ первенствѣ его, т. е. не столько научнымъ, сколько патріотическимъ методомъ. Но при всѣхъ частныхъ недостаткахъ своихъ, усиливаемыхъ еще нѣкоторою аподиктической, рѣзкою рѣшительностью тона — трудъ Кочубинскаго заключаетъ въ себѣ обиліе самостоятельно добытаго матерьяла и вѣрныхъ замѣчаній; онъ исполненъ съ совѣстливымъ отношеніемъ къ дѣлу и желаніемъ не пренебречь ничѣмъ, что могло бы послужить къ рѣшенію его задачи. Потому я не могу здѣсь искренно не пожалѣть, что во многихъ статьяхъ основательныя критическія замѣчанія, г. Бодуэна-де-Куртена — были высказаны въ такой малодостойной научной формѣ и съ такимъ прискорбнымъ забвеніемъ долга справедливости и уваженія къ личности разбираемаго имъ автора. См. его рецензію труда Кочубинскаго, подъ заглавіемъ: „Критика и библіографія“. „Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ“... и т. д.. Каз. 1879, с. 47.

Наконецъ — здѣсь мѣсто указать и тѣ немногіе труды, которые посвящены разъясненію вопроса о славянскомъ началѣ въ языкѣ новыхъ Грековъ, таковы — кромѣ статьи Миклошича (см. выше подъ числомъ) — еще слѣдующія:

а) Г. С. Дестуниса: „Матерьялы для разсмотрѣнія вопроса о слѣдахъ Славянства въ нынѣшнемъ греческомъ языкѣ“ въ „Матерьялахъ для Сравнительн. и объясн.

Словаря и Грамматики“, т. III, 354—362 и V, 7—380, 147—160; 241—258.

б) Орбинскаго: „О слѣдахъ Славянства въ языкѣ новогреческомъ въ Журн. Минист. Народ. Пр. 1854, ч. LXXXIII, с. 94—112.

54. Изслѣдованія судебъ старо-славянскаго языка въ различныхъ славянскихъ странахъ были обращены преимущественно на сербскую его область: менѣе существуетъ изслѣдованій, посвященныхъ русской области (о нихъ ниже), еще менѣе, почти ничего — болгарской.

Почти одновременно съ В. С. Караджичемъ, издавшемъ „Примѣри српско-словенскаго језика“, Б. 1857, 8^о, с. 79, представляющіе тексты (не древніе) сербо-церковнаго нарѣчія съ нѣкоторыми замѣчаніями, — появился обширный трудъ А. А. Майкова: „Исторія сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кириллицей, въ связи съ исторіей народа“¹⁴⁸). Книга заключаетъ въ себѣ два отдѣла: историческій (с. 1—306) и языкословный (с. 307—823). Обоимъ отдѣламъ предпосланы вводныя обзорныя памятниковъ. Въ отношеніи языка главной задачей изслѣдователя „было прослѣдить измѣняющееся по вѣкамъ и областямъ состояніе древне-сербскаго языка, отличить его собственные признаки отъ привнесовъ другой, церковно-славянской стихіи и по первымъ опредѣлить степень движенія, которое онъ совершалъ вмѣстѣ съ другими славянскими нарѣчіями, отвѣчая общеславянскому движенію и своимъ собственнымъ личнымъ потребностямъ“. Привожу здѣсь положенія автора, выражающія его конечные выводы по отношенію къ сербскому письменному языку: а) Значки въ древне-сербскихъ памятникахъ двухъ родовъ: внутренніе, выражающіе качество, или количество гласной; внѣшніе, или замѣнительные, заступающіе мѣсто строчной гласной. б) Звукодвиженіе и словодвиженіе древне-сербскаго письменнаго языка вмѣщаютъ въ себѣ два родственныя, взаимодействующія образовательныя начала: церковно-славянское и народное.

Начала эти присутствуютъ въ немъ неравномѣрно, смотря по содержанию, мѣсту и времени памятника. Но въ общей сложности памятниковъ нѣтъ такого времени и пространства, гдѣ бы не было ихъ обоихъ. в) Народное начало есть главный образователь древне-сербскаго письменнаго языка въ кирилловскихъ памятникахъ. Оно исполнено жизни и движенія. Въ немъ встрѣчаются древнѣйшіе признаки, ослабнувшіе или вовсе исчезнувшіе нынѣ, и указывающіе на племенное родство славянъ. нарѣчій и отличительное ближайшее положеніе ихъ другъ къ другу въ старину, переходныя звуки и формы и наконецъ новѣйшіе зарождающіеся, или усиливающіеся признаки. г) Церковно-славянское начало, второй образователь древне-сербскаго письменнаго языка — входитъ въ него безъ движенія, какъ заимствованіе. Оно ближе стоитъ къ народному въ древнѣйшихъ изъ разсматриваемыхъ памятниковъ и отделяется съ теченіемъ времени, становясь замѣтнымъ привнесомъ подъ влияніемъ своей письменности д) Относительно двухъ образовательныхъ началъ, кирилловскіе памятники распадаются на двѣ главныя семьи: восточную и западную. Первая выказываетъ преимущественно свойства восточнаго нарѣчія, вторая — западнаго; первая болѣе удерживаетъ въ себѣ церковно-славянскаго начала, вторая предшествуетъ ей въ развитіи народнаго начала. Общность признаковъ въ обѣихъ семьяхъ — большая въ древнѣйшихъ изъ разсматриваемыхъ памятниковъ и меньшая въ позднѣйшихъ“ ¹⁴⁹). Г. Майковъ ограничился памятниками писанными кириллицей, оставляя въ сторонѣ глагольскіе и латинскіе... Если бы онъ имѣлъ въ виду представить исторію языка въ связи съ внутренней исторіей, бытомъ и образованностью народа — то такое обстоятельство могло затруднить изслѣдованіе и условить важныя пробѣлы и недостатки труда, но исторіи онъ далъ самостоятельное мѣсто, отдѣливъ отъ языка, и въ послѣднемъ хотѣлъ преимущественно опредѣлить: движеніе языка книжнаго, образовавшагося изъ на-

роднаго сербскаго и церковно-славянскаго; его занимали преимущественно вопросы грамматическіе: о движеніи звуковъ языка, объ образованіи грамматическихъ формъ, преимущественно склоненія и спряженія; а потому онъ могъ свободно ограничиться одними кирилловскими памятниками. Нельзя конечно—вспомнивъ о трудѣ Шафарика (выше число 44)—повторить слова О. М. Бодянскаго¹⁵⁰⁾, что „предметъ разработанный сочинителемъ доселѣ былъ еще никѣмъ не затронутъ, что ему первому принадлежитъ честь воздѣланія его, что исторія судебъ древне-сербскаго языка въ его книгѣ составляетъ въ буквальномъ смыслѣ сколько первое, столько же и самобытное произведеніе, что сочинитель не имѣлъ предшественниковъ, и былъ вмѣстѣ и работникомъ, и зодчимъ“, тѣмъ не менѣе будетъ только справедливо, когда мы скажемъ въ согласіи съ тѣмъ же почтеннымъ учителемъ нашимъ, что сдѣланное г. Майковымъ для исторіи сербскаго языка по памятникамъ, Кириллицей писаннымъ—составляетъ очень важное приобрѣтеніе для славянской исторіи и филологіи, потому что выводы, къ которымъ пришелъ онъ, съ одной стороны—совершенная новость; а съ другой—и преждее является въ иномъ, не менѣе неожиданномъ новомъ видѣ..

Весьма обширны и разнообразны труды Ю. Даничича; специально разработкѣ исторіи сербскаго языка посвящены: а) „Словарь книжныхъ древностей сербскихъ“¹⁵¹⁾, или вѣрнѣе объяснительный указатель къ знатному количеству сербскихъ письменныхъ памятниковъ какъ филологическій, такъ и предметный. Произведеніе изумительнаго трудолюбія по точности важное и по отношенію къ исторіи древне-славянскаго языка въ Сербіи, б) „Исторія формъ сербскаго или хорватскаго языка до конца XVII вѣка“¹⁵²⁾. Здѣсь представлена исторія каждой формы сербскаго языка изъ вѣка въ вѣкъ съ постояннымъ указаніемъ на памятники. Есть одинъ существенный недостатокъ въ изслѣдованіи—это изолированность разсмотрѣнія сербскаго языка помимо связи

его съ старославянскимъ различныхъ изводовъ и прочими славянскими нарѣчіями, но „во всякомъ случаѣ—такой исторической грамматики, какъ „Исторія формъ“ Даничича, подробной и составленной изъ однихъ наблюденій по источникамъ—нѣтъ еще ни одного изъ славянскихъ нарѣчій“. Только отчасти родственныи трудъ мы находимъ въ трудѣ пр. Колосова по исторіи русскаго языка (См. ниже).

Не незамѣченнымъ долженъ остаться и написанныи В. В. Ягичемъ общій очеркъ историческаго развитія хорватскаго языка ¹⁵²⁾.

Наконецъ—не мало важныхъ частныхъ изслѣдованій и объяснительныхъ замѣтокъ по старо-сербскому языку (отчасти и болгарскому) церковнаго извода, принадлежащихъ Даничичу, Ягичу, Новаковичу и др.—разсѣяно въ изданіяхъ Юго-славян. Академіи, Гласникъ Сербск. общества, Сербскомъ Лѣтописѣ и Архивѣ для славянскои филологіи.

¹⁴⁸⁾ Москва, 1857, 8⁰, с. IV+845 рец. книги, нап. И. И. Срезневскимъ см. въ кн. „Двадцать седьмое присужденіе Демидовскихъ премій, Спб. 1858, с. 121—127.

¹⁴⁹⁾ См. Журн. Минист. Народ. Просв. 1857, ч. ХCV, № 7, с. 24—6.

¹⁵⁰⁾ Въ его общемъ отзывѣ о книгѣ Майкова, въ Журн. М. Нар. Пр. 1857, ч. ХCV, № 7, с. 22—3.

¹⁵¹⁾ Даничичъ: „Рѣчник изъ книжебнихъ старина српскихъ“, Б. 1863—4, 8⁰, т. I, с. XI+521; т. II, с. 519; т. III, с. 598.

¹⁵²⁾ „Исторія облика српскога или хрватскога језика, до свршетка ХVІІ вијека.“ Б. 1874, 8⁰, с. VIII+398 рецензія труда, написан. Ягичемъ въ Archiv für slavische Ph. I. II, 156—161.

¹⁵³⁾ Jagić: Iz prošlosti hrvatskoga jezika, Književnik I, 1864, p. 332—58.

55. Нельзя оставить безъ вниманія и тѣхъ изслѣдованій, которые хотя и принадлежатъ собственно къ сравнительному славянскому языковеденію, но освѣщаютъ и многія стороны исторіи славянскихъ языковъ и древнеславянского въ особенности. Сюда, кромѣ нѣкоторыхъ упомянутыхъ уже выше, относятся слѣдующіе, болѣе важные по задачѣ или по исполненію:

а) А. Дювернуа: „Система основныхъ элементовъ и формъ славянскихъ нарѣчій“ М. 1872. Неудобопостигаемая система весьма туманно представленная.. Первый трудъ автора: „Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи“, М. 1867—еще неудобопонятнѣе и писанъ кажется не столько для чтенія или ученыхъ, сколько для..—достиженія ученой степени магистра.

б) Leskien: „Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen Sprache,“ W. 1871. Хорошее популярное объяснительное изложеніе Шлейхерова ученіе о старославянскомъ языкѣ, находящагося въ его „Compendium“ ѣ.

в) Geitler: „Starobulharská Fonologie se stálým zřetelem k jazyku litevskému“. Pr. 1873, 8°, с. VI+132. Трудъ во многихъ отношеніяхъ очень хорошій. Есть попытки самостоятельныхъ изслѣдованій. Обстоятельная критика труда Гейтлера была представлена А. А. Потемной въ его послѣдованіи: „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“, Воронежъ. 1876.

г) Leskien: „Die Deklination im slavisch—litauischen und germanischen“ L. 1876, 8° XXIX+158. Введеніе стремится критически защититъ и объяснить шлейхерову теорію историческаго развитія и взаимныхъ отношеній славянскихъ нарѣчій, самое ученіе о склоненіи—стремится фактически опредѣлить то особенное отношеніе, въ какомъ въ общей индоевропейской семьѣ стоятъ литовско-славянская группа къ нѣмецкой. Книга написана въ шлейхеровскомъ направленіи и съ шлейхеровской же архитектурой. Рец. Циммера, въ Jagić's Archiv für slav.

Phil. II, 338—346. Cf. иную замѣтку Лескина о славянскомъ склоненіи въ Archiv f. slav. Phil. III, 108—111.

д) Будиловичъ: „Анализъ составныхъ частей славянскаго слова, съ морфологической точки зрѣнія“, Кіевъ, 1877, 8^о с. 106. Хорошее изложеніе извѣстныхъ данныхъ, главнымъ образомъ - на основаніи труда Миклошича.

е) Jagić: „Ueber einige Erscheinungen des slavischen Vocalismus“ въ Archiv für slavische Philologie I, с. 337—412. По поводу книги I. Шмидта: „Zur Geschichte des indo-germanischen Vocalismus“ (w. 1871—5, 2 v.), въ которой весьма видное мѣсто удѣлено и славянскимъ нарѣчіямъ. Отвѣтъ Шмидта—въ Kuhn's Zeitsch. f. vergleich Sprachfors. V. XXIII стр. 429—457. Древне-славянскому вокализму посвящена и другая ст Ягича: „Über einen Berührungspunkt des altslov. mit dem litav. Vocalismus“. Archiv f. slav. Phil III, 95—111.

ж) Даничищъ: „О т ѣ и д ѣ и исторіи slovenskih jezika“—Rad jugoslavenske Akademiji I, с. 106—123.

з) Крынский: „О носовыхъ звукахъ въ славянскихъ языкахъ“ Варш. 1870, 8^о. вып. I, с. III. Рец. Бодуэна-де-Куртене въ Beiträge z. vergl Sprachforsch. XIII, с. 174—196.

и) Шлейхеръ: „Темы именъ числительныхъ (количественныхъ и порядочныхъ) въ литво-славянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ“, Спб. 1866, с. 69.

к) Шлейхеръ: „Склоненіе основъ на—У—въ славянскихъ языкахъ“ Спб. 1867, 8^о. с. 19.

л) Prusik: „Wie sind die possessiven Adjectiva auf—uj und ovъ und die possessiven Pronomina moj, svoj, tvoj—im slavischen zu deuten“, Wien 1876, 8^о, с. 14 (aus d. Sitzber. d. w. Ak.).

н) Böhlingk: „Ein paar Worte gegen die alt-slavischen Wurzeln mit silbenbildenden r und l“, Bulletin de l'Academie t XXII 1876, p. 312—315. Противъ предисловія ко II т. Сравн. Грамматики Миклошича.

о) Потебня: „О нѣкоторыхъ случаяхъ вліянія небности на согласные звуки“, „Русскій Филологическій Вѣстникъ“ 1879, т. II, № 3, с. 1—44 и № 4, с. 207—232. Это основательное изслѣдованіе есть переработка того, что первоначально было помѣщено въ Archiv für slavische Philol.

56. Въ заключеніе обзора работъ по историческому изученію древне-славянскаго языка мы, кажется съ полнымъ правомъ можемъ повторить слова И. И. Срезневскаго, что „усилія разяснить происхожденіе и судьбы старославянскаго языка у различныхъ славянскихъ племенъ хотя и не привели еще къ полному рѣшенію задачи, но уже освѣтили многое“. Есть уже нѣсколько выводовъ, въ вѣрности которыхъ, кажется, нельзя сомнѣваться:

„Отмѣчены памятники, отличающіеся одни отъ другихъ употребленіемъ буквъ, какъ знаковъ выговора, употребленіемъ нѣкоторыхъ особыхъ словъ и выраженій и особенныхъ грамматическихъ формъ.

Отмѣчено значительное количество признаковъ древнѣйшаго языка ихъ видоизмѣненій по времени и мѣстностямъ.

Отмѣчены разныя наслоенія нарѣчій въ спискахъ древнихъ памятниковъ.

Не преодолены, однако, нѣкоторыя важныя преграды, мѣшающія рѣшенію основныхъ вопросовъ.

Безъ окончательнаго отвѣта остается вопросъ о первичномъ церковномъ языкѣ: въ какой именно странѣ былъ онъ народнымъ, прежде чѣмъ сдѣлался языкомъ церкви и письменности? Остановливаясь на Моравіи, Сербіи, Македоніи, Болгаріи, Панноніи западной и восточной, мѣняли мнѣнія, стоя за каждое, какъ за окончательно вѣрное; многіе вмѣстѣ склонялись одни въ одну, другіе въ другую сторону; склонились было почти всѣ на сторону болгарскаго происхожденія церковнаго языка и принуждены были потомъ отклониться. Все подобное было и остается возмож-

нымъ, мнѣ кажется, всего болѣе оттого, что изъ участниковъ въ дѣлѣ этомъ люди даровитые и вмѣстѣ рѣшительные, настойчивые, вмѣсто того, чтобы своимъ личнымъ трудомъ продолжать разработку памятниковъ и изученіе мѣстныхъ нарѣчій, съ которыми хотѣлось бы сравнивать языкъ церковный, считали добытое изъ памятниковъ даже непробѣренное, достаточнымъ для подведенія общихъ итоговъ наблюдений, и вмѣстѣ съ тѣмъ считали болѣе удобнымъ приискивать къ своимъ предположеніямъ доbazательства подтвердительныя вмѣсто того, чтобы искать строгихъ отвѣтовъ на вопросъ: нѣтъ ли данныхъ, умаляющихъ или и уничтожающихъ научное значеніе принятыхъ предположеній. Къ тому же подборъ доказательствъ о родинѣ церковнаго языка начинаемы были ранѣе, чѣмъ были собраны вѣрныя и достаточно полныя свѣдѣнія о языкѣ предполагаемой родины его, — такъ что когда этотъ мѣстный языкъ узнавался, то предположенія разсыпались въ прахъ... И при самомъ сравненіи древняго церковно-славянскаго языка съ живыми нарѣчіями брались и берутся иногда очень немногія черты, слишкомъ недостаточныя для того, чтобы дѣло сравненія можно было вести къ общему выводу¹⁵⁴⁾...

Недостаточно — скажемъ въ заключеніе — извѣстны еще судьбы церковнаго языка на Руси, Болгаріи, Молдавіи и Панноніи. Недостаточность сія видна изъ того, что одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ, вопросъ о среднеболгарскомъ языкѣ — доселѣ вызвалъ только два частныя изслѣдованія, а вопросъ о вѣкѣ и народности т. е. изв. Реймскаго Евангелія, вызвавъ цѣлую библіотеку изслѣдованій — въ концѣ концовъ остался все-таки неразрѣшеннымъ!

¹⁵⁴⁾ Срезневскаго, ст. „Работы по древнимъ памятникамъ языка и Словесности“, Журн. Мин. Нар. Пр. 1875, № 3, с. 33—34.

Языкъ русскій.

57. Общія историческія соображенія и отзывы о русскомъ языкѣ появляются довольно рано ¹⁵⁵), но собственныя изслѣдованія начинаются не ранѣе сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія, пожалуй даже позднѣе... Всмотриваясь пристальнѣе въ движеніе русской филологіи, нельзя не видѣть, что и въ отношеніи историческаго изученія русскаго языка—первый шагъ или починъ былъ сдѣланъ Востоковымъ; но не его „Русскою Грамматикою“ ¹⁵⁶), а извѣстнымъ уже намъ „Разсужденіемъ о Славянскомъ языкѣ“, которое можетъ быть разсматриваемо, какъ образецъ приложенія историческаго метода къ объясненію стараго языка и его явленій.

Казалось бы, что послѣ того, какъ Востоковъ на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ—установилъ періоды исторіи церковно-славянскаго языка и показалъ, что явленія его должны быть изучаемы не иначе, какъ въ ихъ историческомъ измѣненіи, начиная съ старѣйшихъ, болѣе правильныхъ формъ, сохранившихся въ древнѣйшихъ памятникахъ, и постепенно идя къ позднѣйшимъ,—казалось бы, говорю, этотъ истинно научный методъ найдетъ немедленное дальнѣйшее примѣненіе и усердныхъ продолжателей..., случилось иначе: прошли цѣлыя десятки лѣтъ, прежде чѣмъ онъ былъ понятъ и оцѣненъ по достоинству. Не только практическіе грамматисты, но и лица, бравшіяся за ученое изслѣдованіе отечественнаго языка—оставались или вовсе чужды историческаго метода, или отвѣчали его требованіямъ случайно. Къ послѣднимъ принадлежатъ такіе труды, какъ „Словарь Церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Академіи Наукъ“ ¹⁵⁷) и знаменитыя

въ свое время (нынѣ, впрочемъ, несправедливо забытыя) „Филологическія Наблюденія надъ составомъ русскаго языка“ о. пр. Павскаго¹⁵⁵⁾.

¹⁵⁵⁾ Отмѣтимъ здѣсь нѣкоторыя, болѣе замѣчательныя: С. Бандтке: „Замѣчанія о языкахъ богемскомъ, польскомъ и нынѣшнемъ Россійскомъ“, переводъ въ „Вѣстникъ Европы“ 1815, № 21 и 22, с. 23—35, 118—124; К. Калайдовича: „О бѣлорусскомъ нарѣчій“ въ Сбор. „Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Труды Общества любит. Россійской Словесности“, 1822, ч. I, кн. I, с. 67—80; О. М. Бодянскаго: „Разсмотрѣніе различныхъ мнѣній о древнемъ языкѣ Сѣверныхъ и Южныхъ Руссовъ“ въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета, 1835, № 3, 472—491.

¹⁵⁶⁾ „Русская грамматика А. Востокова: по начертанію сокращенной грамматики полнѣе изложенная, Спб. 1831, 8°, XXIV+408 стр. Было нѣсколько изданій.

¹⁵⁷⁾ „Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный 2-мъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ, Спб. 1847, 4°, т. I—XXII+415; т. 2 с. 471; т. 3,—стр. 589; т. 4, с. 487; второе изданіе (безъ перемѣнъ), Спб. 1867—8, 8°. Превосходная рецен. этого Словаря написана И. И. Срезневскимъ въ Журналѣ Минис. Нар. Просв. 1848. № 3, с. 167—188; № 6, с. 217—251; № 12, с. 161—181. Здѣсь дано мѣсто и оцѣнкѣ иныхъ Словарей, какъ прочихъ славянскихъ нарѣчій, такъ и русскаго языка.

¹⁵⁸⁾ Было два изданія: въ 1841—2, Спб. въ трехъ книгахъ и въ 1850, Спб. въ четырехъ

книгахъ. Изъ рецензій вниманія заслуживаютъ двѣ: пр. Буслая, въ Отечествен. Зап. 1852, № 4, стр. 49 - 76 и № 5, с. 21—48 и С. Лебедева, въ Современникъ 1851, № 8, с. 25 - 44. Рец. Надеждина, пом. въ „Отеч. Запискахъ“, 1844, № 6, с. 33—48 и № 8, с. 17—32—стоитъ не на исторической почвѣ; о рецензій И. Давыдова, Москвитининъ 1843 ч. I, с. 521 sq. II, с. 195 sq; III, с. 178 sq.—можно сказать: „охота смертная, да участь горькая“.. Весьма важны замѣчания на нѣкоторыя стороны труда Павскаго, сдѣланныя О. Бётлингомъ, въ его: „Beiträge zur russischen Grammatik, помѣщ. въ Mélanges russes“, т. II. Spb. 1854, с. 26 - 104: по-русски въ Запискахъ Академіи Наукъ по 1 и 3-му отд. Спб. 1853, т. I, с. 58—124.

58. Изъ этого времени, однако—заслуживаютъ полнаго вниманія попытки Максимовича ¹⁵⁹⁾ и Надеждина ¹⁶⁰⁾, пытавшихся установить на основаніи данныхъ отношенія языка русскаго къ прочимъ славянскимъ. Въ статьѣ Надеждина, писанной по поводу выхода въ свѣтъ Копитарова „Русскаго глоссатора къ Гесихію“ ¹⁶¹⁾, и вполнѣ известной понынѣ только въ нѣмецкомъ текстѣ—весьма замѣчательна попытка привести въ связь историческое движеніе народа съ постепеннымъ развитіемъ книжнаго языка. Исправленіе церковныхъ книгъ было, по мнѣнію Надеждина—ничѣмъ инымъ, какъ борьбой между книжнымъ церковнымъ языкомъ и русскою народною рѣчью, которая брала и взяла перевѣсъ надъ старинными формами.

¹⁵⁹⁾ Первоначально въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1838, № 3, стр. 531 sq. и отдѣльно, подъ заглавіемъ: „Историко-критическое изслѣдованіе о русскомъ языкѣ“. Спб. 1838; потомъ въ Ис-

торіи древней русской Словесности, Кіевъ, 1839, кн. I, с. 96—207; см. Собраніе сочиненій т. III, Кіевъ, 1880, стр. 3—84 и 398—461.

¹⁶⁾ Первоначально въ „Энциклопедич. Лексиконѣ“, изд. Плюшаровъ, т. IX, ст. „Великая Россія“, с. 273—6; потомъ въ „Jahrbücher der Literatur“ 1841, томъ 95, стр. 181—240. Часть сей статьи въ переводѣ въ Жур. Минист. Нар. Пр. 1857, № 2, с. 302—14.

^{16')} В. Коритар: *Nezuchii Glossographi discipulus et epiglossistes Rusus*, Vind. 1840. Статья въ *Jahrbücher d. Liter.* есть именно рецензія сего изданія.

59. Историческое изученіе русскаго языка началось у насъ подъ вліяніемъ „Нѣмецкой Грамматики“ Яв. Гримма, произведенія основавшаго историческое языкознаніе. Впервые это изученіе въ скромныхъ размѣрахъ проявилось у насъ въ замѣчательной по своему времени книгѣ *Θ. И. Буслаева: „О преподаваніи отечественнаго языка“* ¹⁶²⁾, которой вся 2-ая часть посвящена разсмотрѣнію данныхъ исторіи русскаго языка или вѣрнѣе—исторической грамматики и стилистики его. Во многихъ частяхъ книга полезна и поучительна еще и теперь, Въ отношеніи стилистики она представляетъ богатый подборъ фактовъ, извлеченныхъ изъ извѣстныхъ въ то время памятниковъ нашей древней словесности, причемъ многое, темное и загадочное, въ послѣднихъ получаетъ мѣткое объясненіе. Образцовый трудъ г. Каткова: „объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка“ ¹⁶³⁾, хотя въ точномъ смыслѣ и принадлежитъ болѣе къ области сравнительнаго языковѣдѣнія, чѣмъ историческаго, но своимъ внимательнымъ отношеніемъ къ историческимъ даннымъ—занимаетъ очень видное мѣсто и въ послѣднемъ. Оригинальное явленіе въ исторіи русскаго историческаго языкознанія представляетъ трудъ Константина

Аксакова: „Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и рус. языка“¹⁶⁴). Здѣсь сдѣланъ довольно подробный разборъ данныхъ языка, начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ и оканчивая ХУІІ вѣкомъ, съ цѣлью установить и объяснить отношенія между народнымъ языкомъ и церковно-славянскимъ... Опредѣляя свою задачу изслѣдованіемъ стилистической стороны предмета, Аксаковъ не входитъ въ анализъ историческихъ измѣненій въ звукахъ, формахъ и синтаксисѣ: онъ довольствуется общими философскими разсужденіями о формахъ древне-русскаго языка, разсужденіями праздыми и для науки непригодными.

¹⁶²) Первое полнѣйшее и лучшее изданіе въ Москвѣ, 1844, 8^о, ч. I, с. V+335; II, с. III+375; второе изданіе, безъ нужды оскорбленное авторомъ—въ одномъ томѣ, Ibid. 1867, стр. 472.

¹⁶³) Москва 1845, 8^о, с. 257.

¹⁶⁴) Москва, 1846, 8^о, стр. 517 и 4 неп. второе изданіе, въ Полн. Собраніи сочиненій К. С. Аксакова, т. II, М. 1875, стр. 25—388.

60. Въ 1848 году появился замѣчательный во многихъ отношеніяхъ трудъ М. А. Максимовича: „Начатки русской филологіи“, книга I¹⁶⁵), заключающая въ себѣ изслѣдованія объ отношеніи русской рѣчи къ западно-славянской. Кромѣ „Введенія“, въ которомъ разсматриваются системы славянскихъ нарѣчій и степени сродства между ними, въ книгѣ мы находимъ изслѣдованіе о тѣ. изв. Полногласіи и критическій разборъ примѣтъ, которыя русскую рѣчь соединяютъ съ юго-западною. Книга Максимовича, заканчивая его прежнія изслѣдованія о предметѣ—только отчасти можетъ быть отнесена къ историческому языкознанію, такъ какъ она идетъ отъ современнаго состоянія языка и на немъ опирается; тѣмъ не менѣе она не должна быть забыта здѣсь: въ ней, говоря словами

Бодянского — всюду проглядывает наблюдательный ботаник-филолог, подмѣчающій часто такія — по видимому, мелочи, которыя потомъ обращаются въ основу весьма важныхъ явленій.

Историческое вліяніе Польши на языкъ русскій послужило предметомъ особой монографіи г. С. Лебедева ¹⁶⁶⁾. Рѣшеніе его любопытно, но едва ли оно было удовлетворительно даже и въ свое время: авторъ едва-ли былъ знакомъ съ научной разработкой предмета: изъ богатой польской литературы предмета ему извѣстно очень немногое, почти что ничего. Кромѣ того — сочиненіе имѣетъ тенденціозный характеръ, написано на тему о полной умственной и литературной независимости Руси отъ Польши...

¹⁶⁵⁾ Кіевъ, 1848, 8°, с. 211, и въ III т. „Собранія сочиненій, К. 1880, с. 25—155. Къ сожалѣнію вторая книга „Начатковъ“, содержащая въ себѣ изслѣдованія о звукахъ русской рѣчи — исчезла пока, безслѣдно. Что она была написана и даже процензурована цензоромъ — намъ извѣстно изъ частнаго письма автора къ намъ.. Упоминаемая въ нѣкоторыхъ каталогахъ книга Максимовича: „Русская Рѣчь въ сравненіи съ западно-славянскою“ Кіевъ 1845 — въ свѣтъ не была выпущена и вся (за вычетомъ вводной статьи „о значеніи и происхожденіи слова“) вошла въ „Начатки“.

¹⁶⁶⁾ „Историко-критическое разсужденіе о степени вліянія Польши на языкъ и устройство училищъ въ Россіи. Спб. 1848, 8°, стр. 84.

61. Настоящее, строго-методическое изученіе исторіи русскаго языка, начинается съ книги И. И. Срезневскаго: „Мысли объ исторіи русскаго языка“ ⁶⁷⁾. Трудъ этотъ не имѣетъ характера подробнаго, спеціальнаго изслѣдованія предмета, а скорѣе представляетъ сжатое извлеченіе изъ

такого изслѣдованія, но извлеченіе, передающее не одни общіе выводы, а и выборъ изъ историческихъ данныхъ. Во вступленіи къ труду Срезневскій разсматриваетъ общіе законы историческаго движенія или развитія языка и примѣняетъ ихъ къ исторіи языка русскаго: насколько позволяли историческія и сравнительныя данныя, авторъ обозначаетъ черты древняго первобытнаго русскаго народнаго языка въ его составѣ, строѣ и степени развитія формъ, преимущественно со стороны тѣхъ немногихъ отличій, которыми разнился древній народный русскій языкъ отъ старославянскаго (церковнаго). Время XIII—XIV вв. было по мнѣнію Срезневскаго — какъ для народнаго русскаго языка, такъ и для нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчій, временемъ рѣшительнаго перехода къ новому строю, выказавшему рѣзко всѣ свои особенности въ XV—XVI в. Тогда же (т. е. XIII—XIV вв.) образовались мѣстныя отдѣльныя нарѣчія — Великорусское и Малорусское. Затѣмъ авторъ переходитъ къ исторіи языка книжнаго, показываетъ, что хотя онъ и отличался отъ народнаго всегда, но до XIV в. отличія одного отъ другаго заключались болѣе въ привычкахъ слога (мысль эта была въ первый разъ высказана еще г. Катковымъ), чѣмъ въ грамматическихъ формахъ. Рѣзкимъ образомъ книжный языкъ началъ отдѣляться отъ народнаго въ тоже время XIII—XIV в., когда народный русскій языкъ подвергся рѣшительному превращенію своего древняго строя. Въ XIV вѣкѣ языкъ свѣтскихъ грамотъ и лѣтописей, въ которомъ господствовалъ языкъ народный, уже примѣтно отдалился отъ языка сочиненій духовныхъ. Въ памятникахъ XV—XIV в. отличія народной рѣчи отъ книжной уже такъ рѣзки, что нѣтъ никакого труда ихъ отдѣлять... Въ заключеніе авторъ касается вопроса о соотношеніи исторіи русскаго языка съ исторіей русской литературы, но — къ великому сожалѣнію — очень кратко, почти исключительно со стороны ритма и слога. Книгу заключаютъ „дополнительныя Примѣчанія“ (с. 129—210), представляющія

весьма важный и любопытный разбор иностранных словъ въ древнемъ русскомъ языкѣ и образцы переходнаго состоянія западныхъ славянскихъ нарѣчій и русскаго языка изъ памятниковъ XIII—XIV в. съ важными филологическими объясненіями или вѣрнѣе—указаніями постепенныхъ отклоненій отъ древняго строя. Исслѣдованіе Срезневскаго стоитъ на положительной, твердой почвѣ историческихъ и сравнительныхъ данныхъ: первая онъ заимствуетъ изъ памятниковъ книжнаго старо-славянскаго языка, переписанныхъ на Руси въ XI—XIV в., съ русскими отклоненіями изъ памятниковъ народнаго русскаго языка XII—XIV в., на которыхъ совсѣмъ, или почти совсѣмъ не налегло вліяніе книжное, и изъ данныхъ новаго народнаго языка въ его мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ, сохранившихъ во многомъ черты глубокой древности, вторая—онъ беретъ изъ памятниковъ прочихъ славянскихъ нарѣчій, преимущественно чешскаго и сербскаго, какъ болѣе древнихъ... Уже изъ этого сжатаго обзорѣнія труда г. Срезневскаго можно видѣть важность его какъ для филологической науки, такъ и для науки исторіи русской литературы: имъ положены основанія собственной исторіи русскаго языка, столь тѣсно связанной съ исторіей письменности.

¹⁶⁷⁾ Сначала въ Актѣ Импер. С.-Петербургскаго Университета 1849 г.—безъ приложній, потомъ отдѣльно, Спб. 1850, 8°, с. 210. Изъ рецензій, какъ на единственную, имѣющую ученый характеръ, можно указать на ст. профес. **Θ. И. Буслая** въ Отечеств. Запискахъ 1850, № 10, стр. 13—58. Рецензія **И. И. Давыдова** (Отчеты 2-го Отд. Акад. А. 1852 г. с. 320—329) не стоитъ истертаго гроша.

62. Вліяніе „Мыслей“ Срезневскаго незамедлило свазаться въ наукѣ: дальнѣйшему развитію положеній, высказанныхъ въ этой книгѣ, былъ посвященъ трудъ **П. А. Лав-**

ровскаго „О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей“¹⁶⁸), въ которомъ, за историко-филологическимъ введеніемъ, посвященнымъ разсмотрѣнію вопроса о первоначальномъ единствѣ русскаго языка и позднѣйшемъ раздѣленіи его на два нарѣчія, — изслѣдуются отличительныя свойства его въ древнемъ его строѣ, равно принадлежащія всѣмъ областямъ Государства Русскаго, затѣмъ — представляется характеристика стариннаго языка русскаго, образовавшагося послѣ забвенія древнихъ формъ изъ замѣны ихъ новыми, наконецъ — опредѣляются тѣ особенности языка русскихъ сѣверныхъ лѣтописей, которыя отличаютъ его, какъ нарѣчіе мѣстное. Трудъ г. Лавровскаго представляетъ превосходный дополнительный комментарий къ „Мыслямъ“ г. Срезневскаго; наиболѣе самостоятельная часть его касается синтаксическихъ особенностей древняго языка. Къ тому же роду изслѣдованій относятся и два другіе мемуара, П. А. Лавровскаго: „Замѣчанія объ особенности словообразованія и значенія словъ въ древнемъ русскомъ языкѣ“¹⁶⁹) и „О русскомъ полногласіи“¹⁷⁰).

Странности языка „Договоровъ Русскихъ съ Греками“ уже давно обратили вниманіе ученыхъ; установилось убѣжденіе, что „Договоры“ переведены съ греческаго. Подробному филологическому доказательству сей темы посвященъ трудъ Н. А. Лавровскаго¹⁷¹). Онъ видитъ въ Договорахъ византійское вліяніе и во внѣшней формѣ, въ построеніи періодовъ и отдѣльныхъ предложеній, въ синтаксическихъ особенностяхъ, въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ. Объ этомъ трудъ г. Н. Лавровскаго мы еще распространимся впоследствии. Въ 1855 г. проф. Буславевъ издалъ рядъ филологическихъ характеристикъ нѣкоторыхъ рукописей синодальной бібліотеки, подъ заглавіемъ: „Палеографическіе и филологическіе матеріалы для исторіи письменъ Славянскихъ“¹⁷²), къ нимъ пр. Срезневскій прибавилъ нѣкоторыя пополненія¹⁷³).

¹⁶⁸⁾ Спб. 1852, 8°, с. 160 и 2 неп. Рецензія (Корелкина) въ Спеч. Зап. 1843, № 2, с. 27—30.

¹⁶⁹⁾ Извѣстія Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, т. II, 1853, с. 273—291, и Историческія чтенія о языкѣ и словесности, Спб. 1854, с. 195—219.

¹⁷⁰⁾ Матерьялы для сравнительнаго словаря и грамматики, т. V, Спб. 1859, с. 191—240.

¹⁷¹⁾ „О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками“. Спб. 1853, 8°, с. 159.

¹⁷²⁾ Въ книгѣ: „Матерьялы для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ“, изгот. въ столѣтнему юбилею Московскаго Университета. М. 1855, in f° с. 1—58.

¹⁷³⁾ „Матерьялы для сравнительнаго словаря и грамматики, т. III, Спб. 1856, с. 167—171.

63. 1856 г. появилась достопамятная „Записка о древнемъ языкѣ русскомъ“ ¹⁷⁴⁾ М. П. Погодина, достопамятная не своими учеными достоинствами (ихъ въ ней почти нѣтъ), а тѣмъ возбужденіемъ, которое она вызвала въ филологической литературѣ. Погодинъ утверждалъ тождество языка русскаго со старославянскимъ или происхождение перваго отъ послѣдняго, утверждалъ, что до татарскаго времени не существовало ни Малороссіянъ, ни Малороссійскаго нарѣчія, что Великороссіяне—древнѣйшіе поселенцы полянской земли.... Указываемъ важнѣйшія статьи сюда относящіяся или вызванныя филологическими положеніями Записки Погодина:

а) М. А. Мавсимовича: „Филологическія письма“ въ Русской Бесѣдѣ 1856, кн. 3-я, стр. 78—139. Въ высокой степени интересная и содержательная статья. ¹⁷⁵⁾

б) М. П. Погодина: „Отвѣтъ на „филологическія

письма М. А. Максимовича“, въ Русской Бесѣдѣ 1856, кн. 4-я, с. 124—141.

в) М. А. Максимовича: „Отвѣтныя письма М. П. Погодину“, въ Русской Бесѣдѣ 1857, № 2, с. 80—104 ¹⁷⁶⁾.

г) М. П. Погодина: „Отвѣтъ на два послѣднія письма М. А. Максимовича“, въ Русской Бесѣдѣ 1857, № 3, с. 97—107.

д) П. А. Лавровскаго: „Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчїями“, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщ. 1859, № 6, стр. 225—266. Изслѣдованіе очень важное, рассматривающее предметъ исторически.

е) П. А. Лавровскаго: „Отвѣтъ на письма г. Максимовича къ г. Погодину о нарѣчїи Малорусскомъ“ въ журн. „Основа“ 1861, № 8, стр. 14—40.

ж) П. А. Лавровскаго: „По вопросу о Южно-Русскомъ языкѣ“ въ жур. „Основа“ 1861, кн. 11—12, стр. 72—83.

з) М. А. Максимовича: „Новыя письма къ М. П. Погодину „О старобытности малороссійскаго нарѣчїа“ и въ газетѣ „День“ 1863, № 8, 10, 15, и 16 и отдѣльно М. 1863, in 16°, с. 70. ¹⁷⁷⁾ Необходимое дополненіе къ статьѣ „Филологическія письма“.

Сказать, что полемика о старобытности южно-русскаго языка—привела къ опредѣленному рѣшенію вопроса тѣмъ менѣе можно, что этого рѣшенія—нѣтъ и понинѣ, послѣ открытія новыхъ данныхъ, послѣ серьезныхъ изслѣдованій гг. Потебни, Житецкаго и др. но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и не занести ее въ лѣтописи русской исторической филологїи, хотя бы и потому, что чрезъ нее многіе частныя вопросы получили свое освѣщеніе, что она собрала матерьялъ по исторїи языка въ знатномъ количествѣ.

¹⁷⁴⁾ Въ „Извѣстіяхъ II Отд. Акад. Наукъ“ т. V, Сиб. 1856 стр. 70—92 и „Историче-

скія чтенія о языкѣ и Словесности“ Спб. 1857, с. 8—40; статья, перепеч. также въ „Исслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ о русской исторіи“ Погодина, т. VП, 1856, стр. 410—442.

¹⁷⁵⁾ См. также „Собраніе сочиненій“ М. Максимовича, т. III, К. 1880, стр. 183—243.

¹⁷⁶⁾ См. также Ibidem 247—272.

¹⁷⁷⁾ И въ „Собр. сочиненій“ т. III, 273—311.

64. Въ 1858 году появился „Опытъ исторической грамматики русскаго языка“, написан. проф. Буславымъ ¹⁷⁸⁾. Каковы бы ни были недостатки этого труда, замѣченные въ свое время критикой—нельзя не усвоить ему не только важнаго значенія вообще, но и значенія труда, дѣлающаго своего рода эпоху, не замѣннаго пока ничѣмъ лучшимъ, обильнаго матеріаломъ, тщательно извлеченнымъ изъ огромнаго количества памятниковъ, труда—вліяніе котораго чувствуется чуть ли ни въ каждомъ изслѣдованіи, посвященномъ русскому историческому языкознанію или касающемся его вопросовъ. Второй томъ, содержащій синтаксисъ—работа совершенно новая и самостоятельная, ибо авторъ на семъ полѣ не имѣлъ предшественниковъ.

Объ „Исторической Хрестоматіи церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ“—того же автора—мы имѣли случай распространяться выше, на стр. 79

Весьма удачный опытъ приложенія филологической критики текста къ рѣшенію одного историко-литературнаго вопроса представляетъ мемуаръ П. С. Билярскаго: „Замѣчанія о языкѣ сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ, приписываемаго Нестору, сравнительно съ языкомъ лѣтописи“ ¹⁷⁹⁾. Разности словоупотребленія (=слова) въ обоихъ произведеніяхъ ведутъ къ заключенію, что авторы ихъ различны. Работа—небольшая, но отчетливая!

¹⁷⁸⁾ Москва, 1858, 8°, ч. I, с. XL+244; ч. II, с. 428. Второе (1863), третье и четвер-

тое, (М. 1875)—изданія вышли уже подъ заглавіемъ: „Историческая грамматика русскаго языка“, но безъ важнаго „Предисловія“ перваго изданія, заключающаго въ себѣ библиографическій перечень пособій. Рецензій труда было очень много, но вниманія заслуживаютъ только слѣдующія: К. Аксакова, въ Русской Бесѣдѣ 1859, т. V и IV, а равно и въ его „Филологическихъ Сочиненіяхъ (2-й томъ Полн. Соб.) 1875, с. 439—650; П. А. Лавровскаго: „Записка о 2-мъ изданіи I части Исторической Грамматики Ф. И. Буслая, Спб. 1865 г. с. 52. какъ 3-е „Приложеніе“ въ VIII т. „Записокъ Академіи Наукъ“; Майкова въ „Библиотекѣ для чтенія“ 1859, № 10, с. 1—48; № 11, с. 1—50; № 12, с. 1—68; Гатталы въ *Časopisъ česk. Musea*, 1862 I, 84—89; II, 133—160 и IV, с. 323—344 и отдѣльно P. 1862 стр. 56; а равно и въ статьѣ: „Výsledky historickéh o jazykozpytu a mluvnice ruská“, въ *Časop. česk. Mus.* 1864, sv. II, 187—212 и III, 227—249, и отдѣльно. Колосова: „Замѣтки о звукахъ русскаго и старославянскаго языковъ (по поводу 3-го изд. Историч. Грамматики Буслая и т. д. въ „Филологическихъ Запискахъ 1872, годъ XI, с. 1—29 и отдѣльно, Воронежъ. 1872, 8^о. с. 29.

¹⁷⁹⁾ Записки Академіи Наукъ 1862, т. II, стр. 109—120.

65. Самыми важными трудами послѣдняго времени въ области историческаго русскаго языкованія должно признать изслѣдованія проф. А. А. Потебни:

а) „Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка: 1—о полногласіи и 2—о звуковыхъ особенностяхъ рус-

скихъ нарѣчій. Воронежъ. 1866, с. 156, 8°.

б) „Замѣтки о малорусскомъ нарѣчій“. Воронежъ, 1871, с. 134, 8°.

в) „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“ Воронежъ, 1876, с. VI+с. 243 и П т. Варш. 1880, с. 31+70+25.

г) „Изъ записокъ по русской грамматикѣ: I—Введеніе, Воронежъ, 1874, с. 157; II—Составные члены предложенія и ихъ замѣны въ русскомъ языкѣ. Харьк. 1874, 8°, с. 538 ¹⁸⁰).

„Ислѣдованіе о полногласіи“ дѣлаетъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ предшествующими трудами: оно не только значительно увеличиваетъ матеріалъ вопроса, расширяетъ и исправляетъ прежнія рѣшенія, но, опираясь на данныхъ сравнительнаго языковеденія, пытается объяснить, почему полногласіе овладѣло не всѣмъ запасомъ словъ, гдѣ могло бы повидимому появиться, а только частью его, почему оно не явилось въ такихъ, напримѣръ, словахъ, какъ слава, трава, дремать и т. д.

Статья „О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“ самостоятельнымъ путемъ рѣшаетъ важный вопросъ о ходѣ раздѣленія русскаго языка, времени этого явленія и характеристическихъ признакахъ нарѣчій по отношенію, впрочемъ, только къ звукамъ.

Дальнѣйшему развитію тѣхъ же вопросовъ посвящены и „Замѣтки“ и ст. „Къ Исторіи звуковъ“ (№ 6 и в). Последній трудъ снова пересматриваетъ вопросъ о нарѣчійхъ въ древнемъ русскомъ языкѣ и „полногласіи“.

„Записки по русской грамматикѣ“—имѣютъ особый для насъ интересъ во 2-й своей части. Такого стройнаго, методическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ богатаго историческимъ и сравнительнымъ матеріаломъ ислѣдованія надъ синтаксисомъ русскаго языка въ его древнемъ и новомъ видѣ—еще не было въ нашей филологической литературѣ.

¹⁸⁰) За вычетомъ послѣдняго тома, представляющаго отдѣльный оттискъ изъ „Записокъ

Харьковскаго Университета“, всѣ предыдущіе —оттиски изъ „Филологическихъ Записокъ“, изд. г. Хованскимъ въ Воронежѣ 1864—76 гг., а П т. „Къ исторіи звуковъ“—оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“ 1879. Опѣнку сихъ трудовъ И. И. Срезневскимъ см. въ „Запискахъ Академіи Наукъ“ т. XXVII, Спб. 1876, с. 78—121.

66. Трудъ проф. М. А. Колосова: „Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI стол.“ Варш. 1872, 8⁰, с. 190—имѣетъ свою задачу опредѣлить особенности звуковъ и формъ русскаго языка изъ столѣтія въ столѣтіе, отъ первыхъ памятниковъ письменности до XVI в. Это —систематическій и надобно сказать —очень тщательно и добросовѣстно выполненный—сводъ данныхъ, находящихся въ памятникахъ, и лингвистическое объясненіе ихъ... Между прочимъ—авторъ имѣлъ въ виду и потребности филологической критики, желалъ дать возможность опредѣлять время памятниковъ письменности на основаніи филологическихъ признаковъ. Можно, конечно, и не находить вполне удобнаго расчлененія языка памятниковъ по столѣтіямъ; правильнѣе было-бы—на нашъ взглядъ —періоды развитія языка (или измѣненій въ немъ) опредѣлять иными стадіями, чѣмъ столѣтіями, тѣмъ не менѣе, это обстоятельство нисколько не уменьшитъ важности данныхъ, собранныхъ г. Колосовымъ—для филологической критики текстовъ. Книга его въ этомъ отношеніи—доселѣ единственная. Нужно умѣть только пользоваться ею... Пользуясь ею не должно напр. забывать, что авторъ работалъ почти исключительно по печатнымъ матерьяламъ, стало быть во многихъ случаяхъ былъ въ зависимости отъ исправности изданія, отъ умѣнія издателей правильно прочесть и издать тексты. Что неправильности въ чтеніяхъ и изданіяхъ существуютъ—въ томъ, кажется—не можетъ быть сомнѣнія.

Какъ „дополненіе“ къ „Очерку исторіи звуковъ и формъ“ должно разсматривать изслѣдованіе того же автора подъ заглавіемъ: „Загадочные звуки въ исторіи русскаго языка“, Варш. 1876, 8°, с. 43. Такими загадочными звуками въ исторіи русскаго языка пр. Колосовъ называетъ звукъ ы и ѣ. Изслѣдованіе имѣетъ полемическій характеръ, тонъ его не вездѣ отвѣчаетъ достоинству ученаго спора, но фактическія замѣчанія автора представляются основательными и заслуживающими полнаго вниманія, хотя авторъ и не приходитъ къ твердымъ положительнымъ, — а только къ вѣроятнымъ предположительнымъ заключеніямъ.

67. Обойденный пр. Колосовымъ вопросъ о времени раздѣленія русскаго языка на два главныя нарѣчія подвергнутъ былъ спеціальному разсмотрѣнію г. П. Житецкимъ, хотя только съ одной стороны, со стороны — малорусскаго нарѣчія. Сочиненіе Житецкаго носитъ названіе: „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“, Кіевъ 1876, 8°, с. 376. Для рѣшенія вопросовъ о происхожденіи и сущности малорусскаго нарѣчія, г. Житецкій считаетъ необходимымъ итти путемъ исторіи: сначала онъ предлагаетъ теоретическую попытку разграничить древнерусскій языкъ отъ старославянскаго и обоихъ ихъ отъ нарѣчій велико-и малорусскаго. Это приводитъ его къ вопросу о праязыкѣ вообще, праязыкѣ славянскомъ, праязыкѣ русскомъ и отношеніяхъ послѣдняго къ древне-русскому. Темные вопросы рѣшаются г. Житецкимъ путемъ болѣе теоретическимъ, чѣмъ опытнымъ: а потому при всемъ интересѣ и остроуміи его рѣшеній, они не вездѣ имѣютъ строго научный опредѣленный характеръ и ничего не прибавляютъ къ ученымъ достоинствамъ сочиненія. Иное выходитъ, когда авторъ выбирается изъ лабиринта праязычныхъ теорій на путь историческихъ фактовъ: здѣсь онъ идетъ твердою поступью и приходитъ иногда къ выводамъ не только новымъ, но и вѣрнымъ или очень вѣроятнымъ. Во многихъ пунктахъ критика разоидется съ авторомъ:

она можетъ указать не мало положеній, принятыхъ имъ на вѣру, исторически недоказанныхъ и необоснованныхъ (таково напр. одно изъ основныхъ его положеній, что движеніе звуковъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ началось съ паденія глухихъ гласныхъ, что это послѣднее можетъ быть доказано въ древнѣйшихъ памятникахъ даже палеографически и т. д.); но сколько бы ни нашлось такихъ частныхъ недостатковъ въ его трудѣ, — они маловажны сравнительно съ положительными его достоинствами. Разсмотрѣніе исторіи звуковъ малорусскаго языка, наполняющее болѣе двухъ-третьей книги, сдѣлано очень тщательно. Все изслѣдованіе Житецкаго исполнено въ шлейхеровскомъ, болѣе физиологическомъ, чѣмъ историческомъ направленіи; но безотрадно — суровый формализмъ натуралиста — учителя — ученика смягченъ и оживленъ: съ разсмотрѣніемъ вѣшной звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія г. Житецкій соединяетъ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ не только по исторіи русской вѣтви славянскихъ нарѣчій (гл. IV: общіе выводы), но и вообще по славянской древности и языку (ib. и отчасти гл. I). Такое стремленіе связать исторію языка съ исторіею народа — заслуживаетъ признанія, хотя какъ всякаго рода первыя попытки — оно имѣетъ предположительный, теоретическій характеръ, заключаетъ въ себѣ не только много спорнаго, но и прямо неудачнаго. Весьма важны обильныя приложенія образцовъ малорусскаго нарѣчія и говоровъ съ объяснительными примѣчаніями автора. Вообще, несмотря на то, что трудъ г. Житецкаго и не вездѣ имѣетъ строго историческій характеръ и держится почвы положительнаго знанія, онъ и по обширности изслѣдуемыхъ вопросовъ и задачъ, по добросовѣстному и такъ сказать любовному отношенію къ дѣлу, и по очень многимъ удачнымъ частнымъ рѣшеніямъ, представляетъ весьма замѣчательную и не мало въ научномъ отношеніи полезную работу. обстоятельныя рецензіи труда г. Житецкаго принадлежатъ: В. В. Ягичу въ Archiv für slav.

Phil. II, с. 348—363 и А. А. Потебнѣ въ Отчетѣ о Двадцатомъ присужденіи Уваровскихъ наградъ, Спб. 1878, с. 764—839.

68. Разработкѣ особыхъ отдѣловъ и частныхъ вопросовъ исторіи русскаго языка, каковы: системы древняго правописанія, исторія отдѣльныхъ звуковъ и формъ языка, исторія словъ или лексиконъ, областныя видоизмѣненія языка какъ въ грамматическомъ, такъ и въ лексикальномъ отношеніи и пр.—посвящено не мало трудовъ и между ними нѣсколько очень замѣчательныхъ. Важность системъ древняго правописанія, необходимость строго отличать приемы его—ясны для каждаго, кто занимался вопросами развитія звуковъ и формъ языка и филологической критикой... Въ сожалѣнію, этотъ важный предметъ вызвалъ доселѣ лишь два небольшихъ труда, скорѣе очерка, чѣмъ изслѣдованій въ строгомъ смыслѣ: одинъ изъ нихъ принадлежитъ Н. А. Лавровскому и находится въ его сочиненіи „О древне-русскихъ училищахъ“¹⁸¹⁾; другой—И. И. Срезневскому¹⁸²⁾. Оба очень важны, но столь кратки, что нельзя не пожелать болѣе подробныхъ. Для Н. А. Лавровскаго вопросъ о древнемъ правописаніи имѣлъ не столько критико-филологическій характеръ, сколько педагогическій, какъ часть старорусскаго „обученія письму“, очеркъ же Срезневскаго есть только начало труда, продолженію и развитію котораго онъ имѣлъ намѣреніе посвятить одинъ отдѣлъ составляемой имъ „славяно-русской палеографіи“.

Кочубинскому принадлежитъ небольшое, но весьма тщательное изслѣдованіе о томъ, „какъ долго жилъ русскій Супинъ“¹⁸³⁾.

Гатталъ — о нѣкоторыхъ историческихъ вопросахъ русскаго письма и звукословія¹⁸⁴⁾...

¹⁸¹⁾ Лавровскій Н. А.: „О древне-русскихъ училищахъ“ Хар. 1854, 8°, стр. 132—171, гл. „Обученіе письму“.

¹⁸² Срезневскій: „О русскомъ правописа-
ніи“ письмо первое, Спб. 1867, ст. 32, и въ
Журналъ Минист. Нар. Просв. 1867, ч.
СХХХІV, с. 449—480.

¹⁸³) Бочубинскій: „Какъ долго жилъ рус-
скій Супинъ“ Ворон. 1872, 8°, с. 12, отд. отт.
изъ „Филолог. Записокъ“ 1872, годъ XI, вып.
IV. 1—12.

¹⁸⁴) Hattala: „Výsledky historického jazyko-
zpytu a mluvnice ruska“ въ Časop. Česk. Mu-
zea, 1864, 187—212 и 227—249 и отдѣль-
но. 8°, с. 48.

69. Историческій Словарь русскаго языка — одна изъ самыхъ существенныхъ, настоятельно необходи-
мѣйшихъ потребностей русской историко-литературной на-
уки: безъ него объясненія и критика памятниковъ пись-
менности—не приобрѣтеть должныхъ, достовѣрно прочныхъ
основаній... Къ сожалѣнію, такой словарь есть еще пол-
ная деэидерата нашей науки. Есть въ литературѣ нѣкото-
рыя подготовительныя къ нему работы, заключающіяся или
въ словарныхъ указателяхъ и глоссаріяхъ къ древнимъ
памятникамъ или въ объясненіяхъ группъ отдѣльныхъ словъ;
но все это труды—частнаго характера. Занимался такимъ
сравнительно-историческимъ словаремъ, какъ извѣстно —
въ послѣднее время своей жизни — С. Б. Линде; но
изданный (П. А. Мухановымъ) отрывокъ изъ сего тру-
да, начало на букву К ¹⁸⁶)—не оправдалъ надеждъ и
заставилъ даже сомнѣваться въ значительности и важно-
сти матерьяла, собраннаго знаменитымъ польскимъ лек-
сикографомъ... Столь же мало отвѣчалъ требованіямъ и с-
торического словаря и изданный въ 1847 г. вто-
рымъ отдѣленіемъ Академіи Наукъ: „Словарь церковно-
славянскаго и русскаго языка (см. выше, число 57 in po-
tis)“. Полный, строго историческій словарь древняго рус-

скаго языка по памятникамъ — извѣстно — былъ составленъ пок. И. И. Срезневскимъ: матерьялъ былъ весь собранъ и въ главныхъ статьяхъ даже приведенъ въ порядокъ. Окончательно обработанными мы видѣли въ 1874 году нѣсколько первыхъ тетрадей¹⁸⁷⁾... Пожелаемъ, чтобы это „наслѣдіе„ нашего знаменитаго ученаго — неукоснительно и въ достойномъ видѣ стало общимъ достояніемъ науки.

Должно также остановиться и на „Толковомъ (словарѣ живаго Велико-русскаго языка“¹⁸⁸⁾“, составл. В. И. Далемъ, потому что при всемъ такъ сказать — современномъ характерѣ своемъ, онъ имѣетъ немалое значеніе и для литературы, и для русскаго историческаго языкознанія. Не входя въ разсужденіе о томъ, въ какой мѣрѣ единичная личность, какъ бы ни были обширны ея знанія и таланты — можетъ быть носителемъ всего запаса языка народа, а слѣдовательно въ какой мѣрѣ выполняема идея Дала составить Словарь на основаніи лишь личнаго единичнаго опыта, — остановимся на томъ, что „Толковый Словарь“ представляетъ въ наличности. Значеніе словъ объясняется въ немъ не сухими, произвольными и бесплодными опредѣленіями, какъ во многихъ объяснительныхъ словаряхъ, а значительнымъ количествомъ синонимовъ и что еще важнѣе — многочисленными примѣрами, взятыми прямо изъ народной рѣчи. преимущественно — пословицами и поговорками. При каждомъ словѣ сначала объясняется широкое значеніе его, затѣмъ значенія частныя, подчиненныя, сродныя и противоположныя. Разсматривая „Толковый Словарь“ съ точки зрѣнія требованій филологической науки, нельзя не замѣтить въ немъ весьма важныхъ недостатковъ: онъ страдаетъ многими невѣрностями въ словопроизводствахъ, онъ нерѣдко сводитъ совершенно различныя слова къ одному корню, нерѣдко предлагаетъ и такія своеобразныя грамматическія опредѣленія, которыя мало отвѣчаютъ современной наукѣ; очень слаба въ немъ также и обработка исторической стороны языка... Но эти, хотя и очень

существенные, недостатки выкупаются другими качествами и достоинствами: а) „Толковый Словарь“ представляет доселѣ самый полный сборникъ словъ живаго велико-русскаго языка въ его различныхъ развѣтвленіяхъ. Для утвержденія или опредѣленія историческаго значенія словъ, а потому и для занятій исторіей языка вообще—этотъ трудъ предлагаетъ пособіе и необходимое и почти всегда надежное, потому что весь основной матеріалъ его добытъ трудомъ личныхъ усилій и опытности автора, или—будучи взяты изъ другихъ—критически проверены имъ на народномъ употребленіи. Есть въ Словарѣ—слова составленныя, образованныя самимъ лексикографомъ, но они допущены лишь въ объясненіяхъ, а не въ основномъ текстѣ; б) Словарь Даля имѣетъ важное значеніе, какъ источникъ историческій: онъ представляетъ итоги внутренней исторіи русскаго народа, выводъ, до котораго дошла она въ своемъ развитіи... Онъ столько же важенъ въ этомъ смыслѣ и для исторіи, сколько и для народности или этнографіи: стоитъ замѣнить словарное расположеніе предметнымъ, и изслѣдователь получитъ въ немъ изображеніе современной жизни русскаго народа, живую картину его современнаго нравственнаго бытія и дѣятельности, его нужды и потребностей, его мыслей, наивныхъ вѣрованій, нравовъ и обычаевъ; в) наконецъ,—Словарь Даля можетъ имѣть немаловажное значеніе для дальнѣйшихъ успѣховъ русскаго литературнаго языка и русскаго литературнаго вообще: предлагая собою чистый источникъ народной рѣчи, онъ можетъ оживить полекшую прозу русскаго современнаго литературнаго языка и до нѣкоторой степени возратить ей образность и свѣжесть, которыя все болѣе и болѣе становятся однимъ преданіемъ...

¹⁸⁵⁾ Въ „Матеріалахъ для сравнительнаго и объяснительнаго Словаря и Грамматикѣ“ помѣщены, въ томѣ I, Спб. 1854: а) Н. Г.

Чернышевскаго: „Опыт Словаря къ Ипатьевской лѣтописи, стр. 512 — 576; б) Протопопова: „Сборникъ словъ изъ Яренскихъ столбцовъ“, стр. 120—144, 198—209; въ томъ П, Спб. 1856; в) П. А. Лавровскаго: „выборъ словъ изъ лѣтописей Новгородскихъ и Псковскихъ с. 1—33; г) А. Н. Пыпина: „Словарь къ Новгородской первой лѣтописи“, стр. 33—126; д) П. А. Лавровскаго: „Замѣчательныя слова изъ Переяславской лѣтописи“, стр. с. 126—128; Ст. Погодина: „Опытъ Историч. объясненія древнихъ словъ“ въ „Извѣстiяхъ II отд.“ П, 328—341 и въ „Историч чтенiяхъ о яз. и словесн.“ т. I, 1854, с. 230—249: Кромѣ сего въ указателяхъ при разныхъ изданiяхъ памятниковъ, въ Предисловіяхъ къ нимъ (напр. въ изд. „Псковской лѣтописи“ Погодина М. 1837 и разныхъ изд. О. М. Бодянскаго); сюда же отчасти относится и кн. Н. Я. Аристовъ: „О промышленности въ древней Руси“. Спб., 1866. Изъ рецензiи Срезневскаго (въ Отчетѣ о восьмомъ присужденiи наградъ гр. Уварова, Спб. 1866, с. 14—16) извѣстно, что г. Носовичъ составилъ весьма важный объяснительный словарь стараго дѣловаго языка западной Руси по „Актамъ“, относящимся къ исторiи Западной Руси“; но сей трудъ — сколько знаемъ — доселѣ неизданъ. Другія попытки въ этомъ родѣ принадлежать: г. Новицкому (Справочный Словарь юридическихъ терминовъ древняго актовaго языка юго-западной Россiи“, Кiевъ. 1871, 8о, 31 стр. и въ Университ. Извѣстiяхъ того же года. Трудъ не филологическаго, а указательнаго характера!) и Горбачевскимъ, въ его изд.: „Словарь

древняго аетоваго языка сѣверо-западнаго края и Царства Польскаго“, Вид. 1874. Матерьяль хорощій, но обработка очень недостаточная и въ филологическомъ и въ историческомъ отношеніи, см. рец. Н. П. Барсова въ „Восьмнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова“, Спб. 1876, стр. 36—53.

¹⁸⁶⁾ Линде: „Матерьялы для сравнительнаго русскаго словаря“, Варш. 1845, 4°, с. XII+24.

¹⁸⁷⁾ Планъ изданія этого Словаря изложенъ пов. Срезневскимъ, „О трудахъ перваго археологическаго съѣзда, М. 1871, I, стр. CXXXIV—CXXXVIII.

¹⁸⁸⁾ Толковый Словарь живаго Велико-русскаго языка. М. 1863—68, 4о, 4 тома. стр. LIV+2388 (въ цѣломъ) и много листовъ „Приложеній“, содержащихъ дополненія. Разборъ, написанный Я. Е. Гротомъ—въ „Филологическихъ Разысканіяхъ“ послѣдняго (изд. 2-е) Спб. 1876, I: стр. 1—60; ср. мою замѣтку въ „Бесѣдахъ Общ. Любителей Россійской Словесности“, П, 1868, М, с. 91—4. Для исторіи Словаря см. ст. А. Н. Пущина: „По поводу толковаго Словаря Даля“ въ Вѣстникѣ Европы 1873, № 12, с. 883—903.

70. Какъ существенная часть исторіи русскаго языка, какъ одинъ изъ важныхъ отдѣловъ историческаго словаря русской рѣчи—должны быть названы „иноземныя слова въ языкѣ русскомъ“. Предметъ сей стоитъ съ исторіей языка и литературы въ болѣе тѣсной связи, чѣмъ можетъ казаться съ перваго взгляда: нигдѣ вліяніе чуждыхъ образованностей на народную жизнь не выступаетъ столь рѣшительно, какъ въ заимствованіяхъ чуждыхъ словъ. Нужно только умѣнье правильно опредѣ-

лять время сихъ заимствованій и степень необходимости или случайности ихъ... Понятно, какое важное подспорье для своихъ рѣшеній получаютъ въ историко-филологическомъ изслѣдованіи чужеземныхъ словъ — наука исторіи литературы, которая стремится къ той же цѣли раскрытія состоянія общественной образованности въ литературныхъ произведеніяхъ даннаго времени, и наука исторіи языка, преслѣдующая между прочимъ отчасти ту же задачу по отношенію къ языку. При филологической критикѣ, при опредѣленіи источниковъ, мѣста и времени происхожденія письменныхъ памятниковъ — разборъ иноземныхъ словъ приводитъ нерѣдко къ весьма важнымъ заключеніямъ...

По разбору иностранныхъ словъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ (см. выше, подъ числами 47, 53) и русскомъ языкѣ въ особенности сдѣлано уже немало: есть спеціальныя изслѣдованія древнихъ словарныхъ заимствованій, отдѣльныхъ словъ и отдѣльныхъ группъ словъ, есть цѣлые словари иноземныхъ, преимущественно восточныхъ — словъ, вошедшихъ какъ въ общій русскій языкъ, такъ и въ областныя его части; но за вычетомъ очень немногихъ спеціальныхъ указаній — большинству сихъ трудовъ недостаетъ прочной исторической основы и приемовъ историческаго изслѣдованія, отчего и самыя сближенія нерѣдко страдаютъ произволомъ, а выводы шаткостью. Самыя важныя, хотя и отрывочныя замѣтки объ отдѣльныхъ словахъ принадлежатъ Срезневскому, Буслаеву, Гроту и отчасти Шлейхеру ¹⁸⁹⁾. Менѣе обстоятельны и менѣе обработаны сближенія русскихъ словъ съ восточными, сѣверными, финскими, предложенныя Эрдианомъ, Григорьевымъ, Казембекомъ, Шегреюмъ, Березиннымъ, Бобровниковымъ, Ковалевскимъ, Петровымъ, Сабиннымъ, Бутковымъ ¹⁹⁰⁾ и др.; но и здѣсь находится очень немало годнаго матерьяла, которымъ наука воспользуется при будущемъ разборѣ дѣла...

¹⁸⁹⁾ а) Срезневскій въ кн. „Мысли объ исторіи русс. языка“, Спб. 1850, стр. 129 sq;

б) Буслевъ: „Иностранныя слова въ славянскихъ нарѣчіяхъ“, въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1867, № 8, стр. 540—560 и отд. от. в. t. 21 стр; в) Гротъ: „Областныя великорусскія слова финскаго происхожденія“ въ кн. „Матер. для сравнит. и объяснит. Словаря“ т. I, с. 65 sq. и въ кн. „Филологическія Разысканія“ Спб. 1876, т. I, с. 470—4; г) его-же: „Областныя великорусскія слова, сходныя съ скандинавскими“ въ „Матерьялахъ для срав. и об. Слов.“ I, 38 sq. и въ „Филол. Разысканія“ I, 456—69; д) его-же: „Сравнительно-филологическія и другія замѣтки о нѣкоторыхъ словахъ“, Матер. I, 113 sq. III, 348 sq.; „Филол. разысканія“ I, 475—482; е) его-же: „Слова, взятая съ польскаго, или чрезъ посредство польскаго“ въ „Филол. Разыск.“ I. 483—6; ж) Шлейхеръ „Краткій очеркъ доисторич. жизни сѣверо-восточнаго отд. индо-германск. языковъ, Спб. 1865, стр. 4—8.

¹⁹⁰. 1) Эрдманнъ. „Изъясненіе нѣкоторыхъ словъ, перешедшихъ изъ восточныхъ языковъ въ Россійскій“. Казань. 1828, 8⁰, 23 и въ „Трудахъ и Лѣтоп. Общ. Ист. и древн.“ 1830. ч. V, стр. 215—245.

2) Григорьевъ В. В. „Областныя великорусскія слова восточнаго происхожденія“, въ изд. „Матерьялы для сравн. Словаря“, т. I, 14 sq. 68 sq.

3) Базембекъ. „Объясненіе русскихъ словъ сходныхъ съ восточными“ въ изд. „Матерьялы“ etc. I, 22 sq, 71 sq. 385 sq.

4) Шегренъ. „Матерьялы для сравненія областныхъ великорусскихъ словъ со словами

языковъ сѣверныхъ и восточныхъ“ въ кн. „Матерьялы для ср. Словаря“, т. I, 145 sq.

5) Березинъ. „Замѣчанія о восточныхъ словахъ въ областномъ великорусскомъ языкѣ“ въ изд. „Матерьялы для словаря“ I, 186 sq. 323 sq.

6) Березинъ. „Нѣсколько замѣчаній объ опредѣленіи иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ“ въ журн. „Москвитянинъ“ 1852, № 8, с. 106—9.

7) Бобровниковъ. „Областные великорусскія слова, заимствов. отъ Монголовъ и Калмыковъ“, въ изд. „Матерьялы для ср. Словаря“, I, 193 sq.

8) Ковалевскій. „Списокъ словъ великорусскихъ, заимствованныхъ изъ монгольскаго“ въ кн. „Матерьялы для ср. Словаря“ I, 377 sq.

9) Петровъ. „Списокъ нѣв. великорусскихъ словъ, сродныхъ или сходныхъ съ восточными“, въ кн. „Матерьялы для ср. Словаря“ I, 81

10) Сабининъ. „Матерьялы для сравненія русскаго языка съ скандинавскимъ“ въ кн. Матерьялы для срав. Словаря II, 129 sq.

11) Бутковъ: „О финскихъ словахъ въ русскомъ языкѣ“... Спб. 1842, 8°, с. 65 и въ „Трудахъ Россійской Академіи“ 1842, ч. V.

Упомяну еще о весьма странномъ ученномъ произведеніи проф. Мухлинскаго: „Zródłosłownik wугазów, które przeszły do naszej mowy z języków wschodnich“ Spb. 1858, 8°, с. 158. Здѣсь уже все идетъ съ Востока.

71. Значеніе областныхъ нарѣчій для исторіи языка давно сознано: съ одной стороны въ нихъ нерѣдко находимъ такіа грамматическія свойства, которыя, уцѣлѣвъ съ

глубокой древности, объясняютъ очень многое темное въ формальномъ строѣ различныхъ историческихъ измѣненій языка; съ другой—областной языкъ сохранилъ еще во многихъ случаяхъ и древнія слова и свѣжія образныя знаменованія словъ, знаменованія древнія, а потому важныя при объясненіи древности вообще и внутренней бытовой стороны исторіи языка ¹⁹¹⁾). Труды по областнымъ нарѣчіямъ начались еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, собирались матерьялы словарные и грамматическіе разными лицами, между прочимъ Макаровымъ, Шаховскимъ, Дмитрювовымъ, Fortunатовымъ, Суровцовымъ ¹⁹²⁾ и въ особенности П. И. Кеппеномъ ¹⁹³⁾). Были попытки приложенія данныхъ областного языка къ разясненію темныхъ терминовъ въ древне-русскихъ памятникахъ ¹⁹⁴⁾— и попытки безуспѣшныя! Въ особенности оживился интересъ къ собранію данныхъ областного языка съ того времени, какъ бывшая „Россійская Академія“ преобразовалась во „Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ“ и трудами по составленію Словаря Церковно-Славянскаго и Русскаго языка была приведена къ мысли о необходимости составленія такого же Словаря областного языка. Составленные по вызову II Отдѣленія Академіи Наукъ—различными лицами по большей части преподавателями гимназій, училищъ и учениками—Сборники областныхъ словъ, сведенные въ одно—явились въ 1852 г. въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря“, а въ 1858 г. появилось полное „Дополненіе“ къ нему ¹⁹⁵⁾). Оба изданія имѣютъ несомнѣнно важное ученое значеніе по богатству собраннаго матерьяла; но послѣднему недостаетъ полной ученой достовѣрности; ибо къ истинному народному въ немъ нерѣдко примѣшивается измышленное, и иногда завѣдомо намѣренно измышленное, или же дурно записанное, а потому—сомнительное. Только при умѣннн отдѣлять истину отъ лжи—возможно пользоваться этими областными словарями надлежащимъ образомъ. Немаловажное значеніе при такой кри-

тической проверки может иметь „Толковый Словарь живаго Великорусскаго языка“ Даля. Гораздо болѣе тщательности въ обработкѣ представляет „Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія“¹⁹⁶⁾, составленный Носовичемъ и даже скромный „Словарь малороссійскихъ идиомовъ“, собранный Н. Закревскимъ¹⁹⁷⁾. Трудъ Носовича въ своемъ родѣ образцовый: „бѣлорусскіе слова объясняются переводомъ на русскій письменный языкъ или описаніями. Отмѣчены и отгѣнки значенія словъ. Къ объясненіямъ словъ приложены почти постоянно примѣры ихъ употребленія изъ живой рѣчи, изъ пословицъ и поговорокъ, изъ пѣсней, сказокъ, прибаутокъ... Матерьялъ драгоценный, въ значительной части новый. Все приведенное на Бѣлорусскомъ нарѣчій, при соблюденіи однообразнаго, вообще хорошо выработаннаго правописанія, обозначено удареніями и другими знаками. Словарь Носовича важенъ и тѣмъ, что только при помощи его „можно начать подробныя разслѣдованія о составѣ Бѣлорусскаго нарѣчія и между прочимъ искать оправдательныхъ доказательствъ предположенію, что въ этомъ нарѣчій сохранилось очень много древняго, важнаго для исторіи русскаго языка“ (слова И. И. Срезневскаго).

Менѣе обширенъ; по матерьялу и даже филологической обработкѣ недостаточенъ трудъ Закревскаго, но какъ первый систематическій опытъ, исполненный, притомъ, со вниманіемъ къ исторической сторонѣ предмета—онъ вполне заслуживаетъ добраго признанія.

Ислѣдованіе филологическое и этнографическое областныхъ нарѣчій только-что начинается. Правда, существуютъ уже съ довольно давняго времени попытки объясненія свойствъ русскихъ областныхъ нарѣчій: для области великорусской—Даля; ¹⁹⁸⁾ малорусской Головацкаго и отчасти Срезневскаго ¹⁹⁹⁾, для Бѣлорусской—Калайдовича и Голотузова ²⁰⁰⁾, но эти попытки настолько отрывочны, слабы или преслѣдуютъ инныя (гео=и этнографическія не филологическія цѣли, что проф. М. П. Петровскій, пред-

ставивъ прекрасный очеркъ діалектологическихъ развѣтвлей славянскихъ нарѣчій ²⁰¹⁾, остановился предъ вопросомъ о нарѣчіяхъ русскихъ — и не пошелъ далѣе, за нимъ нѣмъ, конечно, разработанныхъ матерьяловъ

Изъ трудовъ послѣдняго времени — важнѣйшіе принадлежатъ проф. Колосову, таковы: его наблюденія надъ фактами областного сѣверно-великорусскаго языка, изложенныя въ его Отчетахъ II отд. Академіи Наукъ и въ особой специальной статьѣ, а равно и въ обширномъ сочиненіи „Обзоръ звуковъ и формальныхъ особенностей нарѣчій великорусскаго языка“ ²⁰²⁾. Послѣдній трудъ представляетъ систематическую попытку свести въ одно отдѣльныя данныя по областнымъ нарѣчіямъ, уже существующія въ русской наукѣ. Г. Колосовъ разсматриваетъ предметъ съ строго формальной, фізіологической стороны. Наличный матерьялъ имъ принятъ во вниманіе весь, или почти что весь, онъ обработанъ весьма тщательно; но, конечно, не такъ, чтобы сдѣлать излишнимъ его переислѣдованіе съ иныхъ точекъ зрѣнія, исторической и историко-этнографической. Тогда, быть можетъ, придется употребить и иные приемы изслѣдованія и дать иной порядокъ послѣдному. Во всякомъ же случаѣ — трудъ замѣчательный и очень полезный.

Если мы упомянемъ о статьѣ Лескина „О нарѣчій русскихъ пѣсенъ Олонецкаго края“ (по пѣснямъ Рыбникова) ²⁰³⁾ и небольшомъ изслѣдованіи Владимірова „О сѣверномъ великорусскомъ нарѣчій, въ памятникахъ письменности XVI—XVII в.“ ²⁰⁴⁾ — то, кажется, будемъ имѣть все, что существуетъ въ нашей наукѣ по разработкѣ областныхъ нарѣчій русскаго языка!

²⁰¹⁾ См основательную записку О. И. Буслева: „Словарь областныхъ реченій великорусскаго языка“ въ Извѣстіяхъ II Отд. Акад. Наукъ, I, стр. 167—177.

¹⁹² Перечень сихъ трудовъ въ предисловіи къ „Опыту областного великорусскаго Словаря“, Спб. 1852, стр. V—XII. Трудъ Макаровъ „Опытъ престонароднаго Словотолковника,“ напечатанъ отчасти въ Маякѣ 1844, т. XVIII и вполнѣ въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей“ 1846—7, именно: годъ I; кн. 4, с. 37—42; годъ II: кн. 3, с. 24—44; кн. 6, с. 1—24; кн. 7, с. 17—27; кн. 9, с. 1—21; годъ III: кн. 1, с. 1—19; кн. 2, с. 33—38; кн. 3, с. 89—120; кн. 4, с. 143—154; кн. 5, с. 145—159; кн. 9, с. 267—295. Оканчивается буквою Н. Трудъ, какъ все макаровское—заключаетъ въ себѣ много полезнаго, но еще болѣе вздорнаго. Этимологій—воловыя.

¹⁹³) Кёррен: „Über die von P. v Körren gesammelten russischen Sprachproben“, въ Bulletin de l'Ac. t. III, p. 506—511 и Mélanges russes, 1861, IV, стр. 210—217.

¹⁹⁴) Напр. въ ст. Суровцева: „Нѣчто о собраніи Областныхъ Словъ“ въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета 1839, кн. II, стр. 193—206 и ст. Діева: „Изъясненіе нѣкоторыхъ выраженій Правды Русской“ въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1839, № 5, с. 47—80. cf. Соловьева въ „Матер. для ср. Слов. и Граммат.“ I, с. 107—110.

¹⁹⁵) а) „Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря“, Спб. 1852, 4°, с. XII+275. Рецензія: Буслаява въ Отечеств. Запискахъ 1852, т. LXXXV, № 11, с. 1—54, перепечат. въ авторовыхъ „Историческихъ очеркахъ рус. нар. литер“ т. I, стр. 151—209; В. Дала въ Вѣстникѣ Русскаго Географическаго Общества, 1852, в V и отдѣльно, и въ „Толковомъ Сло-

варѣ" (см. ниже), см. замѣтку Я. К. Грота въ „Филологическихъ Разысканіяхъ“ т. I, Спб. 1876, с. 142 sq.; Косвенной рецензіей „Опыта“ можно назвать ст. Лавдовскаго: „Русскій языкъ въ областныхъ нарѣчіяхъ“, Москвитини 1855, № 13—16, с. 47—66. Ср. Соловьева: „Замѣчанія по поводу опыта области Великор. Словаря“ въ Матеріалахъ для сравнит. Словаря и Грамм. т. I, с. 107—113 б) „Дополненіе въ Опытъ областного Великорусскаго Словаря“ Спб. 1858, 4^о стр. 328.

¹⁶⁾ Носовичъ: „Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія“, Спб. 1870, 4^о, с. 756. Рец. Срезневскаго въ XXXIV присужденіи Демидовскихъ наградъ. Спб. 1866, с. 107—116.

¹⁷⁾ Составляетъ третью часть изданія За-кревскаго: „Старосвѣтскій Бандуриста. М. 1860“, отъ стр. 274—624. Можно здѣсь упомянуть, что начало отдѣльнымъ Малорусскимъ Словарямъ было сдѣлано Аванасьевымъ: „Чужбинскимъ въ „Матеріалахъ для сравнит. и объяснительнаго Словаря и Грамматики“, т. III, 1856, с. 1—176. и Шейковскимъ въ его „Опытъ Южно-русскаго Словаря“, Кіевъ 1861, 8^о, вып. I, с. XVII+224 столб.— Только начало предиріятій—безъ продолженія.

¹⁸⁾ Далъ: „О нарѣчіяхъ Русскаго языка“ Спб 1852, 8^о, 72 с., оттискъ изъ V кн. Вѣстника Русск. Геогр Общ, перепечатанъ въ предисловіи къ IV вып „Толковаго Словаря живаго Великорусскаго языка“, стр XXV—LIV. Это—таже рецензія „Опыта областного Словаря“.

¹⁹⁾ Головацкій: „Розправа о языкѣ южнорусскомъ и его нарѣчіяхъ“, Львовъ. 1849, 8^о, с. 56; Срезневскій: „Русь Угорская“. От-

ривокъ изъ „Опыта географіи русскаго языка“, Вѣстникъ Географ. Общества, 1852, ч. IV, с. 1—28. Сюда же относится и другая статья Срезневскаго: „Частные вопросы о мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ русскаго народнаго языка“ въ Извѣстіяхъ II отдѣл. Ак. Наукъ I, с. 185—8. ср. его же: „Замѣчанія о матеріалахъ для географіи русскаго языка“, Вѣст. Геогр. Общ. 1851, к. I, с. 1—24.

²⁰⁰⁾ Калайдовичъ: „О Бѣлорусскомъ нарѣчій“ въ изд. „Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Труды Общ. Любит. Рос. Словесности, 1822, ч. I, кн. I, с. 67—80; Голотузовъ: „Замѣтки, касающіяся бѣлорусскаго нарѣчія“, Митава, 1852, 4°, с. 49. Замѣтки грамматическія и лексикальныя.

²⁰¹⁾ Ученныя Записки Казанскаго Университета 1866, к. с. 388—480 и 1867, с. 155—191.

²⁰²⁾ Труды Колосова: а) „Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ областномъ сѣверно-великорусскомъ нарѣчій“, Спб. 1877, 8°, с. 343, пом. въ Сборникѣ статей II отд. т. XVII, № 3; б) „Матерьялы для характеристики сѣверно-великорусскаго нарѣчія“ въ № 5 Варшав. Универ. Извѣстій 1874, стр. 1—62 отд. отт.; в) „Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка“ Варшава, 1878, 8°. III—266. Къ слову—о послѣднемъ сочиненіи замѣчу, что немало для себя любопытнаго и важнаго Колосовъ нашелъ бы въ Матерьялахъ Кеппена (отмѣченныхъ нами подъ примѣч. 193), хранящихся въ бібліотекѣ Академіи Наукъ.

²⁰³⁾ Leskien: „Über den dialect der russischen Volkslieder des gouvernens Olonec“, въ

Beiträge z vergleich. Sprachfor. VI, с. 152—187.

²⁰⁴) Владиміровъ: „Нѣсколько данныхъ для изученія сѣверно-великорусскаго нарѣчія въ XVI—XVII с. Казань, 1878, 8^о, с. 39.

72. Свѣда все сказанное къ одному и принявъ въ расчетъ недавность времени, съ котораго русской историко-филологической наукѣ стали доступны памятники древне-русскаго языка (говору о точныхъ, удовлетворяющихъ филолога, изданіяхъ ихъ), и вообще недавность нашихъ занятій исторіей отечественнаго языка, нельзя не признать значительныхъ успѣховъ, но если съ другой стороны—припомнить тѣ требованія и задачи, какія соединяются съ понятіями исторіи русскаго языка и русской историко-филологической критики, то прійдется сказать, что все доселѣ сдѣланное на этомъ полѣ—только хорошее начало. Нетронутыхъ и нерѣшенныхъ вопросовъ—множество, такъ:

а) въ неясномъ свѣтѣ представляется судьба церковно-славянскаго языка на русской почвѣ и постепенный ростъ его руссификаціи;

б) неприведенъ къ положительному опредѣленному рѣшенію вопросъ объ образованіи мѣстныхъ нарѣчій и появленіи ихъ въ памятникахъ письменности;

в) бѣлыя, ничѣмъ ненаполненныя страницы представляет исторія слога;

г) системы древняго правописанія указаны лишь въ очень краткихъ очеркахъ;

д) нѣтъ историческаго словаря русскаго языка, а потому почти отсутствуетъ и самая филологическая критика памятниковъ; нѣтъ, наконецъ

е) историческаго изслѣдованія областныхъ нарѣчій.

В. Письмо. Кириллица и Глаголица.

73. Вопросъ о происхожденіи кирилловскаго и глагольскаго письма и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ—вопросъ очень давній. Намъ, впрочемъ, нѣтъ никакой надобности входить въ разсмотрѣніе всѣхъ высказанныхъ по этому предмету мнѣній: довольно остановиться на тѣхъ только, которые представляютъ попытку рѣшить вопросъ на основаніи дѣйствительнаго изученія историческихъ данныхъ и потому—прошли не безслѣдно въ наукѣ. Кто захотѣлъ бы ознакомиться съ исторією вопроса во всей полнотѣ—найдетъ для того обильные критико-библиографическія указанія въ трудахъ А. Фойгта, П. І. Шафарика, Бодянскаго и Гануша ²⁰⁵).

Кромѣ во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго сочиненія Адаукта Фойгта: „Исслѣдованіе о введеніи, употребленіи и измѣненіяхъ письменъ и писанія въ Чехахъ“ ²⁰⁶) —въ ученой литературѣ прошлаго столѣтія встрѣчаемъ только одинъ трудъ, основанный на глубокомъ критическомъ изученіи источниковъ: онъ принадлежитъ извѣстному Гел. Добнеру, это: „Набросокъ историко критическаго вопроса: дѣйствительно ли такъ называемая нынѣ кирилловская азбука должна быть признана изобрѣтеніемъ св. славянскаго апостола Кирилла“ ²⁰⁷). Ближайшимъ поводомъ къ разсмотрѣнію вопроса для Добнера послужило мнѣніе Добровскаго о позднѣйшемъ происхожденіи Глаголицы, которую онъ считалъ умысленнымъ изобрѣтеніемъ какой нибудь полуумной монашеской головы XIII или XIV в.. Изъ разсмотрѣнія несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ — Добнеръ заключаетъ: что Глаголица существовала уже во времена св. Меѳодія и папы Іоанна VIII, что за нее говоритъ непрерывно до нашего времени сохранившееся папское преданіе, что эти письма по своей новой, нигдѣ дотолѣ не встрѣчающейся формѣ—несомнѣнно указываютъ на новаго

изобрѣтателя, что самое наименованіе ихъ носить печать древности и перваго изобрѣтенія... Не встрѣчая такихъ настоящихъ признаковъ истиннаго и современнаго изобрѣтенія въ такъ называемомъ кирилловскомъ алфавитѣ, Добнеръ — естественно — приходитъ къ мысли, что подобно тому какъ Глаголица ложно называлась письмомъ Іеронимовымъ, такъ точно Кириллица ложно называется письмомъ св. Кирилла. Глаголица есть настоящая азбука, изобрѣтенная св. Кирилломъ. Замѣна ея письмомъ греческаго характера произошла впоследствии, причемъ это письмо подверглось приспособленію къ звукамъ славянскаго языка... Такимъ образомъ Добнеръ былъ родоначальникомъ того мнѣнія, которое въ послѣднее время приобретаетъ все болѣе и болѣе вѣса.. Доказательства Добнера, разнообразно видоизмѣняемыя и другими учеными — не убѣдили однако Добровскаго: въ 1807 году онъ издалъ, какъ прибавленіе къ своему сборнику „Slavin“ — особое изслѣдованіе о Глаголицѣ²⁰⁵). Пересмотрѣвъ всѣ имѣвшіяся въ то время глагольскіе письменные памятники, а равно и свидѣтельства историческія о предметѣ, Добровскій пришелъ къ слѣдующему выводу: преданіе о существованіи старой глагольской Псалтири, писанной будто-бы при солинскомъ архіеп. Ѳеодорѣ (820—890) — не имѣетъ основанія, Глаголица появляется лишь въ XII или въ XIII стол. Кرواتское и Далматинское, духовенство, стремясь сохранить славянское богослуженіе которое по причинѣ кирилловскихъ буквъ было ненавидимо латинскимъ духовенствомъ и даже запрещалось — рѣшилось пожертвовать Кириллицею и выдумало Глаголицу, освятивъ ее именемъ бл. Іеронима.

²⁰⁵) О сочиненіи А. Фойгта см. слѣдующую выноску. Šafarik Památky hlacholského písemnictví. P. 1853 st. Uvod; Водянской: „О времени происхожденія славянскихъ письменъ“, М. 1855 passim; Нануш: „Zur glagolitica

Frage“ въ сборникѣ Миклошича: Slavische Bibliothek, II, 1858, с. 196 sq.

²⁰⁶) Ad. Voigt: „Untersuchung über die Einführung, den Gebrauch und die Abänderung der Buchstaben und des Schreibens in Böhmen“, въ Abhandlungen einer Privatgesellschaft in Böhmen, I, Pr. 1775. стр. 154—199.

²⁰⁷) F. Dobner: Aufwerfung einer historisch—kritischen Frage: ob das heut zu Tage sogenannte cyrillische Alphabet für eine wahre Erfindung des heil. Slawischen Apostels Cyrills zu halten sey?“, пом. въ Abhandlungen der böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Prag, auf d. J. 1785. P. 1786, стр. 101—140.

²⁰⁸) Glagolitica. Ueber die glagolitische Literatur etc Ein Anhang zum Slavin. P. 1607, второе, испорченное прибавками Ганки—издание—въ 1845 г.

74. Мнѣніе Добровскаго, изложенное съ свойственнымъ этому ученому остроуміемъ и критическимъ талантомъ—уцѣлилось въ науку и господствовало въ ней до 1830 года (вѣрнѣе до 1836 г.), когда неожиданное открытіе новаго глагольскаго памятника, отмѣченнаго чертами несомнѣнной древности (такъ назыв. Клоціевы отрывки)—побудило извѣстнаго В. Копитара пересмотрѣть заново весь вопросъ: и поражающая древность письма клоціевыхъ листовъ, и то обстоятельство, что глаголица встрѣчается въ одной латинской и нѣсколькихъ кирилловскихъ рукописяхъ, которыя были несомнѣнно старѣе XIII в. и нѣкоторыя другія соображенія привели, какъ мы уже имѣли случай распространить (см. выше подъ числомъ 44), Копитара къ убѣжденію, что Глаголица—по крайней мѣрѣ одного вѣка и происхождения съ Кириллицей, даже старше послѣдней: св.

Кирилль или взять изъ Глаголицы 12 знаковъ для пополненія азбуки греческой или же даже избрѣлъ ее, но потомъ оставилъ за неудобностью и внесъ изъ нея лишь нѣсколько знаковъ въ греческій алфавитъ. Славянамъ долгое время нравилась болѣе Глаголица, чѣмъ Кириллица и только раздѣленіе церквей дало рѣшительный перевѣсъ послѣдней. Разысканіями Копитара ²⁰⁹⁾ устранялось мнѣніе Добровскаго: стала очевидна древность Глаголицы, но собственное рѣшеніе его вопроса и ея происхожденія — было очевидно несостоятельно...

²⁰⁹⁾ Мнѣніе Копитара первоначально изложено имъ въ „Prolegomenaхъ“ его классическаго труда: „Glagolita Clozianus, id est codicis glagolitici inter suos facile antiquissimi.... λεῖψαρον foliorum XII membraneorum servatum in bibliotheca il. c. Paridis Cloz. Tridentini litteris totidem Cyrillicis transcriptum, amplissimis de alphabeti glagolitici remotiore antiquitate et liturgia slavica A. D. DCCCLXX primum coepta in Pannonia prolegomenis historicis et philologicis etc.... illustrandum edidit B. Kopitar. W. 1836. f^o, pag. LXXX et 86+2 снимка. Позднѣе того же предмета Копитаръ касался въ своихъ „Prolegomena historica“ къ Реймскому Евангелію, 634—42, (Miklosich's Slavische Bibl. I, стр. 70—74). Здѣсь находимъ уместнымъ указать на тѣ рецензіи Клоціевой Глаголиты Копитара, въ которыхъ болѣе или менѣе основательно обсуждено его мнѣніе о древности Глаголицы. Сія рецензія суть: а) Морица Гаупта въ „Jahrbücher der Literatur“ 1836, т. 76, аг. III, pag. 103. sq. Рецензія замѣчательная самостоятелною провѣркою Копитаровыхъ разысканій. Очень важна и понинѣ;

б) Ан. Шмеллера въ *Gelehrte Anzeigen der Bayerisch. Akademie den Wissensch.* 1837, № 140—142, ст. 89—112; в) Як. Гримма въ „*Göttingische gelehrte Anzeigen*“ 1836, St. 33—35, стр. 321—338 и въ *Kleinere Schriften* его же т. V, стр. 230—240; г) (гр. Кастилионе): въ 82 томъ миланской *Biblioteca italiana* 1836, р. 260—281 и отдѣльно 8^о, с. 21; д) (Фесля): въ „*Oesterreichische theologische Zeitschrift* 1836, Bd I, IX Jahrg. стр. 343—370. Рецензія тенденціозная; е) И. П. Боричевскаго: въ *Журн. Маякъ* 1841, ч. 17—18, стр. 29—44. Прибавивъ сюда рецензію Копитара на свой собственный трудъ, помѣщ. въ *Chmel's Oesterreichische Geschichtsforscher*. Bd. I, 3 ч., 1838. № XIV, с. 501—515 и отдѣльно, подъ заглавіемъ: „*Pannonischer Ursprung der slav. Liturgie*“, W. 1838, с. 15,—будемъ имѣть все, что было написано по поводу замѣчательнаго труда Копитара.

75. Неудивительно, что нѣсколько времени спустя П. И. Прейсъ снова склонился къ выводамъ Добровскаго: въ своемъ замѣчательномъ трудѣ „о Глагольской письменности“²¹⁾ онъ—до новыхъ открытій—принимаетъ слѣдующія положенія: современное употребленіе въ Болгаріи двухъ алфавитовъ, Глагольскаго и Кирилловскаго—подвержено сильному сомнѣнію. Еще менѣе имѣемъ причинъ думать, что первый древнѣе послѣдняго. До запрещенія Кирилло-Славянской литургіи въ Далмаціи не было надобности изобрѣтать новый алфавитъ. Эта необходимость могла родиться около 925 года. По всѣмъ примѣтамъ видно, что родина глагольскихъ письменъ есть приморская Кроація и что по всей справедливости имъ принадлежитъ названіе „Хорватскаго письма“. Употребленіе Глаголицы въ Далма-

ці до XIII вѣка — неизвѣстно, употребленіе въ ней до этого времени письменъ кирилловскихъ - вѣдъ всякаго сомнѣнія. Греко-Славянскій алфавитъ св. Кирилла служилъ образцомъ для составителя глагольскихъ письменъ .. Хотя изслѣдованіе Прейса и не рѣшало вопроса, а такъ сказать отлагало его, но своимъ трезвымъ отношеніемъ къ дѣлу и обиліемъ многихъ вѣрныхъ наблюденій (преимущественно лингвистическихъ) — было очень важно, какъ противовѣсь мечтаніямъ Бопитара. Нѣкоторыя заключенія Прейса были устранены И. И. Срезневскимъ. Въ своемъ изслѣдованіи: „Древнія письмена Славянскія“²¹¹⁾ онъ признаетъ, что Глаголица есть явленіе IX—X вѣка, послѣдовавшее за появленіемъ Кириллицы и обращаетъ вниманіе на многія доказательства въ пользу болгарскаго происхожденія Глаголицы; причеиъ дѣлаетъ вопросъ: не могла ли Глаголица быть изобрѣтена въ Болгаріи, какииъ нибудь сектаторомъ, противившимся ученію Кирилла? Вопросъ — въ то время возможный и законный, въ настоящее же имѣющій противъ себя нѣкоторыя важныя историческія данныя.

²¹⁰⁾ „О Глагольской письменности“ въ Жур. Минист. Народн. Просвѣщенія 1843, № 3, стр. 184—238.

²¹¹⁾ „Древнія письмена Славянскія“ въ Жур. М. Нар. Просвѣщ. 1848, № 7, стр. 18—66.

76. Рѣшительнымъ запитникомъ древности Глагольскаго письма предъ Кирилловскимъ явился проф. В. И. Григоровичъ²¹²⁾. Онъ усматривалъ первенство Глаголиты въ формѣ знаковъ ея, въ томъ, что порядокъ буквъ ея въ примѣненіи къ числамъ удержанъ безъ всякаго пропуска, что въ кирилловскихъ рукописахъ унциальныя буквы (капительныя, болѣе древнія, чѣмъ курсивныя) суть глаголитскія, что въ кирилловскихъ рукописахъ замѣчаются глаголитскія вставки, что на выскобленныхъ рукописахъ глагольскаго письма (палимпсесты) помѣщаются кирилловскіе

тексты, что Кириллица списывает переводомъ съ Глаголицы, а не наоборотъ, что наконецъ достовѣрнѣе полагать, что начертанія общія обоимъ алфавитамъ — взяты изъ Глаголицы въ Кириллицу, а не обратно. Основывался на такихъ и иныхъ наблюденіяхъ Григоровичъ полагалъ видоизмѣнить мнѣніе Копитара такъ: Св. Кирилль нанесть Глаголиту, а Меодій (вмѣстѣ съ Кирилломъ?) послѣ обратилъ ее и Греческій алфавитъ въ славянскую азбуку (кирилловскую). Подтвержденіе этого Григоровичъ видитъ въ древней службѣ св. Меодію и въ свидѣтельствѣ Паннонскаго житія св. Кирилла объ обрѣтеніи имъ Евангелія и Псалтыря писанныхъ письменами Роушеыми, т. е. по толкованію нашего ученаго — глагольскими, которыя являются такимъ образомъ до-кирилловскими. Хотя выводъ объ обрѣтеніи Кирилломъ — Глаголицы и обращеніи ея Меодіемъ въ Кириллицу есть чистое предположеніе, не опирающееся на историческіе факты, но наблюденія и соображенія о древности и старѣйшинствѣ Глаголицы предъ Кириллицей — очень замѣчательны, и нѣкоторыя изъ нихъ приняты и теперь въ числѣ доказательствъ той же мысли.

²¹²⁾ Въ статьѣ: „Предварительныя свѣдѣнія, касающіяся литературы церковно-славянской. О древней письменности Словянъ“, въ сборникѣ: „Статьи, касающіяся древняго Славянскаго языка“ Викт. Григоровича, Каз. 1852 стр. 53—70. Ст. Григоровича находится и въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1852, № 3, стр. 152—168. Очень хорошій сводъ мнѣній Прейса, Григоровича и И. И. Срезневскаго находится въ Извѣстіяхъ II Отд. Акад. Наукъ т. I, с. 353—367 и тоже въ отдѣльной книгѣ: „Исслѣдованія и замѣчанія о древнихъ памятникахъ старо-славян. литературы“. Спб. 1856, с. 35—54.

77. Съ исчерпывающей для того времени полнотой вопросъ о происхожденіи Глаголицы былъ изслѣдованъ П. I. Шафарикомъ ²¹³). Рассмотрѣвъ внимательно всѣ относящіяся къ предмету данныя, какъ то: свидѣтельства исторіи, характеръ письменъ, правописаніе, языкъ и слогъ памятниковъ — Шафарикъ невольно приходитъ къ слѣдующей догадкѣ: Глаголица древнѣйшихъ болгарскихъ рукописей довольно близко достигаетъ вѣка появленія Кириллицы, но нивакъ не превышаетъ его. Произошла она изъ невѣдомыхъ причинъ и начатковъ трудомъ какаго-то тихаго ревнителя реформатора — гдѣ нибудь въ глубинѣ юго-Славянства, въ Македоніи или Иллиріи. По скоромъ упадкѣ здѣсь она переселилась въ Хорваты, древнѣйшую область глагольскихъ письменъ — и была воздѣлываема здѣсь независимо отъ первичныхъ образцовъ. Глагольскія начертанія, какъ они являются намъ въ древнѣйшихъ памятникахъ — кажется, устроены по образцу Кирилловскому, хотя большинство знаковъ и не было просто вымышлено, но заимствовано изъ какой-то старшей и простѣйшей славянской азбуки, именно — хорватской. Такъ думалъ Шафарикъ въ 1852—3 годахъ. Въ то же время, случайно — вопросъ былъ рассмотрѣнъ и Перцомъ младшимъ ²¹⁴): онъ желалъ возобновить силу стараго преданія объ очень древнемъ, происхожденіи Глаголицы, только онъ усвоилъ изобрѣтеніе ея не Иерониму, а Этиву (IV стол.), славянину изъ Истрии, автору извѣстной Космографіи, о которомъ извѣстно также, что онъ изобрѣлъ письмена. Основавшись на такомъ предположеніи Перць, конечно, долженъ былъ утверждать, что какъ два славянскіе алфавита стоятъ другъ къ другу въ такомъ отношеніи, что одинъ необходимо вышелъ изъ другаго и такъ какъ Глаголица произошла за 520 л. до Кириллицы, то и „s. Cyrillum ex Glagolita litteras desumpsisse concedendum erit“. Впрочемъ, въ продолженіе долгой жизни Глаголица сообразно нуждамъ пополнялась и исправлялась: этимъ объясняется разнообразіе въ

числѣ и формахъ глагольскихъ начертаній. Греческая Кириллица заключаетъ это стремленіе къ эмендаціи въ славянскихъ письменахъ ²¹³. Основанное на чистомъ предположеніи, доказываемое предположеніями же и догадками—мнѣніе Перца очевидно имѣеть и цѣну не выше остроумнаго предположенія.

²¹³) Сначала въ ст. „Pohled na pruvěk hláholského písemnictví“ въ *Časopis česk. Musea* 1852, II, str. 81—108 и III, str. 64—80; потомъ во Введеніи къ изданію „*Památky hláholského písemnictví*“ Pr. 1853, 8°, s. LX и 100 текстовъ; русскій переводъ „Введенія“ къ послѣдному изданію былъ сдѣланъ о. Войтковскимъ въ *Журн. Минист. Нар. Просв.* 1855, № 7, стр. 32—74; № 8, с. 75—122; русское исчерпывающее изложеніе мнѣнія Шафарика сдѣлано И. И. Срезневскимъ въ *Извѣстіяхъ II отд. Ак. Наукъ* т. I, ст. 367—389, и въ книгѣ: „*Исслѣдованія и замѣчанія о древнихъ памятникахъ старославянской литературы*“, Спб. 1856, с. 55—86.

²¹⁴) K. A. F. Pertz: *De Cosmographia Ethici libri tres*. Ber. 1853, стр. 156—179.

²¹⁵) *Ibidem*, стр. 180—184, глава: „*Alphabetum Glagoliticum et Cyrillianum quomodo inter se cohaereant explicatur*“.

78. Въ 1855 году наука обогатилась замѣчательнымъ трудомъ проф. О. М. Бодянского: „О времени происхожденія славянскихъ письменъ“ ²¹⁶), трудомъ — представляющимъ новый критическій пересмотръ всѣхъ данныхъ и мнѣній ученыхъ о годѣ, когда стало изобрѣтеніе св. Кирилла. Принимая — не колеблясь — Кириллицу за изобрѣтеніе св. Кирилла, Бодянскій тѣмъ самымъ сдѣлалъ для себя вопросъ о Глаголицѣ и отношеніяхъ ея къ Кириллицѣ.

цѣ — вопросомъ второстепеннымъ. Тѣмъ не менѣе въ его книгѣ собрано и критически освѣщено столько разнороднаго, сюда относящагося матеріала, свѣдѣній и замѣтокъ, столько любопытныхъ историко-литературныхъ и библиографическихъ указаній, что за нею и въ исторіи нашего вопроса нельзя не признать очень важнаго значенія, хотя бы она и уклонялась отъ положительныхъ рѣшеній.

²¹⁶⁾ Москва, 1855, 8^о, стр. III + 5 неп. + 381 + CXV. Трудъ бенедиктинской учености. Къ сожалѣнію онъ встрѣтилъ въ текущей ученой критикѣ только одинъ — единственный ученый отзывъ И. И. Срезневскаго, да и тотъ оффиціальныи, очень краткій. См. „Двадцать пятое Присужденіе учрежд. Демидовымъ награды. Сиб. 1856, с. 65—9.

79. Въ концѣ 1855 года произошло открытіе, имѣвшее сильное вліяніе на дальнѣйшую разработку предмета и мнѣнія о немъ ученыхъ —, я разумію открытіе пражскихъ глагольскихъ отрывковъ, найденныхъ Гёфлеромъ въ библіотекѣ пражской митрополитчѣй капитулы въ переплетѣ латинской рукописи XI столѣтія. Отрывки были богослужебнаго характера (свѣтильны, антифоны и сѣдалны) и въ сущности замѣчательнѣе иныхъ, въ ту пору извѣстныхъ памятниковъ глагольской письменности развѣ только тѣмъ, что носили на себѣ отгѣнокъ русскаго нарѣчія, но открытіе ихъ сообщило движеніе „глагольскому вопросу“. Еще до выхода въ свѣтъ полнаго изданія ихъ — проф. Бодяскій напечаталъ статью: „новыя открытія въ области Глаголицы“ ²¹⁷⁾, гдѣ, обозрѣвъ кратко исторію вопроса, онъ извѣщалъ о пражскомъ открытіи, подробно излагалъ результаты путевыхъ открытій въ области Глаголицы Ивана Кукулевича — Сакцинскаго и разсуждалъ о значеніи пражскихъ отрывковъ для уясненія „православія у Чеховъ“. Относительно древности Глаголицы — онъ никоимъ образомъ

и ни по чему не соглашался, пока, на старшинство ея предъ Кириллицей, охотно, впрочемъ, относя появленіе ихъ обѣихъ къ одному вѣку. „Пражскіе отрывки“ вскорѣ появились въ свѣтъ съ историческими, палеографическими и лингвистическими объясненіями Гефлера и Шафарика ²¹⁸). Послѣдній относилъ ихъ ко времени первыхъ ста лѣтъ по появленіи Кирилла и Меѳодія въ Моравіи, или ко времени между 862—950. Все—какъ видно—направлялось къ тому, чтобы окончательно усвоить Глаголицѣ древность эпохи св. Кирилла.

²¹⁷) „Русскій Вѣстникъ“ 1856, № 3, с. 535—569 (второго изданія).

²¹⁸) „Glagolitische Fragmente“ hrsg. v. Höfler und Šafařík (Aus d. Abhandl. d. k. böhm. — Gesel. der Wiss. V Folge, X Band.), Pr. 1857, 4°, стр. 62+V таб. Текстъ „Отрывковъ“ перепечатанъ съ объясненіями И. И. Срезневскаго въ „Извѣстіяхъ II От. Акад. Наукъ т. VI, с. 171—179, и отдѣльно подъ заглавіемъ: „Древніе глаголическіе отрывки, найденные въ Прагѣ“ Спб. 1857, с. 26.

80. Выше мы видѣли, что Шафарикъ догадочно допускалъ связь Глаголицы съ неизвѣстнымъ древнимъ письмомъ. Эту связь, замѣченную впервые, если не ошибаемся, Я. Гриммомъ (—въ его рецензіи Копитаровой „Глаголиты“) —ислѣдовалъ д-ръ И. Гануше въ особомъ мемуарѣ ²¹⁹). Результаты его разысканій были слѣдующіе: Глаголица и Кириллица сродны между собою не непосредственно, и ни одна изъ нихъ не можетъ быть признана за подражаніе другой; ни Кириллица, ни Глаголица не дошли къ намъ въ своей первоначальной формѣ, но въ весьма позднихъ редакціяхъ; Глаголица въ своей предполагаемой первобытной формѣ стоитъ въ тѣсной связи съ рунами, въ Кириллицу также вошли многія руническія на-

чертанія; наименованія славянскихъ буквъ въ большинствѣ — одинаковаго происхожденія съ наименованіемъ сѣверныхъ и другихъ рунъ и буквъ готской азбуки.... Едва-ли хотя одно изъ этихъ положеній можетъ быть принято, какъ доказанное, но вѣстѣ съ тѣмъ едва-ли имъ должно отказывать въ серьезномъ вниманіи, еще менѣе — можно назвать разсужденіе чешскаго археолога — неважнымъ: для рѣшенія вопроса о первоначальномъ происхожденіи славянскихъ письменъ имъ собраны богатые матерьялы, сравнительный палеографическій и археологическій анализъ начертаній и наименованій буквъ славянскихъ (с. 73—111) очень замѣчательны и по обилію данныхъ, и по многимъ дѣткимъ наблюденіямъ. Этимъ гадательнымъ періодомъ въ исторіи славянскихъ письменъ Ганушъ, однако — не ограничилъ своихъ изслѣдованій: занявшись — по инициативѣ Миглошича — критическимъ отчетомъ о трудахъ Шафарика по Глаголицѣ, онъ вновь пересмотрѣлъ весь вопросъ и мало по малу склонился въ убѣжденію, что св. Кириллъ не могъ быть изобрѣтателемъ такъ наз. Кирилловскаго алфавита, но писалъ по-глагольски. Доказательства этой мысли Ганушъ развилъ въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: а) „Въ глагольскому вопросу“ — вышеупомянутая критика изслѣдованій Шафарика ²²⁰); б) „Объ изобрѣтеніи письменъ вообще и славянскихъ въ особенности“ ²²¹) — популярное изложеніе воззрѣній сочинителя на предметъ; в) „Св. Кириллъ писалъ не Кириллицей, но Глаголицей“ ²²²) и наконецъ г) „Болгарскій монахъ Храбръ (IX—X вв.) — свѣдѣтель распространенія глагольскаго письма у Славянъ при ихъ обращеніи въ Христіанство Кирилломъ и Меѳодіемъ“ ²²³) — весьма обширный комментарий къ тексту Храброва сказанія, гдѣ между прочимъ доказывается, что и Храбръ писалъ по-глагольски. Труды Гануша заслуживали бы вниманія большаго, чѣмъ они вызвали въ свое время: ни почтенная эрудиція, ни изыскательное остроуміе ихъ — не могутъ подлежать сомнѣнію, труды эти — необходимыми

—и надолго останутся ими—при изслѣдованіи вопроса, потому что открываютъ нѣкоторыя новыя стороны его и осматриваютъ его на прочныхъ основаніяхъ сравнительной науки Древности. Но Ганушъ не принадлежалъ къ осторожнымъ, осмотрительнымъ изслѣдователямъ: его мысль любила болѣе пути гипотезъ, догадокъ и даже мечтаній, чѣмъ трезвую дорогу законнаго наведенія и вывода. Эта-то, кажется—причина подрывала авторитетъ его изслѣдованій и ослабляла вниманіе къ нимъ.

²¹⁹⁾ „Zur slavischen Runen—Frage mit besonderer Rücksicht auf die Obotritischen Runen Alterthümer so wie auf die Glagolica und Kyrilica“. Aus d. XVIII Bd. d. Archivs für Kunde österreichischer Geschichtsquellen besonders abgedruckt (Wien, 1856), стр. 114 и таб.

²²⁰⁾ „Zur Glagolica—Frage“. Ein Referat über P. J. Šafařík's Schriften, пом. въ Slavische Bibliothek v. Miklosich und Fiedler, II Bd. W. 1858, с. 197—232.

²²¹⁾ „O vynalezeni pisma vůbec a slovanského zvlášť“ въ Моравскомъ календарѣ „Koleda“, Brno, 1858 и позднѣе—въ Čtení poučné a zábavné. VII, Вс. 1867. 29—46.

²²²⁾ „Sv. Kyril nepsal kyrilsky než hlaholsky“ z pojed. kr. české spol. nauk, V žada, X svaz. P. 1857, 4°, str. 26.

²²³⁾ „Der bulgarische „Mönch Chrabru“ (IX—X Jahrh.) Ein Zeuge der Verbreitung glagolitischen Schriftwesen unter den Slawen bei deren Bekehrung durch die heil. Kyril und Method“. W. 1859, с. 100. (Aus dem XXII. Bd. d. Archivs für Kunde oester. Geschichtsquellen). Въ литературѣ предмета слѣдуетъ здѣсь присоединить и ст. пр. Гатгалы: „Mnich

Chrabr Příspěvek k objasnění původu písma slovanského“ въ Časopis českého Musea 1858, I, с. 117—129. Гаттала стремился доказать, что троицкая рукопись Храброва сказанія не была написана первоначально глаголицей, какъ предполагалъ А. В. Горскій

81. Въ то же самое время—на защиту той же мысли о первенствѣ Глаголицы предъ Кириллицею и принадлежности первой св. Кириллу—выступилъ дѣйствительный авторитетъ, во всеоружіи учености и во всей силѣ мысли и остроумія. Говорю о Шафарикѣ и его послѣдней книгѣ: „О происхожденіи и родинѣ Глаголитизма“²²⁴). Ясный и положительный умъ Шафарика не могъ удовлетвориться тѣми приблизительными результатами, которые вытекали изъ его предшествовавшихъ изслѣдованій; ему нужно было и рѣшеніе положительное... Перебравъ снова всѣ свидѣтельства и данныя, относящіяся къ изобрѣтенію славянской азбуки, Шафарикъ пришелъ къ слѣдующимъ неопровержимымъ—по его мнѣнію—выводамъ: Славяне до Кирилла и Меѳодія не имѣли никакихъ собственныхъ буквъ для писанія книгъ: руны конечно—были у нихъ, но только для счисленія, ворожбы, бирокъ и т. д.; Константинъ изобрѣлъ азбуку совершенно новую, т. е. состоявшую изъ новыхъ начертаній, которыя не были ни Греческія, ни Еврейскія, ни Латинскія, т. е.—изобрѣлъ Глаголицу; такъ называем. Кирилловская азбука, отличающаяся наиболѣе греческими начертаніями—ведетъ свое начало отъ Климента еп. Величскаго... Каждое изъ этихъ утвержденій Шафарикъ стремится подтвердить разнообразными данными историческими, палеографическими, лингвистическими (этимъ заглавію первая половина мемуара), не упуская изъ виду никакихъ могущихъ встрѣтиться возраженій... Ведѣдъ за симъ онъ предлагаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній касательно изобрѣтенія, распространенія глаголитскихъ письменъ и литургій, дока-

лывает живую народность языка глаголитскихъ признаковъ и старѣйшинство ихъ предъ кирилловскими и ищетъ родину Глаголитизма и славянской письменности въ тѣхъ славянскихъ земляхъ, въ которыхъ жили или бывали Кирилль и его помощники, именно—въ Македоніи, Великой Моравіи и въ частности—Панноніи (—вторая часть мемуара)... Трудъ Шафарика не изслѣдованіе, но результаты обширныхъ изслѣдованій, уже оконченныхъ и программа изслѣдованій, еще предстоящихъ впереди; онъ по этому болѣе имѣетъ сжатую форму положеній, чѣмъ подробнаго изложенія. Какъ бы ни были шатки нѣкоторые частные доводы знаменитаго ученаго (напр. филологическія доказательства паннонскаго происхожденія ст.-слав. языка), нельзя не признать, что его мемуаръ въ исторіи вопроса рѣшительно стоитъ на поворотѣ отъ старыхъ, традиціонныхъ понятій къ новымъ, болѣе опредѣленнымъ, болѣе объясняющимъ, но—конечно—еще далеко не окончательнымъ. Можно не принимать какъ многихъ замѣчаній, такъ и главныхъ выводовъ Шафарика; но не принимать ихъ ко вниманію вовсе—нельзя безъ ущерба ширинѣ изслѣдованія, а стало быть и самому стремленію открыть истину.

²²¹⁾ „Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus“, Pr. 1858, 4°, VI+52+tab. Русскій переводъ (Шемакина) въ Читаніяхъ Общ. Исторіи и Древностей, 1860, кн. IV с. 1—66, и отдѣльно. Изложеніе—въ Извѣстіяхъ по II отд. Академіи Наукъ, томъ VII, стр. 102—114. Здѣсь мѣсто назвать и критику на это сочиненіе, написанную г. Викторовымъ, см. Лѣтописи русской литературы и древности издав. Н. С. Тихомировымъ, 1859—60, к. IV и V, стр. 66—150, 1—55. Едва ли сія пространная критика—обратить кого либо изъ послѣдователей Шафарика къ прежнему вѣрованію.

82. Полнаго вниманія заслуживаетъ статья проф. Миклошича „о Глаголитизмѣ“, къ сожалѣнію погребенная въ катакомбахъ галльской энциклопедіи ²²⁵). Она представляетъ ясно и критически отчетливо составленный сводъ всего добытаго наукою по „глагольскому вопросу“. Самостоятельная часть ея заключается въ палеографо-лингвистическомъ разборѣ начертаній и звуковъ Глаголицы, послѣдніе—объясняются съ точки зрѣнія словинскаго паннонизма церковнаго языка. Въ отношеніи древности Глаголицы Миклошичъ—не сомнѣвается въ ея первенствѣ предъ Кириллицей и, не колеблясь (unbedenklich)—принимаетъ св. Кирилла за изобрѣтателя первой ²²⁶).

Въ томъ же направленіи написано и замѣчательное обширное изслѣдованіе док. Ф. Рачскаго „О славянскомъ письмѣ“ ²²⁷). Оно состоитъ изъ двухъ частей: въ одной разсматривается вопросъ о славянскомъ письмѣ до св. Кирилла, о Рунахъ (выводы въ главномъ согласны съ выводами Гануша), въ другой—вопросъ о письмѣ св. Кирилла, каковымъ по мнѣнію автора была Глаголица. Климентъ, ученикъ Кирилла по образцу Глаголицы пополнилъ и усовершенствовалъ греч. письмо, которое принялось въ Болгаріи вмѣстѣ съ проникновеніемъ греческой образованности.

²²⁵) „Glagolitisch“ вь Allgemeine Encyklopädie der Wissenschaften und Künste, hrsg. v Ersch und Gruber, I section, Bd. 68, L. 1859 4°, стр. 403—422 cum tabula.

²²⁶) Въ литературѣ вопроса слѣдуетъ упомянуть и о консервативной статьѣ проф. М. Гаттала: „Mein Standpunkt in der Frage über den Ursprung der slavischen Schrift“, помѣщен. въ Ганушевыхъ „Kritische Blätter für Literatur und Kunst, III Bd. 1858, с. 63—68, 112—115. Держась строго историческихъ данныхъ, Гаттала не раздѣляетъ мнѣнія о кирилловомъ

происхожденіи о первенствѣ Глаголицы. Все это, по его мнѣнію—одни гипотезы.

²²⁷⁾ Raćki: Pismo slovjensko. Zag. 1861, 8°, стр. 144 и 1 таблица азбукъ.

83. Важнѣйшимъ изданіемъ послѣдняго времени по предмету глаголической письменности—былъ, безъ сомнѣнія—трудъ И. И. Срезневскаго: „Древніе глаголическіе памятники, сравнительно съ памятниками Кириллицы“ ²²⁸⁾. Книга представляетъ тексты и филологическіе разборы ихъ. Въ ней находимъ нѣсколько памятниковъ, бывшихъ неизвѣстными, полный текстъ всѣхъ дотолѣ открытыхъ глаголическихъ памятниковъ меньшей величины, а изъ большихъ значительное количество выписокъ—на сколько было возможно буква въ букву по подлиннику. Равнымъ образомъ—представлено и обзорнѣе извѣстныхъ тогда кирилловскихъ памятниковъ, въ которыхъ попадается Глаголица. Трудъ Срезневскаго имѣетъ важное значеніе сборника точно, филологически изданныхъ текстовъ (чѣмъ не могутъ похвалиться „Рамáтку“ Шафарика), снабженныхъ всеими необходимыми для правильной оцѣнки ихъ объяснительными замѣчаніями. „На окончательное рѣшеніе вопроса о древности Глаголицы—говоритъ нашъ ученый съ обычною ему осторожностью—сравнительно съ древностью Кириллицы теперь еще менѣе могу рѣшиться чѣмъ прежде. Доказательства Гануша, Шафарика, Миклошича и другихъ почтенныхъ изслѣдователей, стоящихъ за древность Глаголицы, мнѣ кажутся столько же и послѣдними, и натянутыми, сколько остроумными и хитро сведенными“. Дополненія къ этому изданію находятся въ другомъ трудѣ г. Срезневскаго: „Свѣдѣнія и замѣтки о мало извѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“ ²²⁹⁾.

²²⁸⁾ Печатались сначала въ „Извѣстіяхъ Императорскаго Археологическаго Общества, т. III—V, Спб. 1861—66 и отдѣльно. Спб. 8°, с.

УШ+298, въ числѣ только е та экземпляровъ.

²²⁹⁾ Томъ первый, вып. I, № 27-36; вып. II, № XV-XVII, XIX. стр. 49-87, 89-90; томъ второй № 70-71, стр. 440-462; № 73-74, с. 490-504; № 76, с. 529-545.

84. Не подлежащее никакому сомнѣнiю — древнее употребленiе на Руси Глаголицы, слѣди которой документально появляются въ русскихъ памятникахъ XI—XII в., подало И. И. Срезневскому мысль объяснить темныя, непороченныя мѣста нѣкоторыхъ русскихъ памятниковъ дурнымъ переводомъ ихъ съ глаголическаго подлинника ²³⁰⁾. Такъ весьма удачно объяснены ихъ хронологическiя ошибки и грамматическiя безсмыслицы Святославова договора съ Греками и Игоревой грамоты. Глаголицей же объяснял и проф. О. М. Водяникъ хронологическую ошибку о вѣкѣ св. Кирилла и Меодiя (7 вмѣсто 9-го) въ „Похвальномъ словѣ“ имъ.. Нѣтъ сомнѣнiя, что этимъ путемъ съ большою вѣроятностью, если не полною достовѣрностью—прiдется объяснить многое темное въ нашей письменности ²³¹⁾. Не замѣченнымъ должно пройти и послѣднее мнѣнiе пок. В. И. Григоровича о мѣстѣ происхожденiя глаголицы ²³²⁾. Кромя внутреннихъ признаковъ, обнаруживаемыхъ типомъ языка, болѣе древняго, чѣмъ въ памятникахъ Кириллицы, древнее образованiе Глаголицы можно доказать преимущественно ея начертанiями. Она возникла по мысли дать звукамъ разнородныхъ языковъ возможно соответствующее начертанiе. Слѣдственно въ такъ названной Глаголицѣ можно усматривать слѣды грамотъ разныхъ языковъ. Изъ наблюденiя ея начертанiй оказывается, что въ нихъ замѣтны черты руны, черты семитическихъ грамотъ и черты древнѣйшихъ греческихъ письменъ. Это—пазиграфiя, предназначенная для многихъ языковъ и примѣненная также къ славянскому. Очевидно, что пазиграфiя эта могла возник-

нута въ такой странѣ, гдѣ различныя народности вслѣдствіе взаимнаго общенія вызвали потребность составить общую грамоту изъ существовавшихъ уже прежде начертаній. Такою страной могла быть Хозарія. Сюда конечно подходитъ и извѣстное сказаніе паннонскаго житія Кирилла о руше ихъ письменахъ.. Остроумная догадка Григоровича требуетъ однако — новыхъ изысканій, и доказательствъ, потому что выражена въ чертахъ слишкомъ общихъ...

²³⁰⁾ Ст. „Слѣды глаголицы въ X вѣкѣ“ въ Извѣстіяхъ Археологич. Общества, томъ I, Спб. 1859, 4°, с. 359—372 и также статья въ Извѣстіяхъ II Отдѣленія Академіи Наукъ, томъ 7-ой, Спб. 1858, стр. 337—352. Замѣчаніе проф. Бодянскаго — въ его разборѣ сочин. П. А. Лавровскаго: „Кирилль и Меѳодій“, пом. въ Отчетѣ о 7-мъ присужденіи наградъ графа Уварова, Спб. 1864, стр. 75—77.

²³¹⁾ Срав. также ст. О. М. Бодянскаго: „Московскіе глагольскіе отрывки“ М. 1859, (и въ Читаніяхъ въ Общ. Исторіи и древностей 1859, кн. I). Здѣсь между прочимъ Бодянскій дѣлаетъ слѣдующее весьма важное замѣчаніе: „глагольскіе памятники того или другаго Вулгарскаго нарѣчія имѣютъ Глаголицу такъ называемую вруглую, болгарскую; памятниковъ же съ Глаголицей продолговатой или Хорватской по сию пору, сколько извѣстно — еще не отыскалось на Руси“.. Тотъ же текстъ „московскихъ глагольскихъ отрывковъ“ по возможности въ разобранномъ видѣ въ книгѣ И. И. Срезневскаго: „Древніе памятники русскаго письма и языка“ стр. 218—9, въ Извѣст. II Отд. Ав. Н. т. X, стр. 580—1. Слѣды старой Глаголицы въ рукописяхъ — см. у Горскаго и Невоструева: Описаніе рукоп. Син. бібліотеки, т. III,

1, 1857, стр. 111; томъ II, 2, 1859, стр. 48
т. IV, 1862, с. 570.

²³²⁾ „Замѣтки о Солунѣ и Корсунѣ“, Одесса
1872, стр. 8—10.

85. Совершенно новая постановка вопроса о древности Кириллицы была сдѣлана И. И. Срезневскимъ ²³³⁾. Если Константинъ философъ изобрѣлъ Кириллицу, то, какъ сынъ своего времени—онъ долженъ былъ для греческихъ начертаній ея усвоить тотъ образъ писанія, который въ его время, т. е. въ IX в. господствовалъ у Грековъ.. А между тѣмъ начертанія древнѣйшихъ славянскихъ рукописей существенно иныя, чѣмъ греческихъ IX—X вѣка ²³⁴⁾. Славянскія начертанія древнѣе греческихъ, ибо у Грековъ господствуетъ уже скоропись, а у Славянъ уставъ; если же есть скоропись, то совсѣмъ иная, чѣмъ греческаго характера.. Въ греческихъ рукописяхъ употреблялись въ IX вѣкѣ знаки надстрочные: придыханія и ударенія, но ни въ одной древней славянской рукописи до XV вѣка—нѣтъ удареній: они появляются позднѣе. Стало быть въ первоначальномъ письмѣ славянскомъ также не было удареній. Въ греческомъ письмѣ IX вѣка употреблялось довольно правильное разнообразіе знаковъ препинанія; точка, двѣ точки, разная постановка точки и разнаго рода фигурные знаки. Изъ всѣхъ знаковъ препинанія у Славянъ до XV в. употреблялась только точка, притомъ совершенно не въ томъ смыслѣ, какъ у Грековъ, а въ какомъ-то особенномъ... Всѣ эти обстоятельства приводятъ къ мысли, что если не въ VI, то VII столѣтіи образовалось греческо-славянское письмо, которое существовало до IX вѣка. Когда Константинъ философъ принялся за свою Кириллицу т. е. за особенную постановку греческихъ буквъ вмѣстѣ съ новыми буквами для славянскаго языка, то онъ взялъ то письмо, которое уже прежде господствовало у Славянъ, задержанное въ своемъ развитіи привычкою.. Если все это—такъ,

то древность Кириллицы придется отодвинуть далеко вперед до мнимаго ея изобрѣтателя. Нельзя не видѣть здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ и косвеннаго аргумента въ пользу изобрѣтенья Кирилломъ Глаголицы!

²³³⁾ Сперва въ статьѣ: „Палеографическія замѣтки“, пом. въ Извѣстіяхъ II отд. Академіи Наукъ, Спб. 1860, томъ IX, стр. 161—167, потомъ, съ замѣчаніями другихъ ученыхъ, въ „Трудахъ перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ, т. I, М. 1871, стр. СХV—СХХII.

²³⁴⁾ Иное мнѣніе высказано было такимъ опытнымъ палеографомъ, кв. арх. Амфилохіемъ въ его брош. „О вліяніи греческой письменности на славянскую“, М. 1872, с. 3—4, отд. изъ Трудовъ 1-го Археологич. съѣзда, М. 1871, т. II, с. 860—873, впрочемъ—безъ подробныхъ доказательствъ.

86. Рядъ усилій разъяснить темное происхожденіе славянскихъ письменъ, время ихъ возникновенія и взаимныя отношенія—далеко не можетъ быть признанъ законченнымъ. Достоверныхъ, неподлежащихъ болѣе спору или сомнѣнію положеній—очень немного, гораздо болѣе существуетъ вѣроятныхъ, или такихъ, которыя требуютъ новыхъ изслѣдованій, разысканій и доказательствъ.

Достовернымъ можно признать только: а) связь Глаголицы съ Кириллицей, т. е. что изобрѣтателью второй была извѣстна первая, или наоборотъ и б) весьма раннее, хотя и не широкое—распространеніе Глаголицы у Славянъ Русскихъ и юго-западныхъ. Остатки Глаголицы на Руси еще требуютъ тщательнѣйшихъ изслѣдованій.

Вѣроятными или болѣе вѣроятными, чѣмъ противоположныя—должно признать слѣдующія положенія:

а) Глаголица — древнѣе той Кириллицы, какую мы имѣемъ въ письменныхъ славянскихъ памятникахъ; б) изобрѣтателемъ Глаголицы былъ св. Кириллъ Солунецъ, или крайней мѣрѣ прямымъ и косвеннымъ историческимъ свидѣтельствомъ объ изобрѣтеніи Кирилла удобнѣе объясняются и толкуются въ смыслѣ Глаголицы, чѣмъ Кириллицы; в) устройтелемъ Кириллицы въ ея славянскомъ видѣ былъ еп. Климентъ.

Требующими новыхъ изслѣдованій и подтвержденій являются: а) утверженіе о связи Глаголицы съ предполагаемыми Рунами, б) о хозарскомъ ея происхожденіи, и наконецъ по своей высокой важности — болѣе всего — в) мысль о связи древнихъ кирилловскихъ начертаній съ греческими VI - VII в., или объ образованіи въ это время греко-славянскаго письма. Еслибы эту, пока — гипотезу удалось доказать несомнѣнными данными, то въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи славянскихъ письменъ наступила бы новая эпоха. И доказать и отвергнуть эту догадку представляется дѣломъ для науки посильнымъ: тогда какъ для рѣшенія другихъ гипотезъ и утверженій по данному вопросу — за исчерпаніемъ стараго — необходимо новыи, свѣжій матеріалъ, въ данной догадкѣ — въ новыхъ матеріалахъ нѣтъ недостатка. Есть средства рѣшенія вопроса, остается приложить трудъ подробнаго методическаго изслѣдованія. При этомъ, кажется, не безъ значенія будетъ большая или меньшая степень независимости изслѣдователя отъ стараго, вѣками узаконеннаго преданія объ изобрѣтеніи св. Кирилломъ тѣхъ письменъ, которыя обыкновенно называются его именемъ т. е. Кирилловскими. Сила этого преданія доселѣ въ значительной степени закупаетъ изслѣдованіе и предрѣшаетъ много вопросовъ, которые безъ него были бы, конечно — рѣшаемы и рѣшены иначе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I

Историческое обозрѣніе.

Числа:

1. Характеръ и направленіе изученія отечественной письменности въ древней Руси.
2. Средоточіе литературной дѣятельности и письменности въ древней Руси.
3. 4. 5. Монастырскія и церковныя бібліотеки въ древней Руси. Архивы и бібліотеки частныхъ лицъ.
6. Характеръ и направленіе изученія древней отечественной письменности въ эпоху Петра.
7. Труды академиковъ: Коля, Миллера и Шлецера.
8. Труды Н. И. Новикова.
9. Труды Бакмейстера и Баузе.
10. Библиотека гр. А. И. Мусина—Пушкина, Шлецовъ „Несторъ“.
11. Труды Н. М. Карамзина.
12. Сочиненіе А. Н. Оленина о Тмутараканскомъ камнѣ.
13. Общественныя книгохранилища на Руси въ началѣ текущаго вѣка.
14. Дѣятельность гр. Н. П. Румянцева на пользу отечественной науки.
15. Дѣятельность ученыхъ обществъ: а) Исторіи и Древностей, б) Любителей Россійской Словесности.

16. Сподвижники гр. Румянцева: а) митр. Евгеній Болховитиновъ.
17. б) А. Х. Востоковъ.
18. в) К. Θ. Калайдовичъ.
19. г) П. М. Строевъ.
20. д) П. И. Кеппенъ.
21. Прочіе, меньшіе дѣатели эпохи Румянцева.
22. Свентицизмъ М. Т. Каченовскаго.
23. Характеръ и направленіе ученой дѣятельности эпохи гр. Румянцева.
24. Археографическая Экспедиція; плоды ея усилій. Основаніе Археологической Коммиссіи.
25. Труды ученыхъ тридцатыхъ годовъ по изслѣдованію древней-русской письменности.
26. Востоковскія: „Описаніе рукописей Румянцевскаго Музея“ и изданіе „Остромирова Евангелія“.
27. Обобщающій трудъ С. П. Шевырева: „Исторія русской Словесности, преимущественно древней“.
28. Дѣятельность Московскаго Общества Исторіи и Древностей въ періодъ секретарства Бодянскаго и Бѣляева, 1845—1878.
29. Дѣятельность Академіи Наукъ по отдѣленію Русскаго языка и Словесности Труды Срезневскаго и др.
30. Дѣятельность прочихъ ученыхъ и литературныхъ обществъ по древней русской письменности.
31. Периодическія ученныя изданія: Калачова, Тихонравова, Казанской Духовной Академіи, Хованскаго и др.
32. 33. Общій характеръ трудовъ по разбору и описанію рукописей.
34. Хронологически - библиографическій перечень описанія рукописей съ 1846 г.

35. Перечень библиографических трудов по старопечатнымъ книгамъ.
36. Сборныя изданія намятниковъ древне-русской письменности.
37. Труды по славяно-русской палеографіи.
38. Способы и приемы изданія памятниковъ.
39. Значеніе историческаго метода въ изученіи произведеній древней русской письменности.
40. Труды общаго характера по исторіи древней русской словесности.

II

Систематическое обозрѣніе.

I Предварительныя статьи:

A. Языкѣ.

41. Исторія изученія древне-славянскаго языка до Добровскаго и Востокова.
42. „Институціи славянскаго языка“ Добровскаго.
43. Труды по древне-славянскому языку Востокова.
44. Труды по древне-славянскому языку П. I. Шафарика и В. Копитара.
45. Труды по церковно-славянскому языку П. С. Вилярскаго.
46. Труды А. X. Востокова съ 1843.
47. Труды по сравнительно-историческому славянскому языкознанію Ф. Миклошича.
48. Труды О. М. Бодянскаго, Ѳ. И. Буслаева и В. И. Григоровича. Заключенія послѣдняго о рецензіяхъ старо-славянскихъ рукописей.
49. Труды по древне-славянскому языку И. И. Срезневскаго. Его мнѣніе о народности сего языка.
50. Труды А. Шлейхера и М. Гатталы.
51. Труды В. В. Ягича. Мнѣніе В. И. Ламанскаго о происхожденіи древне-славянскаго языка.

52. Исслѣдованіе отдѣльныхъ вопросовъ и собраніе матерьяловъ по древне-славянскому языку.
53. Исслѣдованіе въ бытовой области древне-славянскаго языка.
54. Исслѣдованія по церковно-славянскому языку Сербской редакціи.
55. Исслѣдованія по сравнительному славянскому языкознанію.
56. Общія замѣчанія о томъ, что сдѣлано и что остается сдѣлать по исслѣдованію древне-славянскаго языка.

Языкъ русскій.

57. Труды по исторіи русскаго языка II Отдѣл. Академіи Наукъ и пр. Павскаго.
58. Первые труды Максимовича и замѣтки Надеждина.
59. Первые труды Ѳ. И. Буслаева. Опытъ по исторіи русскаго языка Константина Аксакова.
60. „Начатки русской филологіи“ М. А. Максимовича. Сочиненіе С. Лебедева о вліяніи Польши на русскій языкъ.
61. „Мысли объ исторіи русскаго языка“ И. И. Срезневскаго.
62. Труды П. А. и Н. А. Лавровскихъ.
63. „Записка о древнемъ русскомъ языкѣ“ М. П. Погодина и движеніе, вызванное ею въ русской филологической литературѣ.
64. „Историческая Грамматика“ русскаго языка Ѳ. И. Буслаева. Его же „Историческая Хрестоматія“ и опытъ Виларскаго о языкѣ „Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ“.
65. Исслѣдованія по исторіи русскаго языка А. А. Потебни.

66. Труды по исторіи русскаго языка М. А. Колосова.
67. Трудъ П. И. Житецкаго: „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“.
68. Разработка частныхъ вопросовъ исторіи русскаго языка.
69. Труды по исторической лексикографіи русскаго языка.
70. Разработка „иноземныхъ словъ“ въ языкѣ русскомъ.
71. Разработка „областныхъ нарѣчій русскаго языка“.
72. Нетронутые и нерѣшенные вопросы исторіи русскаго языка.

В. Письмо. Кириллица и Глаголица.

73. Труды А. Фойгта, Добнера и Добровскаго по исторіи Славянскаго письма.
74. Труды В. Копитара по отношенію къ Глаголицѣ.
75. Труды по тому же предмету П. И. Прейса и И. И. Срезневскаго.
76. Труды и мнѣнія о Глаголицѣ В. И. Григоровича.
77. Первые изслѣдованія о Глаголицѣ П. І. Шафарика.
78. Сочиненіе Водянскаго: „О времени происхожденія славянскихъ письменъ.“
79. „Пражскіе глагольскіе отрывки“.
80. Изслѣдованія о происхожденіи славянскихъ письменъ Д-ра И. Гануша.
81. Сочиненіе Шафарика: „О происхожденіи и родинѣ Глаголитизма“.

82. Исслѣдованія о славянскомъ письмѣ Миглошича и Рачеаго.
83. „Древніе глаголическіе памятники“ И. И. Срезневскаго.
84. Глаголица на Руси. Мнѣніе В. И. Григоровича о ея происхожденіи.
85. Гипотеза И. И. Срезневскаго о древности Кириллицы.
86. „Вѣроятное“, „Достовѣрное“ и „Требуемое новыхъ изслѣдованій“ — въ вопросѣ о древнеславянскомъ письмѣ.
-